

ИНОСТРАННЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

ВЫП. I.

УНИВЕРСИТЕТЫ
АНГЛИИ

И
ГОДЫ СТУДЕНЧЕСТВА

ЕЯ
ЗНАМЕНИТЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Составлено подъ редакціею

Л. А. Богдановича.

Москва 1899.

Типографія Общества распространенія полезныхъ книгъ.

Аренд. И. К. Солнцевымъ.

Моховая, противъ манежа, д. ки. Гагарина.

Дозволено цензурою. Москва, 3 марта 1899 г

Государственный
— по народному —
образованию

№ 54.867

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Идея членовъ „Общества распространенія полезныхъ книгъ“ издать, въ рядѣ выпусковъ, воспоминанія бывшихъ воспитанниковъ нашихъ университетовъ и рядомъ съ этимъ серію выпусковъ, посвященныхъ описанію иностранныхъ университетовъ и таковымъ же воспоминаніямъ ихъ воспитанниковъ, въ пользу образованія фонда для помощи недостаточнымъ студентамъ, была встрѣчена крайне сочувственно и осуществляется нынѣ одновременно въ первомъ выпускѣ „Воспоминаній“ и настоящемъ выпускѣ, посвященномъ университетамъ Англіи.

Въ русской литературѣ пока нѣтъ общихъ обзоровъ устройства тѣхъ или другихъ иностранныхъ университетовъ, если не считать не многія случайныя статьи въ журналахъ, быстро исчезающія изъ обращенія и памяти. Лишь въ послѣднее время мы видимъ какъ бы пробужденіе интереса къ университетской жизни, и, на ряду съ задачами просвѣщенія народа, условія постановки высшаго научнаго образованія начинаютъ привлекать къ себѣ общественное вниманіе. Для правильнаго-же пониманія постановки высшаго образованія въ той или другой странѣ необходимо знакомство со строемъ и характеромъ развитія университетовъ этой страны.

Русскому студенту не мѣшаетъ знать о томъ, какъ живетъ и учится студенчество въ другихъ странахъ, тѣмъ болѣе, что то, о чемъ мы будемъ говорить, примѣнимо и ко всякому студенческому быту, но настоящее изданіе можетъ заинтересовать далеко не однихъ студентовъ, а всѣхъ образованныхъ читателей.

Не довольствуясь нашими скромными, хотя и долготѣнными, личными наблюденіями, мы, при составленіи настоящаго выпуска широко пользовались авторитетными источниками, которые здѣсь и назовемъ разъ навсегда.

Cl. Dukes. Health at School.

W. Whewell. Elements of English University Education.

Coubertin. L'education en Angleterre.

A. Ackland and Smith. Studies on Secondary Education.

Prat. „Oxford“ „Etudes Religieuses“.

G. Brodrik. A History of the University of Oxford.

Max Leclerc. L'education des classes moyennes.

L'Education populaire des adultes en Angleterre. Paris. 1896.

Л. А. Богдановичъ. „Успѣхи народнаго просвѣщенія въ Англіи“. „Наблюдатель“ 1898 г. №№ 2, 3, 4, 5, 7.

Ад. Смитъ. Біогр. оч. В. Яковенко.

У. Питтъ. Соч. Макколея.

Byron by Nichol.

Гладстонъ. Біогр. очеркъ А. Каменскаго.

Gladston on Hallam.

School-Boys of Eminent Men, by John Timbs.

Л. А. Богдановичъ.

ЧАСТЬ I.

ГЛАВА I.

Оксфордскій и Кембриджскій университеты и ихъ организація.

Два года тому назадъ, на юбилей королевы Викторіи, представителемъ православной русской церкви прибылъ преосвященный Антоній, архіепископъ Выборгскій, нынѣ митрополитъ С.-Петербургскій. Между прочимъ, преосвященный посѣтилъ Оксфордъ, а на другой день, въ салонѣ настоятеля посольской нашей церкви, бесѣдовалъ съ нами, немногими прихожанами.

„Я не знаю англійскаго языка“, говорилъ преосвященный, „но... я очень многое понялъ вчера, осматривая Оксфордъ. Миѣ говорили—стѣны..... Въ которомъ году вы окончили семинарію?“ обратился преосвященный съ вопросомъ къ настоятелю протоіерею Е. Смирнову.

„Въ 186.“. „А духовную Академію?“ „Въ 187“. „Если вы теперь поѣдете въ Петербургъ и вздумаете посѣтить эти заведенія—вы ихъ не узнаете совсѣмъ,—если-же воскресъ бы студентъ Оксфордскаго университета XVI столѣтія, то онъ не только узналъ

бы свою Alma Mater, но и мѣсто свое въ аудиторіи нашелъ бы и свои инициалы, гдѣ либо вырѣзанные на дубовой панели. Великъ здѣсь культъ традицій, велико и благородно почтеніе къ старинѣ“ . . .

Да, если нельзя не относиться съ уваженіемъ къ ясности разума британскаго, къ спокойному мужеству англичанъ, ихъ сознанію человѣческаго достоинства и любви къ семьѣ, то тѣмъ болѣе нельзя не преклониться передъ ихъ политическою мудростью, уваженіемъ къ традиціямъ своимъ, благодаря сохраненію которымъ безъ конвульсій и революціи почти выполнена англичанами ихъ прогрессивная эволюція.

Есть городъ, гдѣ наглядно можно изучить образованіе британскаго духа и темперамента, гдѣ избранники націи учатся великой наукѣ— *быть человекомъ*, гдѣ можно видѣть дебюты будущихъ парламентскихъ дѣятелей, гдѣ въ обожаніи архаическихъ обычаевъ не трудно открыть истинную привязанность къ прошлому, являющемуся хранителемъ генія расы, гдѣ наконецъ въ прелести и грандіозности парковъ и садовъ можно созерцать ту наивную и глубокую любовь къ природѣ, которая воплотилась въ вѣчно юной и лучезарной поэзіи Теннисона: это Оксфордъ, резиденція античнаго университета, цвѣтуцій, тихій и мирный городокъ, пріютишійся въ излучинѣ

Темзы. Прозрачныя испаренія Темзы, далекіе горизонты равнины, море зелени и голубой сводъ, представляютъ истинно англійскій пейзажъ, такой, какимъ его описывалъ Томсонъ, какимъ его изображалъ Тюрнеръ.

Уже на окраинахъ города, въ его новыхъ кварталахъ, вы чувствуете себя въ городѣ мирномъ, отдыхающемъ, но не сонномъ, дѣятельномъ, но не лихорадочно. Коттеджи, купающіеся въ зелени и цвѣтахъ, кажутся чудными уголками, гдѣ семейная жизнь должна протекать безъ заботъ и тревоженій. Какъ далека эта жизнь отъ вѣчно лихорадочной сутолоки Латинскаго квартала, съ его толпами студентовъ, нечесанныхъ поэтовъ въ большихъ шляпахъ съ тяжелыми палками, съ его молодежью „*déracinés*“, или живущею въ эмпиреяхъ, или прозябающею въ погонѣ за дипломомъ. Беспорядочной, интенсивной, искусственной жизни здѣсь нѣтъ мѣста. Издали развѣ увидите вы силуэтъ „эндерградюэта“ въ коротенькой накидкѣ и въ странномъ головномъ уборѣ, напоминающемъ нашъ уланскій киверъ, только безъ султана и съ плотно прилегающимъ къ темени плоскимъ четырехугольникомъ, — это студентъ, пробирающійся въ колледжъ. Вы идете дальше и скоро чувствуете себя очарованнымъ и потерявшимся. Многочисленные и разнообразныя зданія двадцати двухъ колледжей васъ окру-

жають со всѣхъ сторонъ и вы не видите выхода... Повсюду арки, колокольни и башни, рѣзко вырисовывающіеся на фонѣ ярко голубоватаго свода, тотъ же голубоватый сводъ сквозь кружева сѣрыхъ камней, уходяція вдаль перспективы мрачныхъ каменныхъ стѣнъ, низенькія и широкія двери, выходяція на смѣющіеся лужайки. Таинственныя улицы, темные уголки, узенькія и крутыя лѣстницы, роскошно скульптированныя арки — двери ведущія въ сады залитые солнцемъ, полные ароматовъ. Вотъ куполъ и итальянскія колоны Ратклифа, сбоку громадная масса въ грекороманскомъ стилѣ Шельдоніанскаго колледжа, дальше — Нью-Колледжъ въ чисто готическомъ стилѣ, съ другой стороны Крайстъ-Черчъ, приближающійся къ стилю эпохи Возрожденія и т.д. и т.д., словомъ, — всѣ стили, изобрѣтенные человѣкомъ за послѣднее тысячелѣтіе, но подъ покровомъ старины, которая стерла рѣзкіе углы, обезцвѣтила ихъ блескъ новизны, смягчила ихъ различія. Поэзія этихъ почернѣвшихъ, вывѣтривающихся, но могучихъ еще камней, еще болѣе возвышается среди вѣчно юной природы, среди цвѣтовъ и зелени, пользующихся благодатными лѣтними днями, подъ этимъ прекраснымъ лѣтнимъ небомъ. Всюду плющъ по фасадамъ и другія ползущія растенія, всюду въ готическихъ окнахъ цвѣты, яркими тонами своими смягчающіе холодъ мрачныхъ камней

зданий, возведенныхъ Христофоромъ Вареномъ, строителемъ Собора Св. Павла въ Лондонѣ.

Трудно подняться по головоломной лѣсенкѣ къ куполу Radcliffe library, но поднявшійся не пожалѣетъ труда своего. Отсюда глазъ обнимаетъ всю обширную панораму города, зданія котораго отчетливо рисуются на блѣдномъ фонѣ далекихъ лѣсовъ и холмовъ. Спокойный, мирный и прекрасный пейзажъ, тишину котораго нарушаютъ лишь меланхолическіе перезвоны колоколовъ. Повсюду миръ и тишина, — это истинный рай для старыхъ профессоровъ, роющихся въ пыльных фоліантахъ.

Гармонія, которую съумѣло внести время среди этихъ различныхъ комбинацій камня, поясняетъ намъ другую гармонію, — ту, которая паритъ между независимыми колледжами, соединившимися во имя общаго духа и ради коллективнаго культа ихъ *Alma Mater*. Основанные частной инициативою и на частныя средства, на нѣсколько столѣтій одинъ старѣе другаго, не имѣющіе между собою ни административной связи, ни финансовыхъ сношеній, колледжи составляютъ ассоціацію настолько единую и тѣсную, насколько можетъ быть такою Государственный Университетъ, — ассоціацію, соединенную идеями политическими, религіозными и педагогическими, составляющими въ общемъ то, что можно назвать англійскимъ университетскимъ духомъ.

Во главѣ общества Англіи, рядомъ съ self-made-men'ами, т. е. людьми, выработанными суровой школой жизни, стоятъ University-men'ы „университетскіе“, истинные сыны этихъ древнихъ и вліятельныхъ учреждений, проникнутые ихъ духомъ, люди уравновѣшенные, здоровые и крѣпкіе работники, привязанные къ своимъ учрежденіямъ и установившимся вѣрованіямъ.

Они живутъ въ колледжахъ, являющихся для нихъ многочленной семьей, въ которой они съ наслажденіемъ проводятъ часы своего отдыха; они имѣютъ свое автономное управленіе, вѣками созданное, свои независимыя средства, позволяющіе имъ всецѣло отдавать себя дѣлу науки, не заботясь о завтрашнемъ днѣ, о хлѣбѣ насущномъ.—Поэтому ихъ чувства строго опредѣлены, спокойны и обдуманы и съ пылкой свободой духа они питаютъ истинное благоговѣніе ко всему, что освѣщено прошлымъ, давшимъ имъ эту драгоцѣнную независимость.—Нѣтъ сомнѣній, что независимость эта не только не препятствуетъ, но поспѣшествуетъ имъ вѣрой и правдой служить родинѣ и коронѣ, отъ которой они ждутъ одной лишь награды—еще большей свободы. Таковъ духъ Англійскихъ университетовъ, въ которомъ нѣтъ ничего узкаго, исключительнаго,—духъ обезпечивающій свободное и гордое развитіе личныхъ талантовъ.

Для образованія этаго университетскаго духа, для его самопознанія и его выраженія въ созданіи той сущности, которою является нынѣ университетъ, понадобилось почти семь столѣтій, — хартія дана была Оксфордскому университету въ царствованіе Карла I. гражданскія же права первыхъ колледжей признаны были уже Іоанномъ Безземельнымъ. Впрочемъ, Оксфордскій университетъ претендуетъ на то, что основанъ онъ былъ королемъ Артуромъ еще. Претензія эта основана на поддѣлкѣ юридическихъ и литературныхъ документовъ, но что является безспорнымъ, это то, что Оксфордскій университетъ, хотя и безъ хартіи королевской, былъ вполне установившимся образовательнымъ заведеніемъ въ 1200 году, когда тамъ учился и училъ Св. Эдмундъ Ришъ, также какъ несомнѣнно извѣстно, что старые документы Кембриджскаго университета были сожжены горожанами въ 1261 году.

Словомъ, — Оксфордскій и Кембриджскій университеты почти такія-же старинныя національныя учрежденія какъ Парламентъ Британскій: они составляютъ одно съ британской конституціей и сокрушить эти столпы общественнаго зданія значило бы нарушить прочность цѣлаго. „Полнѣйшая независимость передъ лицомъ государственной власти, разнообразность регламентаціи, разнообразіе въ един-

ствѣ, свобода преподаванія, древность и религіозный характеръ происхожденія, богатство и прочность матеріальныхъ средствъ“, — таковы были въ 1856 году по показанію Монталамбера, таковы и по нынѣ главнѣйшія черты англійскихъ старѣйшихъ, но не новыхъ университетовъ, во многомъ, какъ увидимъ, отличающихся отъ своихъ старшихъ братьевъ.

Оксфордъ и Кембриджъ владѣютъ имуществомъ самыхъ разнообразныхъ видовъ и получаютъ съ него княжескіе доходы, — имъ принадлежатъ земли, фермы, городскіе дома, десятины, т. е. доходы, получаемые духовенствомъ, всевозможная движимость, копи и лѣса. Въ 1871 году ихъ земельныя владѣнія, разбросанныя по всей территоріи Англіи и Валлиса, составляли въ общей сложности 319,718 акровъ, или свыше 100,000 десятинъ, а доходы въ томъ-же году оцѣнивались въ 7,134,785 рублей. Нынѣ, благодаря земледѣльческому кризису доходы эти значительно сократились, но все же они превышаютъ пять милліоновъ рублей, причемъ этими громадными средствами пользуются очень не многіе сравнительно, такъ какъ число студентовъ обоихъ университетовъ рѣдко достигаетъ 6000.

Положеніе Оксфордскаго и Кембриджскаго университетовъ во всѣхъ отношеніяхъ исклю-

чительное и привилегированное. И нѣмецкіе университеты съумѣли сохранить свои традиціи, тоже очень древнія, но они не имѣютъ ни той красоты расположенія, о которой мы говорили, ни этаго обилія денежныхъ средствъ, ни полной независимости, какою справедливо могутъ гордиться Оксфордъ и Кембриджъ, ни наконецъ, той общей жизни въ колледжахъ, въ которой смѣшиваются нынѣ,—сливаются, такъ сказать, въ одинъ общій сплавъ самые разнородные по своему происхожденію элементы. Что же касается высшаго образованія во Франціи, то вотъ ужъ сто лѣтъ, какъ оно не имѣетъ ничего общаго съ тою университетскою жизнью, первоначальный типъ которой, послужившій образцомъ всей Европѣ, сложился въ Сорбонѣ и окружающихъ ее коллегіяхъ.

Завѣщанныя имущества и пожертвованія привязываютъ получающихъ ихъ крѣпкими узами выгоды и признательности не рѣдко къ весьма отдаленному прошлому; кучка избранниковъ, пользующаяся вѣковыми привилегіями, живущая тѣснымъ кружкомъ въ собственномъ городѣ, для нея выстроенномъ и украшенномъ ея многочисленными предшественниками, всегда будетъ высокомерна и консервативна,—это въ порядкѣ вещей: Оксфордъ и Кембриджъ тяготеютъ къ своему прошлому, потому что *держатся* имъ. Въ

этомъ прошломъ имѣются и печальныя стороны, къ которымъ мы еще обратимся, въ родѣ чрезмѣрнаго пьянства, давно обратившагося въ нѣкоторый видъ спорта, но за послѣдніе двадцать лѣтъ старые универститеты обратили свой взоръ къ настоящему, — стали прислушиваться къ отголоскамъ извнѣ, къ движенію внѣшняго міра, отчасти утратили свою исключительность, начали интересоваться всѣмъ новымъ, наконецъ, возымѣли честолюбивое желаніе вернуть себѣ свое почетное мѣсто въ ряду великихъ общественныхъ учрежденій, служащихъ чистой наукѣ. Это имъ удалось, но только въ извѣстной степени. Въ настоящее время ихъ общая фizioномія представляетъ три отличительныя черты, — они не перестали быть выразителями національнаго духа, имѣющими своимъ назначеніемъ вырабатывать людей дѣла, „*дѣлать людей, а не книги*“, по счастливому выраженію доктора Пьюзи; главнымъ образомъ, воспитывая челоуѣка, они дополняютъ въ извѣстныхъ размѣрахъ образованіе, которое даютъ публичныя и грамматическія школы Англіи; наконецъ, — и это новая черта ихъ, — они являются очагами высшей культуры, чему доказательствомъ служатъ труды Брайса, Поллока, Макса Мюллера, Робертсона Смиса, Фримена и др.

Англійскій университетъ есть моральная

личность, слагающаяся изъ союза неопредѣ-
леннаго числа другихъ моральныхъ лично-
стей—колледжей; это тотъ-же городъ, обра-
зовавшійся изъ отдѣльныхъ приходовъ, ко-
торые, соединившись, чтобы составить глав-
ную единицу, сохранили въ значительной
мѣрѣ свою автономію,—та-же федеративная
республика, въ которой федеральная власть
существуетъ лишь съ согласія всѣхъ ея ча-
стей, подписавшихъ начальный договоръ, и
распространяется лишь на сколько послѣднія
считаютъ возможнымъ это допустить. Основ-
ной элементъ университета—колледжъ, мо-
жетъ и самъ по себѣ представлять малень-
кій университетъ и долгое время колледжи
жили почти самостоятельной жизнью,—пуб-
личные университетскіе курсы, открытые для
студентовъ всѣхъ колледжей, учреждены уни-
верситетами, т. е. федеральной властью, очень
недавно.

Колледжъ состоитъ изъ ректора (master, provost, decan, rector, warden), изъ членовъ коллегіи (fellows) и студентовъ (undergraduates). Ректоръ выбирается членами своей коллегіи и вмѣстѣ съ ними управляетъ колледжемъ. Члены избираются ихъ будущими коллегами на основаніи экзамена, состоящаго изъ всѣхъ предметовъ и бываютъ двухъ разрядовъ: просто члены и члены-преподаватели. Первые должны быть обязательно бѣдны, точ-

нѣе—имѣть не болѣе 4680 рублей годового дохода; въ теченіе семи лѣтъ они получаютъ даровой столъ, квартиру и 1875 рублей годовой пенсіи, причемъ на нихъ не лежитъ никакихъ обязанностей,—они не связаны даже мѣстомъ жительства: обязательство про-извести опредѣленное изслѣдованіе или до-кончить начатый трудъ—вотъ самое большое требованіе, какое къ нимъ предъявляютъ иног-да *). Членство втораго рода связано съ извѣстными обязанностями, но за то вознаграждается соотвѣтственной прибавкой къ ок-ладу. Члены этой категоріи, въ настоящее время гораздо болѣе многочисленной, чѣмъ пер-вая, или читаютъ частныя лекціи, или испол-няютъ обязанности тьюторовъ, или наконецъ состоятъ профессорами университета и въ качествѣ таковыхъ вознаграждаются весьма щедро. Назначаются они на опредѣленный срокъ, но могутъ быть переизбираемы не-опредѣленное число разъ и, выходя въ от-ставку, получаютъ пожизненную пенсію.

Федеральныя власти идутъ въ такомъ по-рядкѣ: на вершинѣ лѣстницы стоитъ канцлеръ университета, которымъ обыкновенно выби-

*) Условія эти многимъ покажутся излишне роскошными, но благодаря имъ молодой ученый, не заботясь о насущномъ хлѣбѣ, о заработкѣ, можетъ всецѣло отдаваться наукѣ, не такъ какъ у насъ, гдѣ оставленные при университетахъ, ординаторы клиникъ даже, должны зарабатывать свой хлѣбъ всѣми путями, къ наукѣ не ведущими, вплоть до репортерства въ газетѣ включительно.

рается одно изъ почетнѣйшихъ лицъ государства, какимъ былъ на примѣръ герцогъ Веллингтонъ, какимъ является нынѣшній канцлеръ — Оксфордскаго университета маркизъ Сольсбери; затѣмъ вице-канцлеръ, называемый канцлеромъ и представляющій исполнительную власть отъ имени федерации; да еще два инспектора (proctors) и ихъ помощники, на которыхъ лежитъ внѣшняя полиція университетской жизни; они слѣдятъ за поведениемъ студентовъ на улицахъ и вообще внѣ ихъ колледжей; наконецъ, три совѣта, управляющіе университетомъ: 1) convocation, въ составъ котораго входятъ всѣ преподаватели и доктора университета, какъ живущіе, такъ и не живущіе въ немъ; собранія этого совѣта, на которомъ оказалось бы нѣсколько тысячъ человѣкъ, если бы всѣ пожелали явиться, происходятъ всего разъ въ годъ, въ концѣ лѣтняго триместра; это торжественныя собранія для назначенія ученыхъ степеней и раздачи университетскихъ наградъ, на нихъ же выбирается и канцлеръ; 2) congregation, состоящій изъ университетскихъ сановниковъ, директоровъ колледжей и всѣхъ преподавателей и докторовъ, живущихъ въ университетѣ; 3) „еженедѣльный совѣтъ“, состоящій изъ главныхъ университетскихъ сановниковъ и изъ восемнадцати членовъ, избираемыхъ передъ совѣтомъ (convocation) на-

значеніе его — составлять для университета законы.

Законодательная процедура довольно медленна и сложна; еженедѣльный совѣтъ вырабатываетъ проектъ и представляетъ его на разсмотрѣніе второму совѣту, который можетъ принять его, отвергнуть или видоизмѣнить. Затѣмъ проектъ переходитъ въ первый совѣтъ, который можетъ только принять его или отвергнуть, отвѣтивъ — да, или нѣтъ. Канцлеру, вице канцлеру и двумъ инспекторамъ принадлежитъ право veto. Такая организація несомнѣнно консервативна и консерватизмъ ея можетъ легко перейти въ полную косность.

За послѣдніе годы, однако, произошли быстрыя и важныя перемѣны. Историкъ Фрудъ, вернувшійся черезъ сорокъ лѣтъ въ свою Alma Mater, чтобы занять мѣсто Фримена на кафедрѣ новой исторіи въ Оксфордскомъ университетѣ, не узналъ послѣдній. „Народились новыя школы, явились новыя методы. Греческій языкъ и латынь лишились своей старинной монополіи, хотя и остались главными предметами курсовъ. На ряду съ ними изучаются живые языки, новѣйшая исторія, современная философія и естественныя науки. Атлетическія игры, служившія нѣкогда развлеченіемъ, превратились въ правильно-организованное занятіе; мы наканунѣ

возрожденія олимпійскихъ игръ. Безбрачіе исчезло изъ жизни колледжей и женщины — предметъ ужаса для схоластиковъ — вторглись въ предѣлы священной ограды“... Такъ говорилъ Фрудъ въ своей вступительной лекціи, но абсолютно правъ онъ былъ лишь относительно атлетическихъ игръ. — нужно признать, что, не смотря на безспорно благоприятныя условія, дѣло науки здѣсь все еще стоитъ далеко не на надлежащей высотѣ, женщинамъ-же, допускаемымъ къ конкурснымъ экзаменамъ, ученыхъ степеней не даютъ. Тѣмъ не менѣе и наличныя перемѣны совершились не безъ открытаго или тайнаго противодѣйствія; реформы шли свѣше и консервативныя силы въ лицѣ совѣтовъ университетовъ и директоровъ колледжей долго и упорно боролись противъ воли Парламента.

Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ университеты Англіи упали очень низко, особенно Оксфордскій: нравы были въ нихъ грубые, жизнь безсодержательна, — пить и пить много, — вотъ въ чемъ былъ главный смыслъ и цѣль бытія, — остальнаго не существовало. Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что пили гг. студенты всегда подъ предсѣдательствомъ своихъ туторовъ, профессоровъ и директоровъ, которые усердно конкурировали съ воспитанниками своими. Нѣкоторые изъ университетскихъ клубовъ, въ назиданіе потомству, вѣ-

роятно, до сихъ поръ хранятъ „книги регистровъ протоколовъ“, въ каковыя фоліанты вносились рекорды, данные участниками пира въ скорости выпиванія бутылки вина залпомъ. Очевидно, пили уже не ради удовольствія, а возводили питье въ спортъ. Книги эти въ нѣкоторыхъ клубахъ велись вплоть до семидесятихъ годовъ нашего столѣтія, отмѣченныхъ движеніемъ въ пользу оздоровленія внутренней жизни университетовъ. Могло-ли быть иначе? Дисциплина существовать не могла, ибо привилегіи присваивались нѣсколькими богатыми вельможами, раздававшими ихъ своимъ протеже. Стипендіи и членскія мѣста зачастую доставались людямъ совершенно неспособнымъ и недостойнымъ. Колледжи употребляли значительную часть своихъ доходовъ на покупку церковныхъ бенефицій для своихъ членовъ и университетъ фактически обратился въ нѣчто въ родѣ обширной семинаріи для англиканскаго духовенства. Церковь заботливо отстраняла отъ нихъ диссидентовъ и каждый вновь поступающій обязанъ былъ подписаться подъ такъ называемыми, „тридцатью девятью параграфами“, иначе объявить себя членомъ господствующей церкви.

Еще въ началѣ настоящаго столѣтія была признана нелѣпою система раздачи университетскихъ степеней безъ экзамена, практи-

ковавшаяся въ Оксфордскомъ университетѣ. Рѣшено было, что степень бакалавра будетъ выдаваться лишь послѣ экзамена и будетъ печататься списокъ двѣнадцати первыхъ, наиболѣе отличившихся кандидатовъ. Этотъ honour list двѣнадцати мало по малу вошелъ въ университетскіе нравы и оказалъ большое вліяніе на прогрессъ знаній. Оріельскій и Балліольскій колледжи въ Оксфордѣ сами отступились отъ старыхъ традицій и стали пускать на конкурсъ стипендіи и членскія мѣста. Послѣдствіемъ этаго было то, что лучшіе представители молодежи стали оспаривать другъ у друга честь сдѣлаться членомъ или стипендіатомъ этихъ колледжей. Такимъ простымъ способомъ эти два колледжа завоевали себѣ неоспоримое первенство надъ другими колледжами и всемірную извѣстность. Кембриджскій университетъ, такъ же какъ и Оксфордскій, былъ окованъ по рукамъ и ногамъ своею средневѣковою организаціей и отличался такою же религіозною исключительностью, но онъ никогда не падалъ такъ низко, какъ его соперникъ. Еще въ половинѣ XVIII вѣка Кембриджъ учредилъ у себя такъ наз. *mathematical tripos*, *) и съ этаго момента изученіе классическихъ литературъ становится, наряду съ изученіемъ математики, средствомъ отличиться и выдвинуться.

*) По извѣстной системѣ экзаменъ.

Около 1840 года началась компанія въ преобразовательномъ духѣ. Нѣкоторые изъ членовъ Палаты Общинъ потребовали изслѣдованія положенія дѣла. Перепуганные университетскія власти пытались отвести грозу. Въ Кембриджѣ университетскій совѣтъ учредилъ новые конкурсные экзамены по юриспруденціи, по философіи и по естественнымъ наукамъ. Оксфордъ открылъ два новые факультета: одинъ математическихъ и естественныхъ наукъ, другой— юриспруденціи и новой исторіи, и учредилъ новые экзамены, такъ называемые *moderations*, которые должны были происходить въ серединѣ университетскаго курса и напоминать студентамъ, что они поступили въ университетъ не съ единственной цѣлью фланировать... Всѣ эти доказательства похвального усердія къ наукѣ не помѣшали, однако, лорду Джону Росселю назначить въ 1850 году королевскую комиссію для изслѣдованія положенія дисциплины, преподаванія и доходовъ Оксфордскаго университета и колледжей. Спустя два года такая же комиссія нагрянула въ Кембриджъ. Это положило начало всѣмъ реформамъ, совершившимся во внутреннемъ режимѣ университетовъ.

Оксфордская комиссія состояла изъ двухъ свѣтскихъ лицъ и изъ шести духовныхъ, выбранныхъ изъ числа наиболѣе достойныхъ

представителей господствующей церкви. Изъ многихъ энергичныхъ заключеній, къ которымъ пришли члены комиссіи, одно было во всякомъ случаѣ довольно неожиданно, — комиссія рѣшила, что всѣ привиллегіи духовенства должны быть уничтожены. Университетскіе совѣты и директоры колледжей какъ будто задались задачей оправдать такую радикальную мѣру: они не переставали всячески противодѣйствовать комиссарамъ, проявляя по отношенію къ нимъ самое упорное недоброжелательство и косность людей, которыхъ потревожили въ ихъ стародавнихъ скверныхъ привычкахъ.

Комиссія безусловно осудила обязательность „тридцати девяти параграфовъ“ и потребовала ея упраздненія. Она констатировала, что въ Оксфордскомъ университетѣ, нѣкогда столь многочисленномъ, училось всего до тысячи студентовъ, а ежегодно поступало лишь триста, и главной причиной такого уменьшенія числа студентовъ считала правило, введенное въ 1829 году, по которому каждый студентъ долженъ былъ принадлежать къ одному изъ колледжей и которое естественно преграждало доступъ въ университетъ молодымъ людямъ со скромными средствами, такъ какъ жизнь въ Оксфордскихъ колледжахъ никогда не была дешева. Члены комиссіи рекомендовали возстановленіе ста-

раго режима, при которомъ университетъ былъ открытъ для всѣхъ, какъ для членовъ, такъ и не для членовъ колледжей.

Коммиссія не нашла и слѣдовъ преподаванія съ кафедры. Въ 1850 году въ Оксфордѣ не было ни одного публичнаго курса: университетъ уже болѣе не училъ, а представлялъ титорамъ готовить къ экзаменамъ кандидатовъ въ четырехъ стѣнахъ своихъ колледжей. Этотъ „временный перерывъ“, какъ называлъ его одинъ изъ директоровъ колледжей въ письмѣ къ канцлеру, герцогу Веллингтонъ, продолжался ровно 150 лѣтъ... Чтобы заставить университетъ стряхнуть свое оцѣпенѣніе, надо было возстановить профессорскія кафедры, снова дать представителямъ науки и литературы возможность говорить публично. Но сверхъ того, въ видахъ обезпеченія будущаго, надо было по примѣру Ориельскаго и Балліольскаго колледжей, пустить на конкурсъ всѣ стипендіи и членскія мѣста всѣхъ колледжей.

Почти во всемъ раздѣляя взгляды королевской коммисіи, правительство внесло въ Парламентъ билль о реформѣ, но въ вопросѣ религіи и духовенства лордъ Джонъ Россель оказался реформаторомъ менѣе либеральнымъ чѣмъ коммиссія, хотя и составленная въ большинствѣ изъ представителей церкви. Его билль не упразднялъ обя-

зательности „тридцати девяти параграфовъ, а привилегіи духовенства упразднялъ лишь въ тѣхъ болледжахъ, въ которыхъ двѣ трети членовъ уже принадлежали къ духовенству. Лордъ Джонъ Россель не хотѣлъ поднимать религіознаго вопроса по поводу университетовъ, но одинъ членъ Палаты Общинъ предложилъ и, несмотря на противодѣйствіе правительства, провелъ поправку билля, по которой упразднялось религіозное испытаніе при зачисленіи въ университетъ. Палата пошла еще дальше. Она уже открыла двери университетовъ католикамъ и диссидентамъ, теперь она завершила свой актъ терпимости, допустивъ ихъ къ университетскимъ степенямъ. Большая часть университетскихъ степеней, почетныхъ должностей и привилегій стали доступными заслугѣ. Самые развитые, самые предприимчивые и честолюбивые изъ представителей новыхъ поколѣній устремились въ университеты и взяли ихъ приступомъ. Старинные монастырскіе корридоры Оксфорда, квадратные дворы Кембриджа, уснувшіе залы ожили, наполнились толпами восторженной молодежи. Краснорѣчивыя слова зазвучали съ такъ долго пустовавшихъ кафедръ; университетскія типографіи начали выпускать цѣлыя серіи работъ, являвшіеся настоящими памятниками эрудиціи и изящнаго вкуса.

Съ теченіемъ времени эти реформы были дополнены. Въ 1871 году, послѣ долгаго и упорнаго противодѣйствія со стороны Палаты Лордовъ, были упразднены и послѣднія религіозныя ограниченія: отнынѣ диссиденты могли конкурировать и на высшую степень магистра и на членскія мѣста. Съ 1872 по 1882 годъ надъ завершеніемъ реформы работало нѣсколько комиссій. Первая, лорда Клевеленда, производила изслѣдованіе финансоваго положенія университетовъ: это изслѣдованіе должно было привести къ болѣе раціональному употребленію университетскихъ фондовъ и доходовъ; надо было наконецъ заставить университеты принять на себя новыя обязанности въ видѣ содержанія публичныхъ общихъ курсовъ и щедро вознаграждаемыхъ профессоровъ. Въ 1882 году преобразованія были закончены и университеты и колледжи получили одобренный парламентомъ новый статутъ.

ГЛАВА II.

Условія жизни въ старыхъ университетахъ Англіи.

Съ 1882 года число студентовъ въ старыхъ университетахъ значительно возросло, такъ какъ теперь для того, чтобы учиться въ Оксфордѣ или Кембриджѣ можно ограничиться доходомъ до 2 тысячъ рублей въ годъ, тогда какъ прежде студенту не хватало и трехъ тысячъ. Впрочемъ, это зависитъ отъ того колледжа, въ который поступаетъ новый студентъ, — въ такихъ большихъ колледжахъ, какъ Тринити въ Кембриджѣ, жизнь студента обходится до четырехъ тысячъ въ теченіе лишь 27—28 недѣль академическаго года, въ маленькихъ же не дороже 1800 рублей. Естественно, что жизнь не коллегіальныхъ студентовъ, т. е. живущихъ на частныхъ квартирахъ и къ колледжамъ не принадлежащихъ, обходится еще дешевле, но не менѣе 1500 рублей въ учебный годъ.

Съ 1882 года университетскій курсъ замѣтно разширился; естественныя науки получили права гражданства и имъ отведено было даже видное мѣсто; при обоихъ университетахъ имѣются богатые музеи и хорошо

обставленные лабораторіи. Хотя уровень экзаменовъ на *pass degree*, т. е. на степень простаго бакалавра безъ отличій и не слишкомъ высокъ, всетаки можно сказать, что университетскій курсъ достаточно дополняетъ среднее образованіе. Добавимъ къ этому, что соціальныя различія изгнаны изъ уставовъ и что нынѣ университеты окончательно перестали представлять изъ себя семинаріи англиканскаго духовенства. Преобладаніе свѣтскаго элемента въ университетскомъ персоналѣ — совершившійся фактъ: въ 1891 году въ Оксфордѣ директора колледжей были еще въ большинствѣ духовнаго званія (18 изъ 23), но профессора публичныхъ курсовъ были почти сплошь свѣтскіе, а изъ 391 членовъ, живущихъ въ университетѣ, только 150, т. е. менѣе половины были духовные.

Все что требуется для поступленія студентовъ въ Оксфордскій или Кембриджскій университеты — это письменное заявленіе двухъ лицъ, имѣющихъ постоянное жительство въ Англіи, что поступающій — лицо годное и способное для слушанія университетскаго курса. Затѣмъ поступающему, будь онъ англичанинъ или иностранецъ, остается продолжать лишь церемонію „матрикуляціи“ и выбрать одинъ изъ 20 колледжей Оксфорда (въ Кембриджѣ ихъ 17), или вступить въ число не коллегіальныхъ студентовъ.

Дѣло въ томъ, что въ самомъ университетѣ, помимо колледжей, существуетъ нѣсколько независимыхъ кафедръ, подборъ которыхъ, впрочемъ, довольно случайный, — кафедръ, основанныхъ также какъ и колледжи, на щедроты какихъ либо жертвователей. Такъ напримѣръ, въ Кембриджѣ существуетъ „королевскій профессоръ греческаго языка“, т. е. кафедра греческаго языка, оплачиваемая на средства, пожертвованныя однимъ изъ англійскихъ королей и „Садлеровъ профессоръ математики“, т. е. кафедра математики, основанная на средства нѣкого Садлера. Такихъ кафедръ не мало и въ Оксфордѣ. Существуетъ также помимо лекцій коллегіальныхъ, т. е. читающихся исключительно для студентовъ одного опредѣленнаго колледжа, лекціи „между-коллегіальныя“, *inter-collegiate*, которыя читаются для всѣхъ студентовъ, къ какой бы коллегіи они не принадлежали. Такимъ образомъ, каждый студентъ, поступившій въ одинъ изъ колледжей, можетъ посѣщать лекціи: 1) въ своемъ колледжѣ, 2) между-коллегіальныя и 3) университетскія. Смотря по средствамъ того и другого колледжа, по наличнымъ преподавательскимъ силамъ его, онъ можетъ дать студенту больше или меньше матеріала, въ формѣ лекцій и уроковъ, по разнымъ предметамъ.

Студенты стремятся поступать въ болѣе

богатые, старые, лучше обставленные колледжи, которые вслѣдствіе этаго переполняются; менѣе богатые остаются и съ меньшимъ числомъ слушателей. Съ другой стороны, напротивъ, нѣкоторые думаютъ, что въ маленькомъ колледжѣ преподаваніе иногда приноситъ больше непосредственной пользы студенту, такъ какъ преподаватели имѣютъ возможность посвящать больше времени на каждаго студента въ отдѣльности, что именно при той системѣ преподаванія, которая практикуется въ Англіи вообще и въ двухъ старыхъ ея университетахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, въ особенности, имѣетъ большое значеніе. Кромѣ того, какъ мы говорили уже, жизнь въ большихъ колледжахъ обходится дороже, чѣмъ въ маленькихъ, поэтому и послѣдніе не пустуютъ, а продолжаютъ свое скромное существованіе наряду съ богатыми. Въ виду ограниченности числа лицъ, могущихъ обучаться въ данномъ колледжѣ, многіе, въ особенности большіе колледжи, устроили особые вступительные экзамены, которые позволяютъ имъ изъ лицъ, заявившихъ о своемъ желаніи вступить въ опредѣленный колледжъ, выбрать наилучшихъ, или по крайней мѣрѣ, наилучшимъ образомъ сдавшихъ конкурсный экзаменъ. Такой экзаменъ требуется напримѣръ, для поступленія въ студенты Оріельскаго и Балліольскаго колледжей

въ Оксфордѣ и Тринити въ Кембриджѣ. Напротивъ, менѣе богатые колледжи стараются *привлечь* къ себѣ студентовъ, такъ какъ плата, взимаемая со студентовъ, составляетъ почти единственный доходъ ихъ.

Въ прежнее время всѣ студенты должны были поступать въ одинъ изъ колледжей и жить въ зданіи его, но когда, послѣ реформы, число желавшихъ поступить въ университетъ возросла настолько, что стѣны колледжей уже не могли вмѣщать столь большаго числа кандидатовъ, имъ разрѣшено было жить и не въ самомъ зданіи, а въ городѣ, однако, только въ такихъ домахъ, которые получали отъ университета специальное разрѣшеніе принимать къ себѣ студентовъ. Наконецъ, въ семидесятыхъ годахъ послѣдовало разрѣшеніе сперва въ Оксфордѣ, а потомъ и въ Кембриджѣ, допускать студентовъ и не-коллегіальныхъ (по студенчески *non coll.*), которые могутъ не приписываться къ какому бы то ни было колледжу, а слушать между-коллегіальныя лекціи и лекціи университетскихъ профессоровъ.

Бъ свѣдѣнію русскихъ замѣтимъ, что коллегіальныя лекціи имѣютъ болѣе элементарный, такъ сказать техническій характеръ, высшія же части науки излагаются профессорами университета, а не колледжей и между-коллегіальными профессорами, почему

иностранцамъ и нѣтъ разсчета стремиться въ колледжи, въ которыхъ жизнь притомъ же гораздо дороже чѣмъ на свободѣ. Впрочемъ, число не-коллегіальныхъ студентовъ въ старыхъ университетахъ не значительно, на 6000 коллегіальныхъ, въ обоихъ университетахъ, не-коллегіальныхъ приходится немного болѣе трехъ сотъ.

Церемонія матрикуляціи состоитъ въ томъ, что новички-студенты обязательно въ формѣ, т.е. въ ихъ накидкахъ мантияхъ и квадратныхъ шапкахъ, являются въ опредѣленный день и часъ къ „цензору“ университета, выслушиваютъ его краткую рѣчь и въ особой книгѣ, „прикладываютъ руку“ (чисто англійское выраженіе) подъ обѣщаніемъ исполнять всѣ правила и требованія университетскаго начальства и оказывать должное почтеніе какъ вице-канцлеру университета такъ и его помощникамъ... Интересно замѣтить, что именно *вице-канцлеру*, а не канцлеру. Это вѣроятно потому, что, какъ говорили мы, канцлеръ университета есть должность только почетная, которую занимаетъ какой нибудь выдающійся государственный дѣятель, на самомъ дѣлѣ ничего общаго съ университетскими дѣлами не имѣющій, такъ что и почтеніе ему оказывать не приходится. Затѣмъ вновь поступившіе такимъ же образомъ вписываютъ свои фамиліи въ соотвѣт-

ствующую книгу въ „Сенатѣ“ университета, чѣмъ и кончается вся церемонія. Отнынѣ они „члены университета“. Вообще членомъ университета считается всякій студентъ, профессоръ или преподаватель, вся-же совокупность этихъ лицъ и составляетъ „университетъ“, какъ общество людей, занимающихся наукою. Специальный терминъ для означенія студента есть „under-graduate“, т. е. собственно „лицо, еще не получившее ученой степени“. Англійское же слово „students“ не значитъ „студентъ“, какъ мы понимаемъ этотъ терминъ, а вообще чловѣкъ, занимающійся изученіемъ науки, самой элементарной, или самой возвышенной, безразлично. Въ этомъ смыслѣ въ Англіи и гимназисты и профессора являются students'ами. Кромѣ того всѣ студенты, а также всѣ лица, получившіе степени бакалавра искусствъ или бакалавра правъ, называются лицами состоящими *in statu pupillari*. Матрикуляція стоитъ для не-коллегіальнаго студента 30 шиллинговъ, или около 15 рублей, для поступленія-же въ колледжъ она обходится почти въ 150 рублей, если студентъ не получаетъ стипендіи. Кромѣ того каждую треть вносится по 30 шиллинговъ въ бюро для завѣдыванія не-коллегіальными студентами, помимо платы за отдѣльные курсы, которые каждый студентъ слушаетъ. Студентъ — самъ выби-

раетъ профессоровъ и предметы, которые онъ желаетъ слушать. Университетъ не заботится о томъ, чтобы студентъ слушалъ именно опредѣленные курсы, или чтобы онъ слушалъ только эти предметы, а не какіе либо иные. Университетъ предъявляетъ свои требованія лишь на экзаменахъ, и студентъ можетъ уже самъ выбрать путь, которымъ онъ достигнетъ знаній, необходимыхъ для полученія той или другой ученой степени. Поступивъ въ колледжъ, студентъ опредѣляется къ одному изъ тьюторовъ колледжа, который слѣдитъ за тѣмъ, чтобы его ученики хорошо занимались, или точнѣе были бы надлежащимъ образомъ готовы къ университетскимъ экзаменамъ, а также и за поведеніемъ студента, иногда ввѣряемаго попеченію тьютора родителями молодого „члена университета“. Тьюторъ—ближайшій совѣтникъ студента въ его знаніяхъ и помощникъ во всѣхъ затрудненіяхъ. Теоретически тьюторъ замѣняетъ студенту его родителей, онъ ему служитъ *in loco parentis*. Кромѣ тьюторовъ коллегіальныхъ, для студентовъ не-коллегіальныхъ имѣются частные тьюторы, специально приготовляющіе къ экзаменамъ. Это въ родѣ нашихъ репетиторовъ, съ тою лишь разницею, что у насъ репетиторъ является сравнительною роскошью, въ Оксфордѣ-же и Кембриджѣ, для того, чтобы сдать экзаменъ на степень

бакалавра with honours, т. е. „съ почетомъ“, почти необходимо заниматься съ туторомъ. Господа эти обыкновенно занимаются съ студентами съ каждымъ отдѣльно, tête-à-tête, но нѣкоторые наиболѣе извѣстные туторы имѣють столь значительное число учениковъ, что устраиваютъ „тutorскіе классы“, въ которыхъ преподаваніе уже мало отличается отъ преподаванія въ колледжахъ. Частные туторы должны обладать универсальными познаніями. Они готовятъ студента къ полному экзамену на ученую степень по всѣмъ предметамъ опредѣленнаго курса, напр. по всѣмъ отдѣламъ математики, чистой и прикладной, или по всѣмъ естественнымъ наукамъ, между тѣмъ какъ преподаватели университета и колледжей преподають въ данное время только одинъ или небольшое число предметовъ сразу. Но особенная обязанность частнаго тьютора состоитъ въ томъ, чтобы знать спеціально тѣ отдѣлы, которые особенно важны для университетскихъ экзаменовъ, умѣть рѣшать задачи именно того сорта, которыя задаются на экзаменахъ, и умѣть передать своимъ ученикамъ массу частныхъ пріемовъ, искусственныхъ мнемоническихъ правилъ и пр., посредствомъ которыхъ облегчается рѣшеніе задачъ, или запоминаніе необходимыхъ для экзаменовъ отрывковъ изъ учебниковъ. Такимъ

образомъ, роль тьютора — роль чисто техническая. Тьюторъ долженъ стараться, чтобы его ученики прошли экзамены успѣшно, чтобы они получили степень, и притомъ, чтобы въ списокѣ лицъ, получившихъ степени, имена его учениковъ занимали первое мѣсто, ибо списки эти печатаются по порядку успѣшности выдержавшихъ экзамены. Надо замѣтить, однако, что такой техническій характеръ преподаваніе имѣетъ главнымъ образомъ въ математикѣ и классическихъ языкахъ, т. е. въ предметахъ, которые преподаются по стариннымъ преданіямъ, издавна. Въ болѣе новыхъ наукахъ, въ естественной исторіи, въ нравственныхъ и историческихъ наукахъ, дѣло поставлено болѣе удачно. Замѣтимъ здѣсь, что по укоренившемуся въ Англіи убѣжденію, въ Кембриджѣ преподаются много основательнѣе математическія науки, а въ Оксфордѣ — нравственные и историческія, вслѣдствіе чего въ послѣднемъ институтѣ тьюторовъ не такъ развитъ какъ въ первомъ.

Для того, чтобы имѣть право держать экзаменъ на первую ученую степень — бакалавра, должно пребыть въ Кембриджѣ или Оксфордѣ 9 третей или термовъ, т. е. 3 года, въ теченіе же каждой трети необходимо пребыть опредѣленное число дней въ университетскомъ городѣ. *) Студентамъ, отлучав-

*) Приблизительно $\frac{2}{3}$ всѣхъ дней триместра.

шимся на большее противъ положеннаго число дней, термъ не засчитывается, но въ то же время нѣтъ необходимости провести три года подрядъ въ университетѣ, ибо всякая треть, проведенная въ Оксфордѣ или Кембриджѣ въ качествѣ студента, засчитывается на неопредѣленное время. Можно уѣхать изъ университетскаго города, вернуться черезъ нѣсколько лѣтъ и продолжать свои занятія, пока не будетъ пройдено въ суммѣ 9-ти термовъ, послѣ чего можно держать экзамень.

Обыкновенно, частнымъ тьюторамъ платится по девяти фунтовъ, или около 90 руб., въ треть, но тьюторы популярныя получаютъ и по 10 и даже 12 фунтовъ въ термъ. Занятія съ тьюторомъ происходятъ обыкновенно черезъ день, по часу, и если принять во вниманіе, что число недѣль, которыя заключаются въ одномъ термѣ, не превышаетъ 8—9, то окажется, что частный тьюторъ получаетъ за урокъ около 4—5 рублей. Имѣя много учениковъ, г.г. эти сравнительно въ короткое время составляютъ себѣ хорошее состояніе. Въмѣсто оффиціальнаго названія — тьюторъ, студентами принято называть ихъ метафорически „coach“, т. е. извозчикъ, ибо тьюторъ „перевозитъ“ студента на экзаменахъ. Есть тьюторы, стяжавшіе громкую славу, какъ напримѣръ, докторъ Кембриджскаго университета Роуль, по выходѣ своемъ

въ отставку, воспѣтый въ передовой статьѣ самимъ „Times“омъ. Онъ былъ тридцать лѣтъ титоромъ математики въ колледжѣ Св. Петра и величайшіе математики современной Англіи — всѣ его ученики.

Къ упомянутымъ расходамъ присоединяется еще гонораръ за отдѣльные курсы, слушаемые студентомъ. Лекціи, читаемыя университетскими профессорами, бесплатны для всѣхъ студентовъ, лекціи же преподавателей оплачиваются обыкновенно отъ 10 до 20 р. за термъ. За практическія занятія въ кабинетахъ и лабораторіяхъ взимается приблизительно такая же плата. Нѣкоторыя лекціи, читаемыя титорами колледжей, бесплатны для студентовъ этихъ колледжей и оплачиваются гонораромъ со студентовъ другихъ колледжей и неколлегіальныхъ студентовъ, лекціи же, читаемыя титорами лишь для студентовъ своего колледжа, оплачиваются изъ средствъ самаго колледжа, такъ что за посѣщеніе этихъ лекцій студенты ничего не платятъ. Изъ правилъ этихъ, впрочемъ, возможны исключенія. Прежде всего, профессора иногда отказываются отъ гонорара, а встрѣчаются и такіе, которые при бесплатныхъ лекціяхъ, принимаютъ въ опредѣленные дни и часы у себя на дому студентовъ для бесѣдъ съ ними по предмету курса.

Въ суммѣ, однако, расходы собственно на преподаваніе далеко не такъ велики, какъ это принято думать и какъ было дѣйствительно нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Въ настоящее время основано множество стипендій и пособій, дающихъ возможность проходить курсъ наукъ въ университетахъ, не заботясь о заработкѣ, чему обречены наши студенты, причемъ, однако, для полученія такихъ стипендій необходимо выдержать конкурсный экзаменъ и удовлетворять нѣкоторымъ другимъ условіямъ, напр. быть не старше извѣстнаго возраста и т. п.

Главные расходы студента во время его пребыванія въ университетѣ составляетъ не плата за слушаніе лекцій или пользованіе кабинетами и лабораторіями, а самая жизнь, которая въ маленькихъ городкахъ, Оксфордѣ и Кембриджѣ, обходится значительно дороже, чѣмъ въ большихъ городахъ Англіи и даже въ Лондонѣ. Впрочемъ, замѣтимъ, что бѣдная молодежь и не стремится въ старые университеты. Большинство студентовъ здѣсь — люди богатые, даже очень богатые, а нѣкоторые колледжи состоятъ преимущественно изъ богатѣйшихъ студентовъ. Имѣя менѣе 4-хъ тысячъ въ учебный годъ нельзя и думать поступить въ такіе напримѣръ колледжи какъ Балліольскій въ Оксфордѣ и Тринити въ Кембриджѣ, а между тѣмъ учебный годъ

составляетъ лишь 28—27 недѣль, т е. немного болѣе полугода. Поступая въ колледжъ студентъ нанимаетъ въ немъ квартиру, состоящую обязательно изъ двухъ, а иногда и болѣе комнатъ, причемъ за квартиру эту онъ платитъ много дороже, чѣмъ заплатилъ бы въ городѣ въ частномъ домѣ, или меблированныхъ комнатахъ, къ слову сказать, устроенныхъ въ Оксфордѣ превосходно. Мало того, онъ долженъ самъ меблировать свою квартиру. Правда, уѣзжая по окончаніи курса, онъ можетъ продать свою мебель или торговцу или своему преемнику, но въ первомъ случаѣ онъ получить обратно лишь незначительную часть затраченной суммы, преемники же предпочитаютъ заново меблировать свою квартиру. За обѣдъ, и вообще столъ, колледжъ также взимаетъ съ воспитанниковъ своихъ солидную плату, такъ что въ суммѣ жизнь въ колледжѣ обходится гораздо дороже, чѣмъ внѣ колледжа для студентовъ не коллегіальныхъ. Но кромѣ расходовъ на жизнь и ученіе, студентъ тратитъ еще значительныя суммы на развлеченія и удовольствія о которыхъ будемъ говорить дальше. Каждый студентъ состоитъ непременно членомъ нѣсколькихъ студенческихъ обществъ, взносъ же въ каждое такое общество составляетъ не менѣе фунта или 10 рублей въ термъ, и 30 рублей въ годъ. Со-

держаніе лошадей, собакъ, велосипеды и спортъ всѣхъ видовъ, дорогіе костюмы для различныхъ случаевъ и многое другое составляетъ для многихъ студентовъ постоянный большой расходъ, не говоря уже о людяхъ хлѣбосольныхъ, которые любятъ по поводу каждаго случая задавать пріятелямъ обѣды и такъ называемые Wine-parties.

Нужно замѣтить, что предоставляя студенту самому сообразоваться съ его бюджетомъ, университетъ какъ бы даетъ студентамъ до извѣстной степени Selfgovernment, къ развитію котораго имѣются уже ярко выражаемые тенденціи. Студенту предоставляется самому вести его хозяйство и нѣтъ сомнѣній, что въ первый триместръ, еще новички, студенты тратятъ больше чѣмъ слѣдуетъ, не считаютъ цѣнъ того, что заказываютъ, но уже во второмъ термѣ они научаются этому, а „въ противномъ случаѣ“, говоритъ Students Guide, „вину слѣдуетъ отнести не къ неопытности, но къ легкомыслію и неспособности студента“. Все это уже указываетъ, до какой степени отличается жизнь англійскаго средняго студента Оксфорда и Кембриджа отъ жизни средняго студента на континентѣ. Дальше мы увидимъ и многія другія отличія.

Подписавшіе обязательство подчиняться начальству, неколлегіальные студенты имѣ-

ють право нанимать квартиру только въ тѣхъ домахъ, хозяева которыхъ получили на то разрѣшеніе отъ университета, причемъ хозяева эти облакаются университетомъ такимъ же правомъ принятія полицейскихъ мѣръ, какимъ по отношенію къ коллегіальнымъ студентамъ пользуется колледжъ. Правила, исполнять которые обязуется домохозяинъ и сложны и пространны. Такъ на примѣръ, хозяинъ дома обязанъ держать закрытою дверь дома отъ 10 ч. вечера до 6 ч. утра и никого въ это время не впускать и не выпускать. иначе, студентъ не имѣетъ права ни возвращаться домой, ни принимать у себя, позднѣе 10 ч. вечера; о нарушеніяхъ этихъ и др. правилъ домохозяинъ ведетъ особые листки, представляемые еженедѣльно начальству университета; въ воскресные дни хозяинъ дома не долженъ допускать никакихъ „угощеній“ для своихъ квартирантовъ. За нарушеніе подобныхъ правилъ домохозяинъ лишается временно или навсегда права держать у себя квартирантами студентовъ, а они уплачиваютъ въ первый разъ незначительный штрафъ, во второй—штрафъ большій, въ третій-же наказуются домашнимъ арестомъ, который состоитъ въ томъ, что вмѣсто 10 ч. вечера, студентъ долженъ сидѣть дома съ 7 часовъ. Далѣе, студентъ обязанъ ходить на лекціи въ мундиръ. Въ

остальное время онъ можетъ ходить въ какомъ угодно ему костюмѣ, но вечеромъ, когда зажжены фонари, студентъ опять долженъ показываться не иначе какъ въ мундирѣ, въ воскресенье же долженъ носить мундиръ весь день. За соблюденіемъ этихъ правилъ также слѣдитъ хозяинъ дома (на практикѣ—почти всегда хозяйка), а также „прокторы“, т. е. инспектора, которые ходятъ по улицамъ въ сопровожденіи двухъ помощниковъ, педелей, которыхъ называютъ бульдогами. У каждаго изъ нихъ, по старинному обычаю, неукоснительно должна быть съ собою библія. Прокторы наблюдаютъ за дисциплиною, штрафуютъ студентовъ, которыхъ они поймаютъ не въ формѣ или совершающими какое либо незаконное дѣяніе, на примѣръ, курящихъ на улицѣ. Тѣ-же наказанія, штрафы и домашній арестъ (gates) налагаются и за такіе проступки, какъ непосѣщеніе лекцій или церкви. Студентъ, обучающійся въ колледжѣ, обязанъ посѣщать тѣ лекціи, которыя ему укажетъ тьюторъ. Онъ можетъ кромѣ того слушать другія лекціи, но есть ихъ минимумъ по каждому отдѣлу, который студентъ долженъ выслушать абкуратно. Это правило не распространяется на не-коллегіальныхъ, которымъ представляется право слушать или не слушать что имъ угодно. Каждый коллегіальный студентъ

обязанъ, кромѣ того, посѣщать аккуратно церковь, которая имѣется при каждомъ колледжѣ. На каждую лекцію, спустя минутъ пять послѣ ея начала, является одинъ изъ служителей колледжа, извѣстный подъ именемъ „маркера“ и не прерывая чтенія, молча, въ расграфленномъ списокѣ студентовъ, прокалываетъ клѣтки присутствующихъ, а затѣмъ подаетъ этотъ списокъ профессору. Студенту, у котораго потомъ окажется много не проколотыхъ графъ, тьюторъ дѣлаетъ подобающее внушеніе и назначаетъ ему, если нужно, наказаніе. Точно также и при входѣ въ церковь маркеръ прокалываетъ графы богомольныхъ и точно также тьюторъ дѣлаетъ внушенія и налагаетъ наказанія на манкирующихъ церковью. Замѣтимъ, что коллегіальный студентъ долженъ ходить въ церковь не менѣе пяти разъ въ недѣлю, а въ воскресенье посѣтить церковь два раза. Для посѣщенія церкви существуетъ особый мундиръ: вмѣсто черной — бѣлая мантия-накидка, доходящая до земли и нѣсколько инаго фасона чѣмъ обыкновенная. Сектанты, индусы и иностранцы, конечно, освобождаются отъ посѣщенія церкви. Выше мы говорили, что для того, чтобы студенту былъ зачтенъ термъ, онъ долженъ пребыть извѣстное число дней въ университетскомъ городѣ. О томъ, чтобы онъ дѣйствительно выполнилъ эту

обязанность слѣдять съ одной стороны хозяйка дома или коллегіальное начальство, т.-е. гг. тьюторы, прокторы и маркеры, съ другой же — не-коллегіальный студентъ самъ обязанъ ежедневно давать доказательство своего пребыванія въ городѣ, записывая въ особую книгу въ канцеляріи цензора свою фамилію. Коллегіальные студенты, кромѣ того, обязаны не менѣе пяти разъ въ недѣлю обѣдать въ самомъ колледжѣ. Кто не знаетъ какую вообще важную роль въ англійской жизни играетъ обѣдъ? Понятно, что въ Оксфордѣ и Кембриджѣ, хранящихъ старину свято и нерушимо, обѣдъ также составляетъ важную церемонію. Около половины седьмого вечеромъ по всему городу раздается звонъ колоколовъ различныхъ колледжей — это зовутъ къ обѣду. Студенты и профессора облачаются въ свои мантии и направляются въ столовую залу, обыкновенно составляющую главное украшеніе колледжа. Иностранцу, пріѣхавшему въ Оксфордъ или Кембриджъ въ качествѣ туриста, непременно покажутъ внѣшнюю архитектуру колледжа, а затѣмъ введутъ его въ церковь и обѣденную залу.

Дѣйствительно въ нѣкоторыхъ колледжахъ залы эти поражаютъ своимъ великолѣпіемъ, гармонирующимъ съ торжественностью и какъ бы священностью обѣда.

Вдоль всей громадной залы тянутся три длинныхъ стола, за которыми обѣдаетъ, однако, сразу не болѣе трети студентовъ, такъ какъ для всѣхъ не хватило бы мѣста, — сперва старшіе затѣмъ младшіе. На особомъ возвышеніи въ глубинѣ стоитъ поперекъ залы профессорскій столъ, за которымъ возсѣдаетъ директоръ колледжа, профессора, принадлежащіе къ колледжу, члены его, т.-е. лица, не совсѣмъ соотвѣтствующіе нашимъ „оставленнымъ при университетѣ“ и иногда нѣкоторые студенты, такъ называемые fellows-commoners, что можно перевести — „сотрапезники начальства“. За право „сотрапезовать“ гг. эти платятъ болѣе другихъ за свое содержаніе. Къ чести старыхъ англійскихъ университетовъ скажемъ, что обычай этотъ, бывшій прежде весьма распространеннымъ, мало по малу выводится. Одинъ изъ трехъ студенческихъ столовъ обыкновенно бываетъ занятъ окончившими курсъ, такъ называемыми бакалаврами. Обѣдъ начинается молитвою, которую читаетъ за профессорскимъ столомъ, по латыни, одно изъ духовныхъ лицъ колледжа. Кушанья подаетъ цѣлая толпа лакеевъ во фракахъ, подъ начальствомъ особыхъ распорядителей. Обычай, въ силу котораго студентамъ прислуживали ихъ бѣдные товарищи, стипендіаты, къ счастью давно вывелся. Обѣдъ профессоровъ отли-

чается отъ обѣда студентовъ и качествомъ и количествомъ подаваемыхъ блюдъ и напитковъ. Студентамъ даютъ пиво, а за особую плату они могутъ требовать какое угодно вино, примеры и деликатесы, но обыкновенно студенты воздерживаются отъ употребленія вина въ зданіи колледжа, точнѣе въ его столовой залѣ. Желаящіе кутнуть не стѣсняясь присутствіемъ начальства могутъ сдѣлать это когда имъ угодно въ своей квартирѣ или въ одномъ изъ ресторановъ въ городѣ, хотя по правиламъ они и должны присутствовать на обѣдѣ въ колледжѣ. Правило это толкуется въ томъ смыслѣ, что студентъ обязанъ по крайней мѣрѣ войти въ залу, въ обѣденное время, чтобы его отмѣтилъ маркеръ и долженъ также уплатить за свой обѣдъ. Когда наступаетъ время Нью-Маркетскихъ скачекъ, которыя привлекаютъ всегда толпы студентовъ, въ колледжахъ появляются объявленія, въ коихъ начальствомъ выражаются надежды, что „всѣ студенты будутъ обѣдать въ своемъ колледжѣ“, но... давно уже извѣстно, что надежды начальства никогда не сбываются. Сигналь окончанія обѣда дается тѣмъ, что на профессорскій столъ приносится большая серебряная ваза со свареннымъ въ колледжѣ домашнимъ и крѣпчайшимъ элемъ. Въ торжественныхъ случаяхъ, въ дни университет-

скихъ или коллегіальныхъ празднествъ, ваза эта по старинному обычаю обходить всѣхъ обѣдающихъ, профессоровъ и студентовъ. Послѣ обѣда читается опять латинская молитва и студенты расходятся, а профессора направляются еще въ особую, такъ называемую „комбинаціонную комнату“ (combination room) гдѣ и комбинируютъ вина и ликеры съ кофе и чаемъ, послѣ чего происходитъ ежедневная бесѣда о текущихъ дѣлахъ колледжа.

Къ сказанному добавимъ еще нѣсколько не лишенныхъ интереса правилъ и законоположеній, заимствованныхъ нами изъ статута колледжей, помѣщаемого ежегодно въ главнѣйшихъ выдержкахъ въ „Университетскомъ календарѣ“, или такъ называемой „Университетской Библии“. Каждое постороннее университету лицо, лавочникъ, виноторговецъ, содержатель лошадей, хозяинъ магазина и т. д., взявшій отъ студента какое либо письменное обязательство, росписку, залогъ или иное обезпеченіе, можетъ подвергнуться за такой проступокъ отлученію, или какъ принято теперь называть „бойкотированію“. Такому же отлученію подвергаются рестораторы и виноторговцы, отпустившіе *студенту* спиртныхъ напитковъ *болѣе чѣмъ на пять человекъ*. Студентамъ-же запрещается принимать участіе въ азартныхъ играхъ, имѣть

дѣло съ ссудными кассами, стрѣлять голубей, активно участвовать на скачкахъ, стрѣлять изъ ружей вообще въ предѣлахъ университета, участвовать въ попойкахъ безъ разрѣшенія тьютора, править лошадьми и т. д.

Таковы правила, налагаемые университетомъ на своихъ воспитанниковъ, а черезъ нихъ и на городъ, который, какъ мы видимъ изъ исторіи Оксфорда и Кембриджа не разъ боролся съ университетомъ не только на почвѣ юридической, но и съ оружіемъ въ рукахъ.

Кромѣ дисциплинарныхъ распоряженій, колледжи, однако, не мѣшаютъ студентамъ въ ихъ начинаніяхъ: напримѣръ, для сходовъ и собраній, въ зданіи колледжа или въ частныхъ помѣщеніяхъ, нѣтъ иныхъ ограниченій, кромѣ времени. Студенты могутъ основывать общества, занимающіеся чѣмъ угодно, начиная отъ игры въ вистъ или куренія табаку, и кончая дебатированіемъ социалистическихъ программъ—въ этомъ отношеніи имъ предоставляется полная свобода. Студенты могутъ писать и печатать что имъ угодно, хотя бы каррикатуры на начальство свое, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, однако, прокторы, нежелающіе, чтобы какое нибудь печатное произведеніе распространялось въ городѣ, могутъ весьма легко наложить на него за-

прещеніе посредствомъ системы отлученія. Одно общее замѣчаніе. Какъ ни странны, стѣснительны и даже обидны могутъ показаться указанныя правила, регулирующія жизнь студентовъ до мелочей, онѣ не возбуждаютъ недовольства среди студентовъ или иныхъ лицъ въ Оксфордѣ и Кембриджѣ. Студенты вполне подчиняются этимъ правиламъ, признавая ихъ справедливыми и полезными. Они признаютъ, что правила эти составлены для ихъ же пользы, а не ради какихъ либо постороннихъ соображеній и уважаютъ постановленія лицъ, къ которымъ питаютъ довѣріе. Правда, въ обоихъ университетахъ существуетъ партія, которая видитъ въ современномъ уставѣ много недостатковъ и постоянно предлагаетъ измѣненія въ немъ, но и эти измѣненія не нарушаютъ общаго характера университетовъ: этотъ характеръ видоизмѣняется лишь постепенно, безъ рѣзкихъ перемѣнъ, постоянною дѣятельностью законодательнаго сената и начальства отдѣльныхъ колледжей. Тутъ ни разу не было полной перемѣны устава, полного разрыва съ прошлымъ. Статуты отдѣльныхъ колледжей сохранились до сихъ поръ отъ отдаленныхъ временъ ихъ основанія подобно тому, какъ и вообще въ Англіи новое налагается на старое, совершенствуя его, но не уничтожая.

Тѣмъ не менѣе, въ наше время въ старыхъ университетахъ произведена была крупная коренная реформа, — въ оба церковные города проникло вліяніе женщинъ.

Въ 1869 году, ровно тридцать лѣтъ назадъ, въ Кембриджѣ открытъ былъ первый колледжъ для женщинъ — Гертонъ Колледжъ, а въ 1871 году къ нему присоединился новый — Нью Хэмскій. Въ первомъ изъ нихъ число слушательницъ достигаетъ 150, во второмъ — 100.

Оксфордъ послѣдовалъ примѣру Кембриджа, но нескоро: Соммервиль-Холль и Леди-Маргаретъ-Холль основаны были здѣсь въ 1879 году, а Сентъ-Гюгсъ-Холль въ 1886 году. Въ настоящее время почти вездѣ женщины допущены наравнѣ съ мужчинами къ слушанію всѣхъ курсовъ, занятіямъ въ кабинетахъ и лабораторіяхъ, и къ экзаменамъ на какія угодно ученыя степени. Кембриджскія студентки на примѣръ гордятся и справедливо тѣмъ, что уже нѣсколько разъ на конкурсномъ экзаменѣ на математическій „трайпосъ“, за ними оставалась побѣда, равно какъ нѣсколько разъ „первымъ классикомъ“ оказывалась воспитанница Гертонъ-Колледжа. Французскій писатель Мандать-Грансей рассказываетъ, что по утвержденіямъ людей наблюдательныхъ, побѣды эти имѣютъ непосредственную связь съ

метеорологическими явленіями. Женщины одерживаютъ побѣды на конкурсныхъ экзаменахъ въ тѣ годы, когда весна стояла сухая, послѣ-же дождливыхъ весенъ — побѣды одерживаются студентами пола не прекраснаго. Это объясняется очень просто. Мужчины студенты — всѣ поголовно спортсмены и въ хорошую погоду весною они всѣ въ полѣ или на рѣкѣ готовятся къ состязаніямъ въ брикетъ, теннисъ и греблѣ, что, конечно, весьма неблагопріятно отзывается на экзаменахъ въ Іюль мѣсяцѣ, женщины-же знаютъ цѣну пословицѣ „дѣлу время — потѣхѣ часъ“ и ровно занимаются круглый годъ, благодаря чему послѣ сухой весны и побѣждаютъ студентовъ-спортсменовъ.

Женскіе колледжи выстроены за городомъ и настолько далеко отъ него нѣкоторые, что напримѣръ, студентокъ изъ Гертонъ-Колледжа привозятъ въ Кембриджъ каждый разъ на лекціи въ каретахъ и такимъ же образомъ увозятъ обратно. Дѣвушки обязаны жить въ колледжѣ, дисциплина котораго такая же, какъ и въ мужскихъ колледжахъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ для замужнихъ, напримѣръ, и иностранокъ дѣлаются исключенія. Начальница колледжа имѣетъ неограниченный контроль надъ нимъ и является единственною законодательницею, въ предѣлахъ устава, одобреннаго жертвователями, на средства

которыхъ учреждены колледжи. Начальницей Нью-Хэмп Колледжа состоитъ Миссъ Клафъ, извѣстная поборница эмансипаціи женщинъ, помощницей-же ея Миссъ Гладстонъ, дочь почившаго великаго государственнаго дѣятеля и либерала. Администрируется колледжъ совѣтомъ, состоящимъ изъ двѣнадцати мужчинъ и девяти женщинъ, но какъ мы говорили власть начальницы весьма велика.

Здѣсь взимается со студентки по 25 гиней въ термъ, т. е. по 750 рублей въ годъ, но на всемъ готовомъ, — дополнительныхъ платъ или сборовъ никакихъ нѣтъ.

Живя въ общежитіи, далеко отъ города, англійскія курсистки мало знакомятся со студентами, среди которыхъ до сихъ поръ не принято встрѣчать студентку, хотя въ Кембриджѣ, напримѣръ, въ майскую недѣлю празднествъ, Миссъ Клафъ и Гладстонъ устраиваютъ всегда garden parties, на который приглашаются всѣ студенты. Дѣвушки не участвуютъ въ студенческихъ обществахъ, кромѣ весьма немногихъ, играютъ въ лаунъ-теннисъ и пр. только между собою и ни студенты не посѣщаютъ ихъ, ни онѣ не посѣщаютъ студентовъ на дому. Даже на лекціяхъ студентки усаживаются обязательно гдѣ либо въ углу, вдали отъ студентовъ, съ которыми онѣ почти никогда не разговариваютъ. Въ своихъ колледжахъ, онѣ имѣютъ,

какъ и студенты, свои общества для игръ въ полъ и свои общества дебатовъ, на которыя студенты также недопускаются. Кромѣ профессоровъ, общихъ мужскимъ и женскимъ колледжамъ, въ послѣднихъ имѣются свои профессора-женщины и репетиторы, съ которыми студенты занимаются, какъ студенты съ тѣми же самыми экзаменамъ. Но еще ни въ одномъ англійскомъ университетѣ женщина не выступала профессоромъ иначе, какъ въ женскомъ же колледжѣ. С. В. Ковалевская не могла бы получить кафедру въ Англіи. Такимъ образомъ женскій вопросъ еще не вполне рѣшенъ въ Англіи, тѣмъ болѣе, что, какъ говорили мы, допускаемая къ конкурснымъ экзаменамъ на всѣ ученыя степени и побѣждая, онѣ не получаютъ дипломовъ нигдѣ, кромѣ молодаго Лондонскаго университета. Два года назадъ вопросъ о дипломахъ вновь былъ выдвинутъ впередъ и получилъ острый характеръ. Въ Сенатѣ Кембриджскаго университета образовалась значительная партія за женщинъ, но при голосованіи она потерпѣла пораженіе, а гг. студенты на площади передъ сенатомъ забросали гнилыми яблоками и картофелемъ бѣдныхъ студентокъ, ожидавшихъ тутъ же результатовъ голосованія. Сцена эта произвела удручающее впечатлѣніе въ интеллигентныхъ кружкахъ Англіи.

За женщинами уже вполне признано право на высшее образованіе, равное съ образованіемъ мужчинъ, основываются новые колледжи для спеціального обученія женщинъ, или имъ открываются двери разныхъ уже существующихъ высшихъ учебныхъ заведеній, но дипломъ и профессуры имъ не даютъ еще. Еще многіе на студентокъ смотрятъ какъ на нѣчто необыкновенное, но англичане, какъ всегда, подвигаются впередъ медленно и вѣрно и всякій сдѣланный шагъ уже никогда не теряется, а потому женское образованіе, вполне установившееся, продолжаетъ развиваться и входитъ въ область нормальныхъ явленій англійской жизни. Пройдетъ еще десять лѣтъ и женщины несомнѣнно повліяютъ на перемѣну характера университетовъ. Косвенно онѣ уже повліяли, ибо съ 1877 года, когда упразднена была обязательность безбрачія для членовъ колледжей, измѣнились и университетскіе нравы и общая фізіономія университетовъ. Жизнь колледжей, создававшая тѣсную связь между членами и студентами утратила свой, почти монастырскій, характеръ.

Женатые члены должны были выселиться изъ колледжей и живутъ теперь на окраинахъ Оксфорда и Кембриджа въ хорошенъкихъ коттеджахъ. Хожденія въ гости на партію лаунъ-тенниса или на чашку чаю, музыкальные и танцевальные вечера убили

грубыя попойки общей залы, чему можно только порадоваться, но въ тоже время нельзя не сказать, что съ этими новыми развлеченіями исчезаетъ одна изъ привлекательныхъ сторонъ жизни колледжей—долгія бесѣды между мужчинами въ дыму папиросъ, у камелька маленькой студенческой комнаты.

Разсказавъ о внѣшнемъ устройствѣ университетовъ и колледжей въ Кембриджъ и Оксфордъ, объ уставахъ и правилахъ дѣйствующихъ въ нихъ и условіяхъ жизни въ этихъ церковныхъ городахъ, перейдемъ теперь къ жизни студентовъ старыхъ университетовъ Англіи и сравнимъ эту жизнь съ жизнью студентовъ континентальныхъ университетовъ, замѣтивъ здѣсь разъ навсегда, что вся религіозная, политическая и соціальная жизнь Англіи тѣсно связана съ ея двумя старыми университетами и была тѣсно связана съ ними въ теченіе многихъ столѣтій.

ГЛАВА III.

Жизнь студентовъ англійскихъ университетовъ и ея различіе отъ таковой-же на континентѣ.

Уже изъ предыдущаго читатель могъ заключить, что англійскіе студенты должны въ значительной степени отличаться отъ студентовъ континентальныхъ университетовъ, ибо подборъ студентовъ этихъ совершается изъ иныхъ классовъ общества, и правила, которыми они управляются, кореннымъ образомъ отличаются отъ правилъ, управляющихъ студентами на континентѣ, что въ свою очередь свидѣтельствуешь о различіи въ характерѣ тѣхъ лицъ, для которыхъ эти правила составлены. Развѣ нужно было бы, у насъ на примѣръ, писать правила подобныя тѣмъ, которыя мы видѣли относительно стрѣльня голубей, конскихъ скачекъ и т. п., и возможны ли были бы историческія правила, повелѣвающія студентамъ возвращаться къ опредѣленному часу домой, подъ страхомъ наказанія денежнымъ штрафомъ?

Совокупность изложенныхъ выше правилъ прежде всего приводитъ къ заключенію, что студенты, для которыхъ правила эти составлялись въ былые годы, были гораздо моложе нашихъ не лѣтами одними, но и жизненнымъ опытомъ. Требования перемѣнились, но правила остались. Возрастъ вступленія студентовъ въ Кембриджскій или Оксфордскій университеты опредѣляется приблизительно въ 17—19 лѣтъ*); кромѣ этихъ нормальныхъ, такъ сказать, студентовъ, въ обоихъ университетахъ существуетъ немалое число гораздо болѣе старыхъ студентовъ, лицъ, уже окончившихъ какой нибудь другой англійскій, а въ особенности шотландскій, или ирландскій университетъ, иностранцевъ, и др. Лица эти составляютъ во всякомъ случаѣ исключеніе изъ общаго правила. Пребываніе въ университетѣ продолжается для студента не менѣе трехъ лѣтъ для большинства студентовъ, и не менѣе пяти лѣтъ для медиковъ. Такимъ образомъ, можно считать среднимъ возрастомъ студентовъ во время ихъ пребыванія въ университетѣ—20 лѣтъ. И при всемъ томъ правила, существующія для регулированія поведенія этихъ 20 - лѣтнихъ юношей болѣе строги во многихъ отношеніяхъ, чѣмъ правила существующія для учениковъ гимназій, или иныхъ подобныхъ учебныхъ

*) Прежде поступали 15 и даже 14 лѣтъ.

заведеній на континентѣ. Въ то же время, если сравнить правила, существующія въ англійскихъ школахъ, то окажется, что онѣ во многихъ отношеніяхъ гораздо менѣе стѣснительны, чѣмъ соотвѣтственные правила для учениковъ континентальныхъ школъ. Такъ напримѣръ англійскіе школьники — пансіонеры, помимо часовъ, посвященныхъ обязательнымъ играмъ въ „футъ-болль“ и „крикетъ“, вполне свободно распоряжаются внѣкласснымъ временемъ, какъ имъ угодно, причемъ пользуются имъ преимущественно для игръ, составляя для этого особыя ассоціаціи или общества, разъѣзжая иногда изъ города въ городъ на турниры въ „футъ-болль“ и „крикетъ“. Иногда они собираются въ помѣщеніи школы въ „дебатырующее общество“, въ которомъ обсуждаютъ политическіе вопросы и высказываютъ свое мнѣніе относительно мѣропріятій правительства. Очевидно, что студентъ въ Англіи не пользуется большею свободою, чѣмъ школьникъ. Переходъ отъ школы къ университету является лишь переходомъ изъ одного колледжа въ другой, управляемый сходными законами. Различіе является лишь въ преподаваемыхъ предметахъ, но не во внѣшнихъ условіяхъ жизни. Можно слѣдовательно сказать, что англійскій студентъ не болѣе какъ большой гимназистъ, также какъ англійскій гимназистъ можетъ быть на-

званъ маленькимъ студентомъ. По сравненію съ нашими и вообще континентальными студентами, средній уровень развитія англійскихъ студентовъ, при поверхностномъ взглядѣ, кажется далеко не высокимъ. Наивность англійскаго студента проявляется въ любомъ разговорѣ и невольно удивляешься, что эти самыя люди, которые въ 20 лѣтъ такъ наивны, будутъ современемъ государственными людьми и притомъ въ странѣ, требующей такого большого развитія для вступленія на государственное поприще, какъ Англія. Для поступленія въ англійскій университетъ образовательный цензъ не требуется и студентъ, основательно прошедшій въ университетѣ теологію, математику, или медицину можетъ получить степени бакалавра, магистра и доктора, оставаясь положительнымъ невѣждой въ географіи и исторіи, напримѣръ. Въ бесѣдахъ съ англійскими студентами, я неоднократно убѣждался, что относительно Россіи, напримѣръ, имъ извѣстно лишь, что у насъ есть „Питерсбергъ“, „Холли Москоу“ и „Сабирья“, т.-е. Петербургъ, святая Москва и Сибирь, и на мое удивленіе мнѣ отвѣчали, что „детали“ вопрошаемому еще не нужны. Вмѣстѣ съ тѣмъ я убѣдился и въ томъ, что если англичанину, хотя бы и въ зрѣломъ возрастѣ, оказывались нужными какія либо знанія, онъ имъ пріобрѣтался немедленно и основательно

усваивались. Каждый англичанинъ прежде всего является „человѣкомъ съ планомъ“ и всѣ тѣ знанія, которыя не имѣютъ непосредственной связи съ его планомъ, имъ игнорируются. Многіе въ наивности англійской молодежи, въ ихъ позднемъ (по нашему мнѣнію) развитіи, видятъ частный примѣръ общаго закона, по которому чѣмъ выше мы идемъ въ рядѣ органическихъ формъ, тѣмъ дольше продолжается младенческій періодъ жизни недѣлимаго, быть можетъ это и справедливо. Нельзя не признать въ тоже время, что если люди, которыхъ мы въ Россіи считали бы вполне взрослыми, состоятъ еще въ Англіи на ученическомъ положеніи, то за то старики, или люди, которыхъ мы называли бы стариками, оказываются здѣсь бодрыми юношами. Въ Англіи очень рѣдко можно встрѣтить государственнаго дѣятеля моложе 50 лѣтъ, большинство ихъ переходитъ за 60 при достиженіи отвѣтственныхъ постовъ.

Въ прошломъ году нынѣшній премьеръ Англіи, маркизъ Сольсбери, могъ праздновать сорокапятилѣтній юбилей своего пребыванія въ Парламентѣ, но „Times“ продолжаетъ именовать его „молодымъ человѣкомъ“, отнюдь не иронизируя.

Итакъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что къ англійскимъ студентамъ нельзя непосредственно примѣнять ту мѣру, которую мы при-

выкли прилагать къ студентамъ на континентѣ, и нужно помнить, что англійскіе старыя университеты даютъ не столько образованіе студентамъ, сколько воспитаніе, „дѣлають не книги, а людей“.

Самою выдающеюся чертою студенческой жизни въ Англіи, въ отличіе отъ студенческой жизни въ другихъ странахъ, является громадное значеніе, которое имѣють игры въ этой жизни. Не только играмъ приписывается значеніе, не уступающее значенію преподаванія науки, но можно съ увѣренностью сказать, что для большинства студентовъ игры являются гораздо болѣе важнымъ предметомъ занятія чѣмъ наука. Страсть къ играмъ выносятся уже изъ школы и передается изъ университета дальше въ жизнь. Всякій, кому приходилось видѣть англичанъ, живущихъ хотя бы и на континентѣ, знаетъ, что гдѣ бы они не поселились, первое, что они себѣ устраиваютъ, это — удобное мѣсто для игры въ лаунъ - теннисъ, или крикетъ. Спортъ всякаго рода составляетъ исключительный предметъ занятій большинства англичанъ, имѣющихъ свободное время и средства на такое занятіе, а такихъ, какъ извѣстно, въ Англіи больше чѣмъ въ какой бы то ни было другой странѣ. Среди студентовъ игры, гонки и отчасти охота составляютъ занятіе, которому посвящается большая часть времени пребыванія въ университетѣ.

Студентъ считалъ бы свой день окончательно потеряннымъ, если бы онъ не провелъ средину дня въ полѣ, за атлетическими занятіями. Каждый день, послѣ утреннихъ лекцій и втораго завтрака, происходящаго около 1 часа дня, студентъ переодѣвается изъ офиціального мундира или партикулярнаго платья въ спеціальный костюмъ, предназначенный для одной изъ игръ. и отправляется на соотвѣтствующее поле играть съ товарищами. Костюмъ этотъ носить общее названіе „flannels“. Онъ имѣетъ различную форму для разныхъ игръ, — одну для лаунъ тенниса, другую для футъ-болля, третью для катанія въ лодкѣ, четвертую для крикета и т. д. и т. д. все новыя формы для состязанія въ бѣгѣ, въ силѣ, на велосипедахъ, игры въ полѣ, въ „собакъ и зайца“ и пр. Состязанія въ различныхъ упражненіяхъ между студентами разныхъ колледжей, или состязанія между колледжами, происходятъ ежедневно. Для этого въ каждомъ колледжѣ существуютъ спеціальныя студенческія общества, цѣль которыхъ играть въ соотвѣтствующія игры. Такъ существуетъ въ каждомъ колледжѣ свое „Общество гребли“, „Общество игры въ футъ-болль“. „Общество игры въ крикетъ“, „Общество велосипедистовъ“ и т. д., а въ нѣкоторыхъ колледжахъ существуетъ по нѣскольку подобныхъ об-

ществъ одной и той же категоріи. Такимъ образомъ число студенческихъ обществъ, исключительно посвященныхъ играмъ, составляетъ уже само по себѣ нѣсколько сотъ въ одномъ университетѣ. Не менѣе 17 обществъ существуетъ для каждой игры, а игры можно считать десятками. Добавимъ къ этому, что и не-коллегіальные студенты имѣютъ такія общества, а затѣмъ существуютъ еще и обще-университетскія ассоціаціи, такъ что число всѣхъ обществъ для атлетическихъ игръ въ университетѣ весьма велико. Каждое Общество въ каждомъ колледжѣ имѣетъ свою собственную форму, сочиненную самими студентами. благодаря чему число разнообразныхъ формъ въ Кембриджѣ и Оксфордѣ чрезвычайно велико, — улицы города, среди дня, представляютъ всегда весьма пестрый видъ отъ снующихъ по нимъ студентовъ въ ихъ спортивныхъ костюмахъ. Обыкновенно эта форма состоитъ изъ короткой куртки, какого нибудь яркаго цвѣта, полосатой или клетчатой, съ гербомъ колледжа на груди; свѣтлыя короткія панталоны, длинные свѣтлые чулки, маленькая шапочка и кожанныя или матерчатыя туфли дополняютъ костюмъ и составляютъ вмѣстѣ взятые нѣчто похожее на костюмъ клоуновъ, или акробатовъ. Опытный человѣкъ, видя студента въ такомъ костюмѣ, можетъ точно опредѣлить къ кабо-

му онъ колледжу принадлежить, въ какую игру отправляется играть и даже приблизительно насколько онъ успѣваетъ въ этомъ спортѣ, ибо плачевное состояніе костюма прямо пропорціонально успѣху въ спортѣ и слѣдовательно обратно пропорціонально успѣху въ наукахъ. Видя часа въ четыре дня возвращающагося съ игры студента въ изодранномъ костюмѣ, задыхающагося отъ усталости, не способнаго говорить, иногда съ кровавыми подтеками или рубой на перевязи, каждый истинный англичанинъ скажетъ: „good fellow“! (молодецъ).

Мягкій климатъ Англіи позволяетъ студентамъ почти круглый годъ играть на воздухѣ въ свои любимыя игры въ такихъ легкихъ костюмахъ. Всю зиму всѣ играютъ въ футболь, весною же и лѣтомъ въ крикетъ и теннисъ. Игра въ футболь, самая популярная изъ студенческихъ и самая опасная, ибо нерѣдко сопровождается членовредительствомъ, состоитъ въ слѣдующемъ: вся совокупность играющихъ дѣлится на двѣ партіи или противоположныхъ лагеря, въ каждомъ изъ которыхъ, изъ длинныхъ шестовъ, устраиваются ворота. Задача каждой партіи состоитъ въ томъ, чтобы такъ бросить большой кожаный шаръ, чтобы онъ прошелъ сквозь ворота противниковъ; а задача противниковъ въ томъ, чтобы не пускать этотъ шаръ къ себѣ, ловить его на лету и отталкивать на-

задъ, такъ, чтобы онъ прошелъ черезъ противоположныя ворота. Большой и тяжелый шаръ отбрасывается и отталкивается руками и ногами, а нерѣдко съ геройскимъ самопожертвованіемъ и головой. Какъ только шаръ пущенъ, за нимъ несутся всѣ игроки противной партіи, происходитъ всеобщая суматоха, всѣ сталкиваются въ кучу, падаютъ, отнимая другъ у друга мячъ, и изъ этой груды живыхъ рукъ и ногъ, головъ и тѣлъ, далеко не всегда всѣ выходятъ цѣлыми. Наконецъ, кому нибудь удастся высободиться и сильнымъ ударомъ бросить или оттолкнуть мячъ въ сторону противниковъ. Начинается опять таже сутолока. Такимъ образомъ игра продолжается нѣсколько часовъ. Та партія, которая успѣла прогнать свой шаръ наибольшее число разъ черезъ ворота противниковъ, считается выигравшею. Игра въ футъ-болль безспорно требуетъ большой ловкости, присутствія духа и храбрости даже.

Особый видъ студенческихъ обществъ составляютъ такъ называемыя „клубы обѣдовъ“ (dining clubs), цѣль которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы собираться вмѣстѣ, по очереди, въ квартирѣ каждаго изъ членовъ клуба, который обязанъ угощать своихъ сочленовъ обѣдомъ.

Существуетъ, кромѣ того, нѣсколько обществъ игры въ вистъ или шахматы, обществъ для собесѣдованія при куреніи табаку и т. п.

Кромѣ этихъ болѣе или менѣе легкомысленныхъ обществъ, существуютъ и общества серьезнаго характера. Такъ напримѣръ, существуетъ при „Кембриджскомъ университетѣ“ „этическій кружокъ“ и большое число „политическихъ“ обществъ, кружковъ и клубовъ, хотя, конечно, громадный перевѣсъ выпадаетъ на долю обществъ и клубовъ для разныхъ игръ, обѣдовъ и развлеченій и клубовъ вообще безъ спеціального назначенія, такъ называемыхъ *social clubs*.

Каждый колледжъ имѣетъ обязательно свое „Общество дебатовъ“, въ которомъ собираются обыкновенно разъ въ недѣлю для дебатирования по какому нибудь литературному, историческому, или главнымъ образомъ, политическому вопросу. Помимо этихъ коллегіальныхъ обществъ дебатовъ и въ Оксфордѣ и въ Кембриджѣ существуетъ общегуниверситетскій „Union“, въ которомъ также происходятъ еженедѣльные собранія съ тою-же цѣлью. Общество это имѣетъ роскошно обставленное, какъ лучшіе лондонскіе клубы, помѣщеніе, содержимое на средства, собранныя съ его членовъ, прекрасную библіотеку и читальню. Оно насчитываетъ нѣсколько сотъ членовъ, которые платятъ взносъ 30 рублей (годовой). Въ большой залѣ общества происходятъ пренія на которыя допускаются въ качествѣ простыхъ

слушателей, на хоры, и не члены общества, публика которая обыкновенно состоитъ изъ знакомыхъ и родственниковъ студентовъ, въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые говорятъ въ данномъ засѣданіи или въ качествѣ оратора, или въ качествѣ одного изъ оппонентовъ. Въ помѣщеніи общества хранится книга, въ которую каждый, желающій поднять какой либо вопросъ въ обществѣ, вписываетъ свой тезисъ. Если находятся лица въ достаточномъ количествѣ, которые соглашаются дебатировать этотъ вопросъ, т. е. если противъ этого вопроса въ книгѣ оказывается достаточное число подписей „да“, то для преній по этому вопросу назначается день, къ которому каждый изъ записавшихся приготавливаетъ рѣчь свою. Всѣ правила, относящіяся къ самимъ преніямъ, составляютъ точную копію правилъ, дѣйствующихъ въ парламентѣ, благодаря чему будущимъ государственнымъ дѣателямъ Англіи со школьной скамьи уже извѣстна обстановка и процедура ихъ будущей дѣятельности, какъ пэровъ, или представителей народа. Словомъ, общества дебатовъ являются прекрасной школой для будущей дѣятельности въ обществѣ воспитанниковъ старыхъ англійскихъ университетовъ, причемъ школою высшаго разряда, такъ какъ аналогичныя общества дебатовъ имѣются при такихъ среднеучеб-

ныхъ заведеніяхъ, какъ Итонская, Гарроуская и Вестминстерскія школы, въ которыхъ воспитываются мальчики избраннаго круга Англіи, предназначеннаго въ этой аристократической странѣ поставлять странѣ государственныхъ мужей. Благодаря парламентскому режиму въ странѣ, общественная дѣятельность требуетъ отъ избранниковъ этихъ на каждомъ шагу дара слова, и потому пренія въ „Union'ѣ“ не столько имѣютъ цѣлью выясненіе какого либо вопроса, сколько упражненіе въ краснорѣчіи, причемъ не рѣдко для этого выбирается положеніе, которыя защищать очень трудно. Иногда даже всѣ пренія принимаютъ характеръ остроумнаго фарса, когда и выставившій какое нибудь положеніе и опровергающіе его, говорятъ только, такъ сказать, изъ любви къ искусству, нисколько не придерживаясь на самомъ дѣлѣ тѣхъ мнѣній, которыя они защищаютъ съ большимъ ораторскимъ талантомъ. Напримѣръ, выставляется и защищается такой тезисъ: „наше общество выражаетъ свое сочувствіе тѣмъ несчастнымъ членамъ аристократическихъ семействъ, которые были пойманы недавно полиціей въ клубахъ, при игрѣ въ азартныя игры“, или „Общество наше одобрило бы возстановленіе позорнаго столба и тѣлесныхъ наказаній за небольшіе проступки“. И ораторъ и оппоненты все время конечно говорятъ въ

шуточномъ тонѣ, пользуясь случаемъ, чтобы блеснуть своимъ краснорѣчіемъ и такая гимнастика ума и языка имъ необходима, ибо въ послѣдствіе не разъ политическія обстоятельства и партійность заставляютъ ихъ въ парламентѣ защищать серьезнымъ образомъ и не такіе еще абсурды, защищать по долгу, но противъ совѣсти. Однако, нерѣдко, когда затрагиваются вопросы, дѣйствительно волнующіе общество Англіи, вопросы, занимающіе отцовъ тѣхъ студентовъ, которые еще учатся и которыми имъ невольно приходится интересоваться, такъ какъ обсужденіемъ ихъ занята вся пресса, пренія принимаютъ весьма серьезный характеръ. Обсуждается, напримеръ, вопросъ о политикѣ правительства по отношенію къ Ирландіи, и постановляются резолюціи съ такимъ увлеченіемъ, какъ будто эти резолюціи немедленно будутъ приведены въ исполненіе.

Постановленіемъ большинства голосовъ въ концѣ cadaго засѣданія общество выражаетъ свое одобреніе или отвергаетъ выставленнѣ тезисъ. Врядъ ли нужно доказывать пользу такихъ учрежденій, какъ общества дебатовъ при университетахъ, но именно это заставляетъ насъ нѣсколько подробнѣе остановиться на нихъ. Заглянемъ въ одинъ изъ вторниковъ въ Кембриджскій „Union“. Большая зала полна. На креслѣ впереди дрем-

летъ президентъ-спикеръ, подражая и въ этомъ своей модели въ Вестминстеръ, — слѣдуя парламентскимъ обычаямъ, ораторы говоря обращаются къ нему. По сторонамъ спикера — члены комитета, на трибунахъ по стороніе, — много дамъ и дѣвицъ, слушающихъ своихъ сыновей, братьевъ, а можетъ быть и жениховъ. Дебатируется Ирландскій вопросъ. Говоритъ тори, большого роста породистый молодой человѣкъ, лѣтъ 22. Его рѣчь корректна и лишена искусственности стиля, — въ ней чувствуется забота возможно точнѣе и удобопонятнѣе изложить идеи и только. Молодой человѣкъ, отвѣчающій ему, очевидно и талантливѣе и искуснѣе, это *clever fellow*, по студенческому выраженію. Онъ защищаетъ Гладстона и, напоминая популярную американскую пѣсню временъ борьбы за независимость, заявляетъ, что если „Гомъ руллъ билль“ и умеръ, душа его будетъ жить всегда и возвратится оживить другое тѣло. Онъ ловко владѣетъ ироніей, подчасъ очень живой, но не перестаетъ быть безукоризненно вѣжливымъ, фразы льются легко, и удары наносимые противнику прекрасно попадаютъ въ цѣль. Серія рѣчей продолжается и Гладстонъ. служащій такую прекрасную службу въ этой школѣ красно-рѣчія, является по очереди то демономъ въ устахъ тори, то ангеломъ въ устахъ либе-

раловъ,—въ общемъ наблюдается возвышенный тонъ, примѣненный къ идеямъ уже опредѣленнымъ и обдуманнымъ. Аргументы молодыхъ ораторовъ не могутъ конечно, бросить новый свѣтъ на вопросъ, столько разъ обсуждавшійся, но они имѣютъ свою цѣну. Последнее слово принадлежитъ одному тори и онъ заканчиваетъ его такъ: „Если бы сказанное касалось другихъ, а не Ирландцевъ, ихъ заставили бы подчиниться существующимъ законамъ и не называли бы это „принужденіемъ“, — почему же употребляется это выраженіе, разъ дѣло касается Ирландіи? Есть законы!—перемѣните ихъ, если страна этого хочетъ, но до тѣхъ поръ *должно* подчиняться законамъ существующимъ“. Заключение производитъ извѣстный эффектъ. Полная противоположность французамъ, которые начинаютъ сочиненіемъ фразъ и только въ зрѣломъ возрастѣ придаютъ имъ смыслъ, — здѣсь же на первомъ планѣ ставится самая мысль, а потомъ уже ея выраженіе,—сперва цѣль, а потомъ уже средство ея достиженія.

Насколько разнообразны въ такихъ обществахъ дебатовъ предлагаемые для обсужденія тезисы видно изъ слѣдующаго перечня ихъ за 1887 годъ въ *Oxford Review*: Собраніе требуетъ отдѣленія церкви отъ государства (одобрено). Въ случаѣ новой франко-герман-

ской войны, симпатіи собранія будутъ на сторонѣ французовъ (отвергнуто). Европейская война будетъ полезна Англіи (отвергнуто). Эмансипація женщинъ желательна (отвергнуто). Смертная казнь должна быть уничтожена (отвергнуто). Свобода прессы должна быть увеличена (одобрено). Государство должно регламентировать проституцію (одобрено). Холостяки должны быть обложены налогомъ (одобрено). Собраніе требуетъ уничтоженія рулетки въ Монте Карло (одобрено). Собраніе признаетъ дуэль (отвергнуто единодушно)

Кромѣ обществъ для игры и иной забавы, а также обществъ для собесѣдованія по разнымъ вопросамъ, существуютъ еще религіозныя общества, о которыхъ также необходимо сказать въ особенности въ виду того, что религія играетъ громадную роль въ Оксфордѣ и Кембриджѣ, какъ въ Англіи вообще

Всякій, кто читалъ что нибудь о жизни въ Англіи, а въ особенности, кто бывалъ тамъ, знаетъ, какое большое значеніе имѣетъ въ жизни англичанина религія, искренно исповѣдываемая или лицемерно, это вопросъ другой. Члены университетовъ въ этомъ отношеніи не только не уступаютъ остальной націи, но напротивъ, идутъ впереди ея и въ значительной степени поддерживаютъ та-

кой порядокъ вещей. Мы уже упоминали, что студентъ обязанъ не менѣе пяти разъ въ недѣлю бывать въ церкви. Такое правило не могло бы существовать, если бы тѣ, которые требуютъ его исполненія, не были по крайней мѣрѣ въ громадномъ числѣ случаевъ сами религіозны. И въ самомъ дѣлѣ всѣ директора и начальники колледжей—референды, т. е. лица, специально изучавшіе теологію, а потому нельзя и допустить, чтобы они были невѣрующими, а тѣмъ болѣе выражали бы невѣріе свое. Но столь же вѣрующими оказываются и почти всѣ жители и члены университетовъ вообще, въ Оксфордѣ въ особенности, въ чемъ легко убѣдиться изъ личныхъ бесѣдъ со студентами, тьюторами и профессорами. Церковь посѣщается не для исполненія только простой формальности, а повидимому съ дѣйствительнымъ убѣжденіемъ въ полезности этаго посѣщенія. Не только студенты, которые по обязанности бываютъ въ церкви, но и профессора, которыхъ ничто уже къ тому не обязываетъ, аккуратно бываютъ въ церкви каждое воскресенье и выслушиваютъ проповѣди лучшихъ проповѣдниковъ Англіи, приглашаемыхъ въ Кембриджъ и Оксфордъ по распоряженію университетскаго начальства.

Въ воскресенье никто не рѣшается работать, и хотя законы, когда то каравшіе та-

бую работу заключеніемъ въ тюрьмѣ, давно отмѣнены, тѣмъ не менѣе, въ Кембриджѣ и Оксфордѣ, какъ и во всей Англіи, всѣ магазины обязательно закрыты, какъ закрыты и всѣ музеи, театры и т. д. Невѣрующихъ студентовъ англиканъ здѣсь также рѣдко можно встрѣтить, какъ на континентѣ студентовъ посѣщающихъ церковь... Религіозныя традиціи крѣпче другихъ держатся въ англійскихъ университетахъ въ особенности. Вспомнимъ, что въ продолженіи многихъ вѣковъ Оксфордъ и Кембриджъ были единственными мѣстами, гдѣ преподавалась теологія для будущихъ слушателей англиканской церкви. Замѣтимъ также, что до сихъ поръ въ университетахъ этихъ ежегодно обучается нѣсколько сотъ студентовъ, которые потомъ будутъ пасторами въ Англіи или ея колоніяхъ, и, принявъ еще во вниманіе общую религіозность англичанъ, мы поймемъ тотъ религіозный духъ, который царствуетъ въ англійскихъ университетахъ.

Среди истинной религіозности попадается, однако, нерѣдко и ханжество, — уступка духу среды. Есть и такіе студенты, которые не будучи вполне вѣрующими, все же аккуратно посѣщаютъ церковь, такъ какъ не желаютъ навлечь на себя не только недовольства начальства, но и враждебное отношеніе со стороны своихъ товарищей, членовъ своей

семьи и др. Свѣдующіе люди утверждаютъ, что изъ 6000 студентовъ обоихъ старыхъ университетовъ навѣрное не найдется и 10% „свободомыслящихъ“ и едва ли можно будетъ насчитать столько же процентовъ среди старыхъ профессоровъ — убѣжденныхъ атеистовъ, или хотя бы агностиковъ.

Правила приведенныя выше относительно церкви не такъ строги, какъ это можетъ показаться, если не принять во вниманіе существующія дополненія къ нимъ, въ силу которыхъ всякій студентъ имѣетъ право отказаться отъ посѣщенія церкви, если совѣсть ему это не позволяетъ. Я не упоминалъ до сихъ поръ объ этомъ правилѣ, потому что оно остается мертвой буквой. Никто изъ студентовъ англиканъ не отказывается посѣщать церковь или во всякомъ случаѣ нельзя насчитать и десятка такихъ студентовъ въ университетѣ. Въ виду этого понятно, что между студентами существуетъ нѣсколько религіозныхъ обществъ, миссіонерскихъ, на примѣръ, — есть даже студенты, участвующіе въ „Арміи Спасенія“, хотя генераль Бутъ и не находитъ среди студентовъ многочисленныхъ адептовъ своей истерической пропаганды, подъ аккомпаниментъ бубенъ...

Чтобы покончить со студенческими обществами, слѣдуетъ назвать еще многочисленныя музыкальныя и филармоническія, „Об-

щество волонтеровъ“, при каждомъ университетѣ, „археологическія“, „Общества древней исторіи“, „Общества стенографовъ“, „Фасматологическія Общества“, занимающіеся чѣмъ то въ родѣ спиритизма, „Пожарныя бригады волонтеровъ и, наконецъ, „Imperial Federation League“, которая мечтаетъ ни болѣе ни менѣе, какъ о перемѣнѣ политической конституціи страны...

Изъ предыдущаго не трудно видѣть, до какой степени отличаются интересы англійскихъ студентовъ отъ интересовъ континентальныхъ университетовъ. Вообще можно сказать, что въ жизни англійскаго студента на первомъ планѣ стоятъ игры, затѣмъ лекціи, религія и, наконецъ, политика и эти главные предметы его жизни и мысли волею неволею занимаютъ все его вниманіе. Утромъ, какъ только онъ встанетъ, онъ отправляется въ церковь, произноситъ молитвы, поетъ гимны, выслушиваетъ проповѣди и пр.: затѣмъ отправляется на лекціи, которыя продолжаются до часу, двухъ, рѣдко трехъ пополудни. Позавтракавъ между часомъ и двумя, онъ переодѣвается въ спортивный костюмъ и отправляется въ поле играть въ одну изъ безчисленнаго множества игръ со своими товарищами или пріѣзжими игроками. Игра эта его безусловно интересуетъ. Онъ гордится побѣдою своего колледжа на рѣкѣ,

въ футъ-болль, въ крикетъ, ракетъ, въ состязаніи въ силѣ, въ бѣгѣ на скорость, въ бѣгѣ на выдержку, въ быстротѣ или ловкости катанія на велосипедѣ, въ игрѣ въ теннисъ или лаунъ-теннисъ, въ лакросъ, въ собакъ и зайцевъ, въ стрѣльбѣ въ цѣль, въ игрѣ въ поло, во множествѣ подобныхъ забавъ, которыя занимаютъ его все время его пребыванія въ университетѣ. какъ онѣ его интересовали въ школѣ, такъ онѣ будутъ продолжать интересоватъ его въ теченіе всей его жизни. Вечеръ проводится въ пріятной бесѣдѣ съ товарищами, причемъ неисчерпаемой темой разговоровъ служатъ по большей части опять таки игры. — вотъ чѣмъ по преимуществу англійскій студентъ занимается въ теченіи своихъ 9 термовъ въ Кембриджѣ, или 12 термовъ въ Оксфордѣ. Онъ живетъ сравнительно роскошно, и обыкновенно не нуждается въ деньгахъ. О томъ, чтобы онъ выдержалъ экзаменъ и получилъ степень, заботится главнымъ образомъ его тудоръ, все прочее ему даетъ сама жизнь той исключительной среды, которую представляютъ изъ себя англійскіе университеты.

Но въ чемъ же жизнь эта заключается? Очень много спорта, много религіозныхъ упражненій, не много политическихъ дебатовъ и мало науки, можно отвѣтить на этотъ вопросъ, поверхностно ознакомившись съ жизнью

англійскихъ университетовъ и тогда у вопрошающаго невольно явится другой вопросъ, какимъ-же образомъ эти университеты могли дать Англіи, Дарвина, Маколея, Байрона, Гладстона, Ньютона, Пальмерстона, Грея и сотни другихъ мужей науки и государственныхъ людей, уваженіемъ къ которымъ проникнута не родина ихъ одна, но весь цивилизованный міръ?

ГЛАВА IV.

Физическое воспитаніе, какъ фундаментъ воспитанія нравственнаго въ Англіи.

Макъ Лекеркъ рассказываетъ, что лѣтъ 20 назадъ Мильнъ Эдварсъ, остановившись проѣздомъ въ Оксфордъ, прогуливался въ обществѣ одного изъ вождей партіи виговъ, профессора геологіи, славившагося своею грубоватою прямою. Мильнъ Эдварсъ между прочимъ спросилъ въ разговорѣ: „Какъ это такъ выходитъ, что ваши юноши, все воспитаніе которыхъ сводится къ зубренію греческихъ и латинскихъ отрывковъ и которые тратятъ такую массу времени на брикетъ и на лодочныя гонки, такъ просто, безъ всякаго перехода, становятся выдающимися людьми, великими государственными дѣятелями, Пальмерстонами, Гладстонами“? Въ отвѣтъ на это геологъ пробурчалъ: „But then have got English mothers“, — „у нихъ матери англичанки“!

Отвѣтъ знаменательный, въ которомъ слово „мать“ слѣдуетъ понимать лишь въ широкомъ смыслѣ, въ смыслѣ воспитанія вообще. Въ рамкахъ работы нашей мы не можемъ подробно останавливаться на англійскомъ воспитаніи въ семьѣ и первоначальной школѣ и

мы подчеркнемъ лишь, что воспитаніе это, здоровое и бодрое, ставить себѣ одну и ту же двоякую цѣль: ребенка надо воспитывать такъ, чтобы онъ былъ, во-первыхъ, по выраженію Спенсера, „хорошимъ животнымъ“, т. е. имѣлъ бы здоровое, крѣпкое и выносливое тѣло, и во-вторыхъ, чтобы онъ былъ „личностью“, т. е. имѣлъ бы волю и характеръ, умѣлъ бы самъ рѣшать за себя, упорствовать въ этихъ рѣшеніяхъ, настойчиво проводить ихъ въ жизнь и находить въ этомъ своего рода гордое счастье. Понятно, какіе результаты обусловливаетъ собою эта двоякая цѣль: много времени отдается физическимъ упражненіямъ и, слѣдовательно, значительная часть времени отнимается отъ сидячей работы; умѣренная дисциплина, предоставляя многое на личную отвѣтственность ребенка и юноши, обращаясь къ чувству „самоуваженія“, приучаетъ человѣка управлять собою: изрѣдка встрѣчаются случаи ранней испорченности, но все это вознаграждается страницей тѣмъ среднимъ избыткомъ физической и нравственной энергіи, который составляетъ общую черту всего этого цвѣта молодежи, ея способностью приспособляться ко всему непредвидѣнному, что можетъ встрѣтиться въ жизни, и глубоко укоренившимся въ ней сознаниемъ своей обязанности блюсти достоинство джентельмена. Благодаря непрестанной

заботѣ „готовить для жизни“ ребенка,—изъ англійскаго мальчика очень рано вырабатывается „человѣкъ“.

Какъ говорили мы, въ первыхъ рядахъ англійскаго общества стоятъ двѣ группы избранныхъ: самоучки (self-made men), типомъ которыхъ можетъ служить Джонъ Стюартъ Милль, никогда не бывшій въ университетѣ, и университетскіе (university men); первые вырабатываются суровой школой жизни, вторые — продуктъ учреждений, очень древнихъ и обладающихъ большою силою вліянія, но на обѣихъ группахъ рѣзко замѣтны слѣды перваго вліянія — вліянія семьи... Здоровое и бодрое воспитаніе, которое даетъ въ Англіи семья, продолжается школою. Ребенокъ находитъ здѣсь знакомыя правила: онѣ будутъ руководить всѣми отдѣлами его воспитанія—воспитаніемъ физическимъ, нравственнымъ и умственнымъ, такъ какъ отнынѣ оно будетъ практиковаться во всей своей полнотѣ. Воспитаніе не отдѣлено отъ образованія, и одно ничего не отнимаетъ у другаго. Воспитаніе и образованіе у англичанъ до такой степени смѣшались и слились, что англійскій языкъ не различаетъ этихъ двухъ понятій и выражаетъ ихъ однимъ общимъ словомъ: „education“, вполне опредѣляющимъ цѣлое. Возьмемъ ли мы физическое, нравственное или умственное образованіе,—

вездѣ мы видимъ ту же дисциплину, тѣ же принципы: образованіе поддерживается воспитаніемъ и обратно. Англичанину показалось бы чудовищною даже возможность предположенія, чтобы школы могли раздѣлить эти два элемента, дать предпочтеніе одно передъ другимъ и создать человѣка образованнаго, который не былъ бы воспитанъ, — явленіе не рѣдкое на континентѣ. Англійскій мозгъ такъ же мало способенъ переварить подобную мысль, какъ англійскій языкъ ее выразить. Но у ребенка физическая природа развивается, а нравственная просыпается раньше ума, и воспитаніе должно слѣдовать природѣ.

„Надо быть хорошимъ животнымъ — вотъ первое условіе успѣха, а быть народомъ, состоящимъ изъ хорошихъ животныхъ, — есть первое условіе преуспѣнія націи“. Установивъ тридцать лѣтъ назадъ эту аксіому, Гербертъ Спенсеръ выразилъ мнѣніе большинства своихъ мыслящихъ согражданъ; но народъ еще не былъ на его сторонѣ. И когда онъ сказалъ: „сохраненіе здоровья — одна изъ нашихъ обязанностей, и всякій вредъ, который мы сознательно наносимъ нашему здоровью, есть *физическій грѣхъ*“, онъ въ то время былъ въ правѣ прибавить: „немногіе повидимому понимаютъ, что есть на свѣтѣ вещь, которую я назвалъ бы *физическою нравственностью*“. Но его услы-

шали. Онъ обратилъ англійскій народъ въ свою вѣру, и въ настоящее время ни одна нація въ мірѣ не относится съ такимъ уваженіемъ къ своему тѣлу, не культивируетъ его такъ старательно, какъ англичане. Примѣръ подали высшіе классы, такъ какъ гигиена, особенно въ мѣстномъ климатѣ, требуетъ извѣстнаго развитія и средствъ, но остальные классы послѣдовали примѣру этому по мѣрѣ того, какъ поднимался уровень ихъ образованія и благосостоянія.

Поэты и врачи, философы и гигиенисты— всѣ въ одинъ голосъ проповѣдываютъ уваженіе къ тѣлу, всѣ рекомендуютъ правильныя физическія упражненія. Вопросъ этотъ сталъ государственнымъ, *политическимъ* даже вопросомъ и идеаломъ англичанъ стало— сдѣлать націю сильной, сдѣлавъ бодрыми, крѣпкими, выносливыми людей, ея составляющихъ. „Сила и предприимчивость націи“, говоритъ Клементъ Льюисъ, авторъ „Здоровья и школы“, извѣстный англійскій врачъ,— „зависитъ отъ здоровья и отъ физической бодрости ея юношества въ періодъ его роста и развитія. Ничто поэтому не можетъ имѣть такого важнаго значенія для страны, какъ воспитаніе и здоровье ея дѣтей. Это вѣрно, вѣрно для всѣхъ классовъ общества, но въ особенности для высшихъ, дѣти которыхъ воспитываются въ первоклассныхъ школахъ

и будутъ со временемъ вождями народа въ различныхъ сферахъ дѣятельности“. Вотъ почему въ Англіи физическія упражненія въ такомъ почетѣ, вотъ почему играмъ на воздухѣ отдается всѣми столько времени и энергій. Такія игры требуютъ большаго простора, и въ Англіи, гдѣ такъ дорога земля и густо населеніе, по всей странѣ вамъ попадаются широкія площадки и площади, отведенныя для крикета, футъ-болля и т. д., на рѣкахъ сотни тысячъ лодокъ, по дорогамъ—сотни тысячъ велосипедовъ. Все это представляетъ громаднѣйшій капиталъ,—все создалось терпѣніемъ и настойчивостью. Это продуктъ цѣлой революціи, постепенно совершившійся въ нравахъ народа, который какихъ нибудь 50 лѣтъ тому назадъ, по показаніямъ всѣхъ очевидцевъ, былъ неповоротливымъ, грубымъ, скотоподобнымъ народомъ, предававшимся во всѣхъ слояхъ общества обжорству и пьянству. Движеніе началось именно съ университетовъ и высшихъ школъ, т. е. съ аристократіи и постепенно перешло въ нисшіе слои среднихъ классовъ,—увеличеніе атлетизмомъ сдѣлалось всеобщимъ, всѣ увѣровали въ него.—Англичане въ игры вносятъ ту же упорную настойчивость, какая ихъ отличаетъ во всемъ: увлеченіе игрой проявляется не только въ видахъ минутнаго, хотя и большаго усилія, какового требуетъ

напримѣръ университетская шлюбочная гонка, — нѣтъ, оно проявляется изо дня въ день, въ теченіе всей жизни. Англичане добились того, что измѣнили многія черты своего физическаго типа, пересоздали свой темпераментъ, какъ они создали чистокровную лошадь, дургамскую породу скота. Физическія упражненія у всѣхъ тѣхъ, кто ихъ продѣлываетъ, убили склонность къ излишествахъ въ ѣдѣ и питьѣ. Вотъ напримѣръ, какъ Джонъ Рескинъ, апостолъ религіи красоты и философъ Англіи, описываетъ свой первый дебютъ въ Крайстъ-Черчъ колледжѣ въ Оксфордѣ. „Около 1837 года, я — новичекъ, совершенно неопытный, засѣдалъ за моимъ первымъ ужиномъ въ колледжѣ. Во главѣ стола сидѣлъ одинъ юноша изъ очень знатной семьи, поразительно одаренный отъ природы и имѣвшій передъ собою блестящую будущность. Передъ нимъ стояли... не то чтобы ведра, но чаши, вмѣщавшія не меньше ведра; мы черпали изъ нихъ вино ковшами и сами наливали себѣ. Таково было обязательное вступленіе въ университетскую жизнь. Я выдержалъ до конца, выливая пуншъ за жилетъ, и помогалъ выносить четырехъ пьяныхъ товарищей; мы снесли ихъ съ лѣстницы головою впередъ и доставили такимъ образомъ по квартирамъ. Одинъ изъ нихъ былъ сыномъ директора колледжа“. Съ успѣ-

хами атлетизма отъ этихъ нравовъ въ англійскихъ университетахъ почти ничего не осталось,—за то они болѣе чѣмъ когда-либо процвѣтаютъ въ университетахъ германскихъ, студенты которыхъ ненавидятъ всякое движеніе, даже ходьбу и жирѣютъ въ двадцать пять лѣтъ.

Національныя англійскія игры на воздухѣ требуютъ большой затраты физической энергіи: кромѣ того онѣ представляютъ превосходную школу самообладанія и дисциплины, такъ какъ основаны на дисциплинѣ. Англичане потому и ввели у себя такія игры, что онѣ закаляютъ характеръ, вырабатываютъ рѣшимость, глазомѣръ, инициативу, что онѣ требуютъ соблюденія неизмѣнныхъ, подробно разработанныхъ правилъ и повиновенія старшему. Добровольное, но практикуемое безъ всякихъ послабленій и ропота послушаніе, уваженіе къ авторитету самаго сильного, самаго ловкаго, самаго опытнаго, словомъ, самаго достойнаго изъ товарищей,—эти качества пріобрѣтаются англичаниномъ въ школѣ и сопутствуютъ ему всю жизнь. Гладстонъ, на старости лѣтъ рубившій дрова, не составляетъ исключенія,—всѣ англичане всю жизнь свою сохраняютъ любовь къ физическимъ упражненіямъ. Чарльзъ Кингслей, мѣтко назвавшій культъ этотъ „мускульнымъ христіанствомъ“, утверждалъ и съ нимъ согласны все англи-

чане, что истинные герои мускулисты и честны: потому они честны, что у нихъ крѣпкіе мускулы. Физическое воспитаніе есть истинный фундаментъ воспитанія нравственнаго, и все то, что укрѣпляетъ тѣло—укрѣпляетъ и духъ. Что практикуемая такимъ образомъ игры оказываютъ нравственное вліяніе, не подлежитъ сомнѣнію: это вліяніе признается, о немъ прокричали всѣ англійскіе педагоги безъ исключенія, оно доказывается очевидно статистикою школы, практикующей игры по сравненію со статистикою школъ, ихъ не практикующихъ.

Укрѣплять, закалять животное въ человѣкѣ,—это назначеніе физическаго воспитанія. Вложить въ это здоровое сильное животное твердый характеръ, простую и мужественную, открытую, честную и независимую душу,—это задача воспитанія нравственнаго, какъ его понимаютъ англичане и, такимъ образомъ, воспитаніе, какъ цѣлое, сводится къ одной цѣли: создавать личность. Два главные средства для достиженія этой цѣли суть: физическія упражненія, примѣняемые, какъ было нами описано, и система туторовъ, довершающая—сначала въ школѣ, а затѣмъ въ университетѣ,—выработку характера, которая начинается въ семьѣ. Система туторовъ—единственная, при которой возможно и дѣйствительно существуетъ прямое и постоянное

воздѣйствіе учителя на ученика, воспитателя на воспитанника, примѣнима и фактически примѣняется только въ аристократическихъ школахъ и университетахъ, ибо такое воспитаніе есть роскошь, доступная только богатымъ, но духъ системы этой проникъ во всѣ англійскія школы и господствуетъ въ нихъ. Аристократическіе школы и университеты задаютъ тонъ и всѣ англійскіе педагоги вдохновляются ихъ примѣромъ, и въ результатъ получается то, что каждый англійскій школьникъ, во всѣхъ классахъ общества, кажется дисциплинированнымъ отъ природы: имъ легко управлять. Ему вѣрятъ, даютъ доказаательства этого довѣрія, затѣмъ указываютъ путь, и онъ пускается въ дорогу, почти всегда съ полнѣйшій серьезностью и справляется одинъ. Если онъ не хватается съ неба звѣздъ, не обладаетъ быстрымъ и смѣлымъ умомъ, за то онъ не фрондеръ, — онъ прилеженъ, серьезенъ въ трудѣ и уважаетъ авторитетъ. Естественнымъ послѣдствіемъ господствующихъ въ Англіи идей о физическомъ воспитаніи у всѣхъ педагоговъ является боязнь переутомленія, слишкомъ усидчивыхъ занятій для дѣтей и юношей. Благодаря этому и въ школахъ и въ университетахъ учебные часы коротки и разнообразятся упражненіями, на которыхъ могло-бы отдохнуть вниманіе учащихся. — Понятно, что

при такихъ условіяхъ научныя программы не могутъ быть обширны и уровень умственнаго образованія въ англійскихъ университетахъ стоитъ много ниже такового-же университетовъ Континентальныхъ. Высоко стоитъ преподаваніе лишь классическихъ языковъ, математики и теологіи, но всѣ прочія отрасли человѣческаго знанія оставляютъ желать многого, а англійскіе педагоги къ этому не стремятся.—Школа и университетъ Англіи даютъ члена обществу и *служу* государству, здороваго физически, нравственнаго, энергичнаго и умѣющаго работать,—если жизнь потребуетъ отъ него знаній—онъ ихъ пріобрѣтетъ.—Англичанинъ, выходя изъ университета, даже если онъ былъ однимъ изъ лучшихъ его учениковъ, не создаетъ себѣ иллюзій насчетъ своихъ познаній, не думаетъ, что дипломъ даетъ ему универсальныя свѣдѣнія и что образованіе кончается съ окончаніемъ университетскаго курса. Напротивъ, онъ убѣжденъ, что учиться надо всю жизнь... Быть можетъ, такого рода умъ нельзя назвать многостороннимъ, но это умъ *здоровый* и что онъ знаетъ—онъ знаетъ *хорошо*.—

Взвѣсивъ всѣ за и противъ, нельзя не признать, что даже на самыхъ лѣнивыхъ, на самыхъ не подготовленныхъ, атмосфера, которой дышетъ англійская университетская

молодежь, не может не производить благотворнаго дѣйствія. — Впослѣдствіе мы увидимъ, что о своей студенческой жизни, объ этой общей жизни въ колледжѣ, гдѣ они спали подъ одной кровлей, ѣли за однимъ столомъ, проводили время въ одной комнатѣ съ самыми учеными и выдающимися людьми своего поклѣнія, они навсегда сохраняютъ самое теплое воспоминаніе; пребываніе въ интеллигентной средѣ, гдѣ подлѣ нихъ нарождались и зрѣли научныя и философскія идеи, широкіе взгляды на искусство и литературу, оставляетъ въ душѣ ихъ неизгладимый отпечатокъ. —

Съ давнихъ поръ Оксфордъ и Кембриджъ были школой общественной дѣятельности, разсадниками государственныхъ людей. — Молодой англичанинъ, — аристократъ или буржуа, — уже испробовавшій свое политическое краснорѣчіе въ качествѣ сотрудника журнала публичной школы и оратора на собраніяхъ ея debating society, находитъ въ университетѣ случаи и способы упражнять свой талантъ. Засѣданія „Union Club’a“, Оксфорда и Кембриджа бываютъ почти такъ же многолюдны и такъ же торжественны, какъ засѣданія Палаты Общинъ въ Вестминстерѣ; государственные дѣла обсуждаются на нихъ такъ же серьезно, какъ если бы отъ этихъ дебатовъ и въ самомъ дѣлѣ зависѣло благо-

денствіе Англіи. На этихъ-же собраніяхъ впервые проявлялся и вырабатывался ораторскій талантъ Питтовъ, Маколеевъ и Гладстоновъ.

Не всѣмъ, однако, студентамъ въ будущемъ—суждено рѣшать судьбы Великой Британіи, не могутъ всѣ быть Пальмерстонами и Гладстонами, но и менѣе талантливые изъ нихъ несутъ въ жизнь высоко знамя университета, служа родинѣ и своимъ меньшимъ братьямъ, вмѣстѣ съ самимъ университетомъ,—я говорю о распространеніи университетскаго образованія и объ учрежденіи университетскихъ колоній въ народѣ, на которыхъ мы подробно останавливаемся ибо въ нихъ точнѣе всего рисуется полезная современная дѣятельность университетовъ.—550 лѣтъ тому назадъ, основатель Клеръ-Колледжа, въ Кембриджѣ, въ своей дарственной записи писалъ: „я хотѣлъ-бы, чтобы число людей, занимающихся наукой, безпрестанно увеличивалось, для того чтобы наука—эта драгоценная жемчужина—не была сокрыта студентами подъ крышками учебныхъ столовъ, но что бы она была распространена далеко за предѣлами университета и чтобы ея блескъ освѣщалъ путь тѣмъ, которые идутъ по темнымъ дорогамъ невѣжества“,—и вотъ,—25 лѣтъ тому назадъ—это исполнилось.

ГЛАВА V.

„Распространеніе университетскаго образованія“ и народныя университеты.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію University Extension, считаемъ полезнымъ дать его краткій историческій обзоръ. Какъ намъ извѣстно уже, до реформы Оксфордъ и отчасти Кембриджъ были закрыты для большей части націи, вслѣдствіе религіозной исключительности, но въ послѣдніе годы упомянутаго періода государство, послѣ основательнаго изслѣдованія, уничтожило нѣкоторые религіозныя Tests'ы, изолировавшіе университеты отъ существенной части національной жизни. Эта мѣра послужила сигналомъ и причиною къ развитію энергіи со стороны старыхъ университетовъ. Ихъ ожившая энергія проявилась въ разнообразныхъ формахъ и, благодаря уничтоженію прежней несправедливости, была встрѣчена съ большимъ сочувствіемъ публикою и получила отъ нея большую, — чѣмъ на какую можно было рассчитывать нѣсколькими годами ранѣе, — поддержку. Въ Оксфордѣ и Кембриджѣ были сдѣланы предложенія, чтобы университеты взяли на себя дѣло воспитанія въ большихъ промышленныхъ городахъ и послали бы туда

на свой счетъ профессоровъ, которые могли бы вызвать интеллектуальную жизнь въ этихъ городахъ, лишенныхъ учреждений, занятыхъ высшимъ образованіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма вліятельныхъ въ политическомъ и социальномъ отношеніяхъ.

Въ теченіе многихъ лѣтъ этотъ проектъ оставался безъ движенія и только въ 1857 г. Оксфордъ, а немного спустя Кембриджъ, организовали систему экзаменовъ, для того чтобы поднять уровень образованія средне-учебныхъ заведеній. Такимъ образомъ, университеты въ первый разъ практически признали право націи обращаться къ ихъ средствамъ и энергіи для народнаго обученія внѣ университетскихъ стѣнъ.

Учрежденіе, 36 лѣтъ тому назадъ, мѣстныхъ экзаменовъ положило истинное начало University Extension. Безъ этого перваго шага реформаторы не могли бы убѣдить университеты принять господствующее участіе въ образованіи тѣхъ взрослыхъ, которые обыкновенно не могутъ проходить университетскаго курса.

Десять лѣтъ спустя, въ 1867 г., молодой энтузіастъ Джемсъ Стюартъ, имѣвшій университетскую степень, былъ приглашенъ прочитать серію лекцій въ женской ассоціаціи сѣверной Англіи. Онъ принялъ приглашеніе и прочелъ рядъ лекцій въ Лидсѣ, Ливерпулѣ,

Мавчестеръ и Шеффилдъ. — Чтенія эти имѣли большой успѣхъ, и Стюартъ пришелъ къ убѣжденію, что и въ другихъ мѣстахъ многимъ мужчинамъ и женщинамъ, желающимъ учиться, необходимы такія же чтенія. Онъ думалъ, что ни одно учрежденіе не можетъ лучше удовлетворить этой потребности, чѣмъ большіе университеты. Онъ началъ энергично хлопотать объ этомъ и, послѣ массы усилій, Стюарту наконецъ удалось убѣдить Кембриджъ сдѣлать нѣсколько попытокъ въ духъ нынѣшняго University Extension. —

Первый шагъ былъ сдѣланъ, но еще въ теченіе многихъ лѣтъ это было очень труднымъ дѣломъ и, за недостаткомъ средствъ, многія предпріятія, которыя Стюартъ считалъ нужными, были оставлены. Конечно, онъ, можетъ быть, нѣсколько преувеличивалъ размѣры помощи, которую въ то время могъ дать университетъ новому дѣлу. Стюартъ предупреждалъ время, но идеи его были велики и здравы. Будущее оправдывало его планы и вознаградило его труды: о Стюартѣ теперь говорятъ съ уваженіемъ, какъ объ отцѣ University Extension.

Важнѣйшія черты системы установлены были именно имъ и вся метода Стюарта была мало измѣнена. Съ годами дѣло народнаго образованія, въ особенности высшаго женскаго, произвело много учениковъ, способныхъ

оцѣнить его и извлечь изъ него пользу, и нынѣ Стюартъ счастливъ видѣть не только свой университетъ, но и всѣ другіе, дѣятельно участвующими въ дѣлѣ, предпринять которое понудилъ онъ первый.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что его стремленіемъ было желаніе выяснить университетамъ ихъ обязанности по отношенію къ дѣлу высшаго образованія народа и, въ то же время, сдѣлать эти университеты близкими сердцу тѣхъ большихъ фракцій націи, которыя ранѣе относились къ нимъ враждебно и съ недовѣріемъ, — благословенное дѣло для того, кто его началъ, и для тѣхъ, кто имъ воспользовался.

Но, чтобы надлежащимъ образомъ понять какое бы то ни было общественное движеніе, надо видѣть его на дѣлѣ: поэтому то я и опишу, какъ работаетъ въ дѣйствительности „University Extension“ въ одномъ изъ англійскихъ городовъ.

Олдгэмъ (Oldham) — одинъ изъ большихъ центровъ хлопчатобумажнаго производства Ланкашира. Этотъ промышленный городъ — вполне современнаго происхожденія: въ немъ нѣтъ никакихъ памятниковъ древности и ни одинъ изъ его кварталовъ не вызываетъ воспоминаній о среднихъ вѣкахъ. Сдержанный,

дѣловой, вполне посвященный практической жизни, Олдгэмъ, кажется, живетъ только настоящимъ, какъ и тысячи населяющихъ его рабочихъ, жизнь и мысли которыхъ вполне поглощены ихъ ежедневнымъ заработкомъ.

Путешественнику и любителю живописныхъ видовъ этотъ городъ покажется адомъ, лишеннымъ всего романтическаго, безъ всякаго интереса и привлекательности, но тому, кто узнаетъ его лучше, кто не удовлетворится поверхностнымъ взглядомъ на его жизнь, Олдгэмъ представится въ совершенно иномъ свѣтѣ. Онъ переполненъ жизнью: это — истинный человѣческій муравейникъ, занятый разрѣшеніемъ великихъ вопросовъ. Населяющіе его рабочіе, искусные въ своемъ ремеслѣ и понимающіе значеніе организаціи, ищутъ разрѣшенія вопросовъ, волнующихъ промышленный міръ, и мирному разрѣшенію ихъ несомнѣнно способствуютъ многочисленныя ассоціаціи, союзы и общества. Въ рабочихъ ли союзахъ (Trades Unions), въ „Обществахъ друзей“ (Friendly Societies), или въ религіозной организаціи, у олдгэмскаго рабочаго развиваются тѣ качества, которыя служатъ основаніемъ для образованія здоровой свободной демократіи.

Въ мастерской раздѣленіе труда стремится превратить рабочаго въ простое колесо простой машины, въ своихъ же автономныхъ

обществахъ рабочій серьезно развиваетъ свои способности къ управленію и порядку, которыя постольку же входятъ въ его привычки, какъ и умѣнье быстро приспособлять себя и свое ремесленное искусство къ требованіямъ мастерской, гдѣ онъ работаетъ. Съ одной стороны, Олдгэмъ — почти промышленная машина, съ другой же, это — центръ общественной демократической жизни. Кооперация тамъ въ полномъ развитіи, ибо кооперация представляетъ именно ту экономическую организацію, къ которой стремятся всѣ, имѣющіе инициативу и увѣренность въ себѣ, всѣ рабочіе, живущіе при одинаковыхъ условіяхъ промышленной борьбы. Рабочій Олдгэма почти не имѣетъ соперниковъ въ умѣнии организовать какъ продуктивныя, такъ и потребительныя кооперации. Для успѣха кооперации необходимо, чтобы члены ея обладали способностью къ разсужденію, которая въ свою очередь является продуктомъ болѣе широкаго образованія; кооперация ставитъ передъ рабочими задачи, которыя при невѣжествѣ, предразсудкахъ и плохомъ образованіи невозможно разрѣшить, благодаря чему рабочіе невольно начинаютъ чувствовать потребность въ большемъ развитіи и въ большихъ знаніяхъ. Опытъ показываетъ имъ слабость ихъ развитія, и они стремятся пополнить его изученіемъ тѣхъ великихъ моральныхъ и интел-

лектуальныхъ силъ, которыя господствуютъ въ жизни, даютъ ей направленіе и устанавливаютъ условія той борьбы, которую ведетъ рабочій. Таково воспитательное значеніе кооперации, вызывающей среди рабочихъ стремленіе къ болѣе широкому образованію.

Въ одномъ изъ самыхъ большихъ кооперативныхъ магазиновъ Олдгэма находится помещеніе, гдѣ рабочіе получаютъ необходимыя данныя для пополненія своего гражданского образованія. Здѣсь въ осенній вечеръ, посѣтителъ можетъ найти громадное собраніе народа, ожидающаго прибытія лектора изъ оксфордскаго University Extension. Большая зала — переполнена. Рабочіе и ихъ жены тѣсняются на скамьяхъ. Комитетъ кооперативнаго общества пригласилъ председательствовать городского мэра или кого либо изъ видныхъ городскихъ гражданъ, и этотъ председатель прежде всего представляетъ собранію оксфордскаго делегата, который, однако давно уже знакомъ собранію, такъ какъ вотъ уже 9 лѣтъ, какъ каждую осень читаетъ онъ здѣсь серію лекцій по англійской или всемирной исторіи.

Онъ и его слушатели — старые друзья, и ихъ взаимныя симпатіи и уваженіе нетрудно сразу замѣтить. Лекторъ уважаетъ своихъ слушателей за ихъ ремесленное искусство, за независимость ихъ сужденій, за ихъ инди-

видуальность, связанную духомъ солидарности, за ихъ знаніе повседневной жизни, наконецъ, — слушатели же съ своей стороны уважають своего лектора за его эрудицію, за точное и теплое слово безъ педантизма и аффектаціи, за его энтузіазмъ ко всему великому въ прошломъ, за его стремленіе ко всему высокому и благородному въ идеалахъ будущаго, за его неистощимую симпатію къ современной нуждѣ и живое пониманіе нуждъ своихъ слушателей, — наконецъ, за его желаніе прійти къ нимъ на помощь, не обращая вниманія на трудъ, съ которымъ это сопряжено; тѣмъ болѣе, что онъ дѣлаетъ это безъ малѣйшей тѣни снисходительности, но въ духѣ взаимнаго уваженія.

Лекція, входящая въ составъ цѣлой серіи лекцій, и къ которой многіе слушатели уже подготовлены посѣщеніемъ курсовъ въ предъидущія восемь лѣтъ, начинается. Каждый изъ слушателей имѣетъ въ рукахъ брошюру, заключающую въ себѣ конспектъ лекціи, хронологію, генеалогическія таблицы, нужныя для того чтобы дѣлать нужныя сравненія изъ великихъ авторовъ, для того чтобы дѣлать нужныя сравненія изъ сужденій о наиболѣе крупныхъ событіяхъ. Та же брошюра даетъ имена авторитетныхъ писателей, трактовавшихъ о данномъ предметѣ; указываетъ сочиненія для нужныхъ справокъ и даетъ планъ

систематическаго чтенія. Однимъ словомъ, въ ней имѣются всѣ необходимыя указанія для самостоятельной работы тѣмъ, которые захотятъ глубже познакомиться съ предметомъ. На каждой страницѣ внизу напечатано нѣсколько вопросовъ, которые предлагаются самимъ слушателямъ для обсужденія въ промежутокъ между лекціями. Въ то же время эти вопросы служатъ предметомъ дебатовъ на частныхъ собраніяхъ слушателей.

Въ сосѣдней залѣ помѣщается ящикъ, присланный изъ Оксфорда за нѣсколько недѣль до начала лекцій, съ 30—40 наиболѣе необходимыми для справокъ, по предмету лекцій, книгами. Эта передвижная библіотека недостаточна, однако, для всего количества слушателей въ Олдгэмѣ, а потому само общество покупаетъ еще много экземпляровъ главнѣйшихъ историческихъ работъ и выдаетъ ихъ слушателямъ на домъ. На высокой эстра-тѣ, — съ которой лекторъ, стоя, доминируетъ надъ обширной аудиторіей, — натянута полотно, на которомъ во время лекціи появляются изображенія лицъ, историческихъ сценъ и географическихъ картъ. Для этихъ изображеній жлишэ приготовляются самимъ лекторомъ, снимающимъ необходимыя для этого фотографіи съ оригиналовъ, находящихся въ коллекціяхъ и музеяхъ Лондона и Оксфорда. Туман-ныя картины особенно необходимы и полез-

ны при высшемъ преподаваніи исторіи въ этихъ новыхъ интеллектуальныхъ центрахъ, гдѣ сами слушатели не имѣютъ возможности видѣть ни портретовъ знаменитостей, ни изображенія историческихъ событій, но, именно вслѣдствіе этой необходимости, картины должны быть безусловно вѣрны исторически и артистически исполнены.

Черезъ часъ лекція кончается и слушатели, не разъ въ продолженіи ея показывавшіе признаки интереса и вниманія, разражаются горячими аплодисментами. Если кончена самая лекція, то не конченъ еще сеансъ:—послѣ конференціи начинается такъ называемый „классъ“, во время котораго лекторъ любезно приглашаетъ слушателей задавать ему вопросы. „Теперь роли мѣняются“, говоритъ онъ, — „раньше вы меня слушали, теперь же я въ вашемъ распоряженіи для того, чтобы отвѣчать на вопросы и выслушивать возраженія“. Доброе настроеніе и взаимное довѣріе господствуютъ въ залѣ и потому вскорѣ кто нибудь изъ слушателей поднимается, чтобы указать на затруднительныя въ какомъ либо отношеніи мѣста только что прочитанной лекціи... Живо заинтересованный лекторъ старается разъяснить ихъ. Мы присутствуемъ, однако, не при словесномъ турнирѣ: со стороны слушателей нѣтъ стремленія поставить лектора въ затруднительное положеніе, а со стороны лектора

нѣтъ желанія одержать побѣду. Здѣсь просто профессоръ даетъ дополнительное разъясненіе темныхъ мѣстъ, отбѣняетъ новыя точки зрѣнія, напоминаетъ важныя детали и освѣщаетъ тѣ мѣста, которыя остались въ тѣни во время лекціи; однимъ словомъ—дается болѣе полное и детальное объясненіе предмета.

Классъ полонъ жизни, — ни профессоръ, ни слушатели не позируютъ, но никто изъ нихъ не стѣсняется. Наконецъ, — хотя, по мнѣнію многихъ слушателей, слишкомъ рано, — наступаетъ время закрытія класса. Профессоръ собираетъ около себя тѣхъ изъ слушателей, которые послали ему письменныя работы послѣ предъидущей лекціи и которымъ онъ принесъ обратно цѣлую кипу ихъ работъ, исправленныхъ и просмотрѣнныхъ имъ. Пробѣгая быстро сочиненіе, онъ даетъ каждому совѣты, указываетъ ошибки, обращаетъ вниманіе на недостаточное развитіе одной стороны и на непропорціональность или темноту другой. Затѣмъ лекторъ даетъ темы для новыхъ письменныхъ работъ, которыя должны быть представлены ему до слѣдующей лекціи, причемъ темы эти всегда бываютъ различной трудности, хотя всѣ онѣ направлены на обсужденіе главныхъ вопросовъ, поднятыхъ на лекціи, и заставляютъ слушателя многое перечитать и о многомъ передумать.

Предположимъ теперь, что мы возврати-

лись въ Олдгэмъ въ концѣ сезона, — мы застанемъ здѣсь группу знакомыхъ уже намъ слушателей въ самомъ разгарѣ экзаменовъ. Въ дѣйствительности оксфордскій университетъ назначаетъ экзаменатора, который ознакомившись съ Syllabus'омъ (руководство къ конференціямъ) и получивъ всѣ объясненія, которыя лекторъ нашелъ умѣстнымъ дать ему, prepares листъ съ 10 — 12 вопросамъ, такимъ образомъ подобранными, что по отвѣтамъ на нихъ можно ясно судить и о познаніяхъ и о способностяхъ экзаменуемыхъ. Вопросные пункты печатаются и отсылаются въ запечатанномъ пакетѣ въ организаціонный комитетъ Олдгема. Въ назначенный вечеръ собираются всѣ экзаменуемые и члены организаціоннаго комитета, вскрывается пакетъ, раздаются листы и въ теченіе трехъ часовъ царствуетъ полное молчаніе, нарушаемое лишь скрипомъ перьевъ. Черезъ три часа отвѣты собираются членами организаціоннаго комитета и отсылаются въ Оксфордъ, гдѣ назначенный университетомъ экзаменаторъ поправляетъ сочиненія и представляетъ отчетъ о нихъ, который затѣмъ и публикуется. Получившіе высокій баллъ считаются „выдержавшими экзаменъ съ отличіемъ“, получившіе средній — „удовлетворившими экзаменъ“, всѣ же выдержавшіе получаютъ печатное свидѣтель-

ство или протоколъ экзамена, а наилучше выдержавшему, кромѣ того, дается право выбрать одно изъ имѣющихся для этого въ университетѣ сочиненій по тому вопросу, которому было посвящено экзаменаціонное сочиненіе. Вотъ въ какомъ видѣ представляется въ Олдгэмѣ „University Extension“.

Нынѣ кооперативное товарищество Олдгэма имѣетъ, такъ сказать, свой департаментъ народнаго просвѣщенія, ибо это рабочее общество, и управляемое рабочими, и поддерживаемое взносами рабочихъ, вошло въ непосредственныя сношенія съ древнимъ оксфордскимъ университетомъ во имя просвѣщенія своихъ членовъ. Университетъ, съ своей стороны, выработалъ планъ преподаванія, соотвѣтствующій даннымъ потребностямъ. Онъ создалъ цѣлый штабъ способныхъ лекторовъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, изъ лицъ высокообразованныхъ и расположенныхъ къ этого рода дѣятельности, какъ своими симпатіями, такъ и природными дарованіями. Онъ учредилъ также специальное бюро для веденія дѣлъ подобнаго рода, съ секретаремъ и служащими на жаловань, и назначилъ особый комитетъ, называемый „Delegasy“, для контроля и распредѣленія лекцій, для экзаменовъ, подготовленія лекторовъ и, наконецъ, для переговоровъ съ мѣстными комитетами, организовавшимися въ странѣ ради „University Extension“.

Университетская типографія печатаетъ ежегодникъ (брошюры съ конспектами) для лекцій, а при университетѣ имѣется богатая библіотека, специально предназначенная для составленія подвижныхъ библіотекъ, посылаемыхъ въ мѣста чтенія лекцій.

Слѣдуетъ замѣтить, что рабочее общество Олдгэма само указываетъ, какого лектора оно желаетъ имѣть, также и самый предметъ чтенія, а время чтеній и другія подробности устанавливаются перепиской. Рабочее общество гарантируетъ нужную сумму на расходы и члены его пользуются лекціями безвозмездно, и вотъ въ теченіе девяти уже лѣтъ ежегодно, безъ всякихъ затрудненій, организуются лекціи, интересъ къ которымъ все растетъ и число слушателей которыхъ постоянно увеличивается.

„Но, — замѣтятъ, быть можетъ, нѣкоторые, — въ курсѣ всего лишь шесть лекцій и въ году бываетъ не болѣе одного курса, — что же можетъ преподавать лекторъ въ такой короткій срокъ своимъ слушателямъ и чему эти слушатели успѣютъ научиться? Не будетъ ли все это слишкомъ поверхностнымъ и не объясняется ли успѣхъ лекцій только новизною и любопытствомъ? Что можетъ въ этомъ дѣлѣ, при такой постановкѣ его, дать прочную цѣнность и производить продолжительное вліяніе“? Вопросы эти совершенно

естественны и заслуживают отвѣта. — Дѣйствительно, курсъ очень коротокъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ очень серьезенъ. Лекторъ беретъ для каждой лекціи одинъ ограниченный періодъ: его цѣль научить немногому, но научить хорошо. За этотъ короткій промежутокъ времени слушатели не только узнаютъ факты, но и приобрѣтаютъ извѣстный методъ изученія, ибо, изслѣдуя съ опытнымъ профессоромъ критическіе періоды національной исторіи, они видятъ, какъ онъ работаетъ, оставаясь постоянно справедливымъ, безпристрастнымъ и вѣрнымъ научному методу. Они учатся отъ него, какъ пользоваться книгами, какъ сравнивать авторитеты, протовопоставлять или приводить въ соглашеніе различныя точки зрѣнія и, въ концѣ концовъ, слушатели начинаютъ понимать, что право бываетъ не всегда на одной и той же сторонѣ; они видятъ сложность мотивовъ, запутанность обстоятельствъ, медленность эволюціи и, наконецъ, то количество условій, которое слѣдуетъ принимать во вниманіе при обсужденіи того или другого историческаго событія. Они привыкаютъ, кромѣ того, различать въ исторіи дѣйствіе моральныхъ и соціальныхъ силъ, и приобрѣтаютъ болѣе просвѣщенный патріотизмъ; они развиваютъ свои чувства, свои политическія и экономическія сужденія и

свою критическую способность. Они начинают понимать, въ чемъ состоитъ знаніе: предразсудки и спѣшныя обобщенія уже не могутъ ихъ удовлетворить, разъ они начинаютъ примѣнять методъ изслѣдованія, заимствованный ими у лектора.

Нужно не забывать также, что слушатели лекцій несовсѣмъ лишены предварительнаго образованія: всѣ они прошли курсъ первоначальной школы и, что еще важнѣе, уже сформированы жизнью; они дисциплинированы тяжелой работой и личная опытность дала имъ извѣстную проницательность и сообразительность. Обычныя въ англійской жизни религіозныя и политическія дебаты и соціальныя и экономическія условія той среды, въ которой живутъ рабочіе, подготовили ихъ въ нѣкоторомъ родѣ къ воспріятію того, что имъ преподаетъ лекторъ, когда воспламеняетъ ихъ воображеніе, открываетъ передъ ними новый міръ, расширяетъ ихъ умственный горизонтъ, возвышаетъ ихъ рѣшительность, пересоздаетъ и оживляетъ ихъ. Мало того, лекторъ является къ нимъ не какъ просто индивидуумъ, а какъ представитель великаго учрежденія. Каждый изъ нихъ болѣе или менѣе, въ общихъ чертахъ, сознавалъ, что высшая наука и серьезное обученіе необходимы для жизни націй, а въ особенности для демократическаго народа; но это было инстинктивное сознаніе; зато

всѣмъ имъ было ясно, что университеты это далекія, дорогія и недоступныя учрежденія, устроенныя не для нихъ и не для имъ подобныхъ. Можно ли поэтому удивляться, что рабочіе не рѣшались вѣрить въ то, что спокойныя научныя изслѣдованія и эрудиція ученыхъ могутъ быть имъ реально полезны? можно ли удивляться, что зарождалось сомнѣніе въ возможности убѣдить демократію въ томъ, что высшія познанія имѣютъ жизненное значеніе для благоденствія націи?

Благодаря „University Extension“, тысячи мужчинъ и женщинъ поняли дѣйствительное значеніе университетовъ, ибо лекторъ является какъ бы депутатомъ, защищающимъ дѣло университетовъ передъ демократіей. Его преподаваніе показываетъ этой демократіи, какія услуги могутъ оказать міру стоящіе вдали отъ нея ученые. Зависть смягчается, вражда уничтожается и на мѣсто ихъ зараждается уваженіе къ заслугамъ, оказаннымъ наукой человѣчеству, обществу и не только богатымъ, но и бѣднымъ и трудящимся, и можно съ увѣренностью сказать, что эта перемѣна чувствъ служить къ благу соціальнаго міра. Съ своей стороны, благодаря „University Extension“, и университеты Англіи могли не малому научиться. Жизнь Оксфорда и Кембриджа—еще недавно была жизнью совершенно обособленной, замкнутой, чуть ли не отъ

міра сего. Въ своихъ пріятныхъ резиденціяхъ, при спокойной жизни города, и сейчасъ сохранившаго средневѣковый видъ, вдали отъ тяжелой борьбы промышленной жизни, служители науки могли забыть свой долгъ передъ обществомъ, которое даетъ имъ жизнь, въ особенности тѣ, которые не посвятивъ себя наукѣ исключительно, обладали и знаніями, и свободнымъ временемъ. Именно они то и должны теперь войти въ непосредственныя сношенія съ менѣе счастливыми классами населенія, чтобы узнать ихъ нужды, условія ихъ жизни и для того, чтобы понять, какъ много можно сдѣлать для широкаго образованія народа при терпѣливомъ и добросовѣстномъ исполненіи своихъ ежедневныхъ обязанностей. Эти новыя сношенія университетовъ съ народной массой были полезны для обѣихъ сторонъ. Каждая изъ нихъ имѣла свои характерные недостатки, которые росли, пока онѣ были чужды другъ другу, и которые стали постепенно уменьшаться, по мѣрѣ того какъ университеты и народъ познали другъ друга, научились уважать другъ друга и симпатизировать. Если рабочіе выиграли отъ „University Extension“, то тоже самое можно сказать и объ университетахъ и образованныхъ классахъ, и этотъ счастливый обмѣнъ произошелъ безъ малѣйшихъ препятствій съ обѣихъ сторонъ, ибо каждая изъ

нихъ дѣйствовала вполнѣ добровольно. Можно еще указать воображаемому нами критику и на то, что воспитательное значеніе курсовъ не ограничивается одними лекціями. Лекторъ лишь возбуждаетъ и поощряетъ, но ученикъ долженъ учиться самъ. Въ промежуткѣ между лекціями и курсами, изъ недѣли въ недѣлю и изъ года въ годъ, серьезный ученикъ „University Extension“ продолжаетъ свои занятія при помощи книгъ, расширяя и углубляя свои познанія и совершенствуя свою способность разсужденія. Въ этомъ и состоитъ главное значеніе „University Extension“ и по этому-то и нужно судить о немъ.

Въ такихъ городахъ, какъ Ридингъ и Эксетеръ, University Extension развилось и укрѣпилось настолько, что Кембриджскій университетъ нашелъ необходимымъ въ городахъ этихъ основать постоянные колледжи

Вотъ основная идея подобныхъ учрежденій: въ каждомъ большомъ населенномъ центрѣ долженъ быть основанъ колледжъ, въ которомъ взрослые мужчины и женщины могли бы получить наиболѣе подходящее для гражданъ образованіе, причемъ этотъ колледжъ долженъ сгруппировать около себя всѣ существующія уже тамъ учрежденія подобнаго рода. Такая группировка привела бы къ важнымъ результатамъ, такъ какъ, благодаря ей, пополнились бы недостатки программъ

отдѣльныхъ учрежденій, каковыя недостатки происходятъ исключительно благодаря изолированности этихъ учрежденій. Основаніемъ этому колледжу должна служить идея общественной пользы. Въ совѣтъ его директоровъ должны быть представители всѣхъ классовъ населенія. При составленіи программъ нужды всѣхъ секцій студентовъ должны быть приняты во вниманіе, насколько тому позволятъ средства. Главное стремленіе должно быть направлено къ подготовленію мужчинъ и женщинъ къ исполненію ихъ гражданскихъ обязанностей, и дѣло должно вестись такимъ образомъ, чтобы оно имѣло матеріальную поддержку отъ тѣхъ, для кого оно основано, продолжая сношенія съ университетомъ, такъ какъ если оно будетъ предоставлено само себѣ, то неминуемо подвергнется риску отстать отъ другихъ въ интеллектуальномъ отношеніи, а правящія власти его могутъ потерять связь съ высшей современной наукой, слишкомъ увлекаясь разнообразными мѣстными нуждами, которымъ они служатъ.

Вслѣдствіе этого необходимо, чтобы подобный колледжъ былъ постоянно тѣсно связанъ съ однимъ изъ большихъ университетовъ, откуда онъ получалъ бы новыхъ учителей и гдѣ его профессора имѣли бы постоянный источникъ для обновленія своихъ научныхъ свѣдѣній, такъ что личный составъ колледжа

принадлежалъ бы къ обширной корпораціи и имѣлъ бы непосредственныя сношенія съ личнымъ составомъ колледжей въ другихъ городахъ. Такимъ образомъ, онъ былъ бы частью обширной интеллектуальной федераціи, во главѣ которой стояли бы университеты, благодаря чему ни одинъ изъ профессоровъ не былъ бы обреченъ всю жизнь пробывать на одномъ и томъ же посту, а каждый имѣлъ бы надежду на движеніе впередъ, что побуждало бы его держаться на уровнѣ современной науки.

Съ другой стороны, университеты пришли бы въ тѣсное соприкосновеніе съ интеллектуальною жизнью большихъ городовъ и приобрѣли бы много новыхъ цѣнныхъ членовъ, такъ какъ мѣстные колледжи высылали бы имъ своихъ лучшихъ учениковъ, способности которыхъ требовали бы болѣе полного образованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря этому, въ университетахъ значительно увеличилось бы число студенческихъ стипендій, пожертвованныхъ гражданами этихъ большихъ городовъ, не имѣющихъ своихъ университетовъ. Чрезъ своихъ делегатовъ въ школьныхъ совѣтахъ и благодаря связямъ своего личного состава, колледжъ былъ бы въ тѣсныхъ сношеніяхъ со всѣми школьными преподавателями средняго и элементарнаго образованія въ данной мѣстности и дѣло на-

роднаго образованія включало бы такимъ образомъ массу учреждений и управлялось бы само собой, поддерживаемое субсидіями изъ государственнаго казначейства, мѣстныхъ общинныхъ средствъ и частной благотвори- тельности. Не смотря на большое разнообра- зіе мѣстныхъ учреждений, это было бы одно цѣльное дѣло, организованное, но не централизованное,—свободное, живое и раз- нообразное, хотя и приведенное въ порядокъ, разумно контролируемое, обеспеченное необ- ходимой свободой для проявленія частной инициативы и для частныхъ опытовъ и въ то же время подвергнутое въ достаточной мѣрѣ общественному контролю.

Выше изложенное замѣчаніе вынуждаетъ меня сказать нѣсколько словъ о самой орга- низации „University Extension“. Можно счи- тать, что Англія имѣетъ 5 университетовъ *): оксфордскій, кембриджскій, лондонскій, дюр- гэмскій и университетъ Викторіи, причемъ всѣ они принимаютъ участіе въ „Univ. Extension“. Каждый изъ нихъ, за исключе- ніемъ лондонскаго, имѣетъ для этого даже специальный комитетъ (называемый „Delega-

*) Я говорю собственно объ Англіи, такъ какъ шотландскіе и ирландскіе университеты пока незначительно участвуютъ въ Univ. Ext.

су“ въ Оксфордѣ, и „Syndicate“ въ Кемб-
риджѣ), завѣдующій общимъ управленіемъ
дѣла, но каждый разъ, какъ только дѣло
касается до основныхъ принциповъ, таковыя
устанавливаются самими университетами.
Лондонское „Univ. Extension“, какъ мы за-
мѣтили, ведетъ дѣло безъ университетскаго
комитета, самостоятельно, пользуясь лишь
совѣтами? Joint Board (Соединеннаго коми-
тета), назначаемаго для дѣла образованія
университетами Оксфорда, Кембриджа и Лон-
дона; финансовая же часть лондонскаго
„Univ. Extension“ совершенно отдѣлена.

Болѣе чѣмъ въ 400 городахъ Англіи имѣ-
ются мѣстные комитеты для „Univ. Exten-
sion“, изъ коихъ каждый пользуется боль-
шой свободой дѣйствія и можетъ входить въ
сношенія съ любымъ университетомъ, но
они не злоупотребляютъ своею свободой и
избѣгаютъ всего того, что могло бы повести
университеты къ соперничеству. Заимствуя
другъ отъ друга, университеты за послѣдніе
годы постепенно привели къ большому одно-
образію свои правила и положенія въ дѣлѣ
„Univ. Extension“, такъ что теперь въ
методахъ проведенія его въ жизнь замѣчается
очень незначительная разница; кромѣ того,
время отъ времени университетами принима-
ются мѣры къ тому, чтобы привести къ од-
ному уровню требованія и на окончательныхъ

экзаменахъ. Каждый мѣсяцъ главные секретари „Univ. Extension“ Оксфорда, Кембриджа, Лондона и Викторіи (въ Дюргэмѣ дѣло только начинается) собираются въ Лондонѣ для обсужденія и для соглашенія по поводу дѣлъ общей администраціи: они же составляютъ комитетъ, завѣдующій „Univ. Ext. Journal“, періодическимъ органомъ всего движенія. Подобная система, оставляя за каждымъ университетомъ полную свободу дѣлать новые опыты, вмѣстѣ съ тѣмъ устраняетъ возможность конкуренціи въ погонѣ за популярностью. Многие предлагали университетамъ объединить дѣло управленія движеніемъ въ Joint Board, но лучшіе знатоки дѣла основательно высказались противъ подобнаго проэкта, который болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, централизовалъ бы движеніе и лишилъ бы его энтузіазма, который возбуждается преданностью къ дѣлу въ каждомъ университетѣ отдѣльно. Контингентъ „Univ. Extension“ составляютъ 150 лекторовъ отъ пяти университетовъ, но только 60 изъ нихъ заняты постоянно, т. е. въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ, когда продолжаются курсы, хотя имѣются между ними и такіе, которые посвящаютъ этому дѣлу все свое время.

Въ среднемъ большинство лекторовъ зарабатываютъ до 400 ф. въ годъ (нѣкоторые и болѣе), но въ большинствѣ случаевъ чтеніе

лекцій не является ихъ постояннымъ занятіемъ, такъ какъ, читая лекціи 2—3 раза въ недѣлю, они остальное время посвящаютъ литературѣ или своимъ научнымъ занятіямъ. Ежегодно читается около 500 курсовъ, посѣщаемыхъ 50—60 тысячъ лицъ, изъ которыхъ 10% является на экзамены по окончаніи каждаго курса. По приблизительному расчету, на каждаго слушателя приходится около 10 шилл. расхода, или, говоря иначе, ежегодно тратится на дѣло отъ 25 до 30 тысячъ фунт. стерл., причемъ большая часть этой суммы покрывается мѣстными добровольными сборами, хотя и университеты тратятъ на это дѣло достаточно большія суммы, помимо субсидій, даваемыхъ совѣтами нѣкоторыхъ графствъ. Что касается до правительства, то, кромѣ субсидій колледжу въ Ридингѣ, оно ничемъ не содѣйствуетъ дѣлу „Univ. Extension“, хотя въ 1895—96 годахъ подано правительству много петицій съ выраженіемъ желаній, дабы государство приняло участіе въ расходахъ, хотя бы на сумму равную мѣстнымъ сборамъ для этой цѣли, и выдавало бы субсидію той части дѣла „Univ. Extension“, которая уже приведена въ систему. Центры „Univ. Extension“ разсѣяны по всей Англіи, хотя, совершенно понятно, они болѣе многочисленны въ населенныхъ и промышленныхъ округахъ. Если

провести линію черезъ New Castle по Гунне и Портсмуту, то центры, связанныя съ Кембриджемъ, будутъ находиться главнымъ образомъ на востокъ отъ нея, а связанные съ Оксфордомъ—на западъ; тѣ же, которые связаны съ университетомъ Викторіи, находятся въ Йоркширѣ, Ланкаширѣ и Чеширѣ, сообщенія съ которыми весьма удобны изъ Ливерпуля, Манчестера и Лидса, гдѣ находятся колледжи, составляющіе этотъ послѣдній университетъ. Аудиторіи этихъ центровъ составлены изъ лицъ, принадлежащихъ ко всѣмъ классамъ общества, и въ спискахъ получившихъ свидѣтельства можно найти людей самыхъ разнообразныхъ профессій.

Не менѣе интереснымъ дѣломъ University Extension являются его лѣтнія собранія (Summer Meetends), которыя происходятъ ежедневно въ августѣ. Они получили начало въ 1888 г. и совершаются серіями черезъ правильныя промежутки времени. Ихъ идея получила свое начало въ Америкѣ, гдѣ они устраиваются во время лѣтнихъ вакацій для школьныхъ учителей. Нѣсколько приверженцевъ дѣла англійскаго „Univ. Extension“, замѣтивъ, что университетскіе города большую часть лѣта пустуютъ, пришли къ мысли, воспользоавшись этимъ, дать возможность ученикамъ Univ. Extension прослушать курсъ науки въ Оксфордѣ и Кембридѣ.

жѣ во время вакацій. Первый опытъ былъ сдѣланъ въ августѣ 1888 года и успѣхъ его превзошелъ всѣ ожиданія. Университетъ уступилъ свои обширныя экзаменаціонныя залы, и масса слушателей всѣхъ классовъ общества и изъ всѣхъ частей Англіи наполнила ихъ. Лекціи читались извѣстными профессорами университета, писателями, учеными и наиболее извѣстными лекторами „Univ. Extension“ по предметамъ общаго образованія. Секретари мѣстныхъ комитетовъ имѣли случай лучше ознакомиться съ системой и пріобрѣсть новыя идеи для ея развитія.

Въ слѣдующемъ году это новое дѣло получило окончательную санкцію и съ этого времени сами университеты сдѣлались важной частью дѣла „Univ. Extension.“ Лекціи здѣсь были болѣе методически скомбинированы, а возможность работы въ лабораторіяхъ и музеяхъ по естественнымъ наукамъ была значительно облегчена. Вожди „Univ. Extension“ съ большей энергіей принялись за новое предпріятіе, и ихъ старанія были вознаграждены все увеличивающимся наплывомъ слушателей. Отъ этихъ собраній выиграло все дѣло „Univ. Extension“, было основано много новыхъ центровъ, благодаря энтузіазму, вызванному этимъ необычайнымъ трудолюбивымъ собраніемъ, а многіе слуша-

тели изъ отдаленныхъ городовъ, никогда раньше не издавшіе университета, прониклись любовью къ его древнимъ воспоминаніямъ, къ его великому національному дѣлу.

Инициаторы дѣла, въ свою очередь, лучше поняли свою программу и ея значеніе, они сознавали свою силу, какъ корпораціи, и почувствовали себя связанными новыми симпатіями и облеченными новымъ довѣріемъ. Никто изъ присутствующихъ на этомъ первомъ необычайномъ собраніи 1888 года никогда не забудетъ того впечатлѣнія, которое произвели на него восхищеніе и энтузіазмъ вновь пріѣзжихъ. Идея „Univ. Extension“ и симпатія установилась между его разсѣянными центрами: углекопъ сѣвера, прядильщикъ Ланкашира, сотни учителей элементарныхъ и среднихъ школъ представляли всѣ вмѣстѣ одно общество, и рѣзкое сближеніе людей различныхъ профессій и опытности приносило каждый день новыя стремленія. Все движеніе выиграло въ силѣ и прочности. Въ 1891 году прочность этого новаго дѣла была указана опытомъ. Вожди движенія занялись выработкою плана раздѣленія предметовъ курса на нѣсколько лѣтъ, и въ видѣ опыта было рѣшено, что только одинъ періодъ исторіи человѣчества будетъ служить главнымъ предметомъ преподаванія въ каждомъ году, причемъ были приняты мѣры, чтобы лекціи

по этому предмету читались наиболее авторитетными профессорами, имѣющими различные точки зрѣнія, дабы дать возможность слушателямъ познакомиться съ тѣмъ, что могутъ сказать о крупныхъ эпохахъ чело-вѣческой исторіи люди различныхъ школъ.

XIII вѣкъ былъ выбранъ для перваго года. Его исторія, литература, экономическія идеи и его артистическія произведенія были обсуждены разными лекторами, и каждый изъ нихъ развивалъ вполне свободно свою личную точку зрѣнія. Результатомъ этого былъ, между прочимъ, практическій урокъ терпимости и трогательнаго единства метода людей различныхъ точекъ зрѣнія и различного склада ума. Передъ каждой сессіей тщательно составлялась программа и раздавались списки нужныхъ книгъ, для того чтобы дать слушателямъ возможность подготовиться предварительнымъ чтеніемъ къ лекціямъ. Въ ихъ распоряженіе была также предоставлена библіотека избранныхъ сочиненій. Дѣло, начатое такимъ образомъ, продолжалось въ слѣдующіе годы: эпоха Возрожденія и реформація были главной темой въ 1892 г.; пуританская революція и XVIII вѣкъ читались въ слѣдующіе годы. Но, кромѣ главнаго предмета, читались курсы практической химіи, геологіи, ботаники, астрономіи и гігіены. Были также лекціи политической экономіи, библейской литературы, греческаго языка и педагогіи.

Кембриджскій университетъ послѣдовалъ примѣру оксфордскаго, и его первое подобное собраніе, состоявшееся въ 1893 году, увѣнчалось успѣхомъ. Съ тѣхъ поръ состоялось соглашеніе, что подобныя собранія будутъ происходить по очереди въ Кембриджѣ и Оксфордѣ и это рѣшеніе послужило какъ бы выраженіемъ единства этихъ двухъ университетовъ въ дѣлѣ „Univ. Extension“.

Выше я говорилъ о томъ, что въ Шотландіи и Ирландіи дѣло „Univ. Extension“ еще недостаточно распространилось, но, благодаря энергіи Патрика Геддиса, въ Эдинбургѣ происходятъ, однако, лѣтнія собранія ежегодно, причемъ на этихъ собраніяхъ читаются серіи блестящихъ лекцій, для чего нерѣдко приглашаются даже знаменитые французскіе профессора.

Нужно прибавить, что въ послѣдніе годы на лѣтнихъ собраніяхъ въ Оксфордѣ присутствовали и иностранные студенты, благодаря чему эти собранія приняли какъ бы интернаціональный характеръ.

Такимъ образомъ, благодаря самоотверженности своихъ лекторовъ, университеты сдѣлали много добра своей странѣ, всѣмъ классамъ общества и самымъ обездоленнымъ больше всего. — Но кромѣ того помимо своего вѣдома и желанія, они много сдѣлали и для себя: истинное благодѣяніе вдвойнѣ благо-

дѣтельно, — ибо оно дѣлаетъ добро и тому, кто получаетъ, и тому, кто даетъ. Около 150 людей, одушевленныхъ стремленіемъ къ общему благу, изъ двухъ тысячъ почти, ежегодно оканчивающихъ Оксфордскій и Кембриджскій университеты, — это очень немного если брать голыя цифры, но вполне достаточно для того, чтобы поднять инертную массу, какъ поднимаетъ большую тяжесть сильный рычагъ. — Старые университеты сдѣлавшись сословнымъ учрежденіемъ, предавались диллетантизму. — Они занимались вытягиваніемъ изъ классиковъ перловъ риторикѣ и утонченнаго вкуса. — Кучка избранниковъ образовала замкнутую, эгоистическую корпорацію, и не желала ничего больше. — Она утратила близость къ народу, сочувствіе къ его интересамъ, пониманіе неясныхъ движеній его неустановившейся души. И въ этомъ для университетовъ была страшная опасность. Въ странѣ, гдѣ общественное мнѣніе вассально, гдѣ мы присутствуемъ при окончательномъ наступленіи царства демократіи, всякое учрежденіе, стоящее внѣ общаго движенія, обречено на жалкое прозябаніе и въ концѣ концовъ должно умереть естественною смертію. — Молодежь, ставшая во главѣ распространенія университетскаго образованія, — чтобы идти въ народъ, видѣла эту опасность и хотѣла ее отвратить. И послѣ десятилѣтнихъ усилій,

направленныхъ къ этой цѣли, одинъ изъ организаторовъ движенія имѣлъ полное право сказать: „Распространеніе университетскаго образованія спасло университеты.“ Да,—оно спасло ихъ, а если не вполнѣ, то все же излечило ихъ отъ диллетантизма.— Въ Оксфордѣ и Кембриджѣ всегда останутся уголки, недоступные для профановъ. Корпоративный духъ старыхъ университетовъ очень крѣпокъ и живучъ и духъ этотъ держится ихъ исключительностью. — Вопросъ не въ томъ, чтобы университетъ слился съ народомъ, а въ томъ, чтобы между ними, послѣ неизбѣжныхъ колебаній, такъ сказать, возстановилось нарушенное равновѣсіе нравственныхъ силъ. Связь была порвана, но распространеніе университетскаго образованія возстановило ее.— Достаточно пробыть нѣсколько часовъ въ которомъ нибудь изъ старыхъ университетовъ, внимательно смотрѣть и слушать, чтобы убѣдиться, что общій ихъ духъ измѣнился, что вѣтеръ дуетъ съ другой стороны и атмосфера уже успѣла согрѣться дыханіемъ народныхъ массъ.

Отъ равнодушія, или даже враждебности, съ какою относился народъ къ Оксфорду и Кембриджу, не осталось и слѣдовъ: народъ не можетъ не любить того, кто идетъ ему на встрѣчу распростертыми объятіями.

Приведемъ здѣсь нѣсколько словъ изъ письма

одного рудокопа изъ Нортужерленда къ секретарю Кембриджскаго комитета распространенія университетскаго образованія; эти строки будутъ убѣдительны: — „присутствіе среди нихъ кембриджскихъ лекторовъ какъ будто поднимаетъ насъ надъ землей, въ высшія сферы. И въ тоже время Кембриджъ и все, что ему близко, пріобрѣтаетъ для насъ особенный интересъ, и на все сословіе, къ которому принадлежитъ лекторъ, мы начинаемъ смотрѣть съ добрымъ чувствомъ.“

Новая дѣятельность старыхъ университетовъ была для нихъ не только нравственнымъ благодѣяніемъ, не только побѣдой надъ собственнымъ эгоизмомъ и надъ равнодушіемъ или враждебностью публики: — помимо этого она заставила ихъ оглянуться на себя, расширить свои программы, поднять духъ своего преподаванія. — Въ началѣ движенія, когда были открыты перые курсы, приходилось вычеркивать изъ программъ классическую литературу, потому что не было людей, которые сѣумѣли бы сдѣлать его понятной и интересной для народа, ибо греческіе и римскіе подлинники изучались въ университетахъ съ исключительно филологической точки зрѣнія. — Любовь къ классической литературѣ погасла. — Народъ снова зажегъ ея пламя; — онъ такъ настойчиво требовалъ курсовъ древней литературы, что надо было исполнить

его требованіе. — И съ этого момента Оксфордъ и Кембриджъ вновь стали видѣть въ произведеніяхъ греческихъ и римскихъ писателей *не только* матеріалъ для препирательствъ о любопытныхъ особенностяхъ языка.....

То же было и съ отечественной литературой. Даже въ университетскихъ программахъ она играла самую ничтожную роль, фигурируя лишь въ образѣ старинныхъ сочиненій начального періода — Народъ пожелалъ изучать эту забытую литературу, и университетскія типографіи должны были дать ему изданія англійскихъ классиковъ, а университеты — учителей, которые могли бы имъ истолковать.

Такимъ образомъ, отечественная и древнія литературы, такъ долго бывшія въ презрѣніи, были обязаны англійскому народу — рудокопамъ сѣверныхъ округовъ, бузнецамъ и ткачамъ Ланкашира — тѣмъ, что вернулись въ свою отчизну, которая ихъ изгнала.

Диллетантизмъ въ области морали, сухое изученіе буквы, а не духа подлинниковъ въ области научныхъ занятій, были осуждены примѣромъ университетскихъ лекторовъ. Благодаря этимъ людямъ, благодаря соприкосновенію съ великой, живой силою — съ находящимися въ постоянномъ движеніи, трепещущими жизнью народными массами, — университеты снова согрѣлись, ожили и сдѣлались человѣчнѣе.

Быть может, человечность эта — болѣе всего выразилась въ высоко полезномъ и благомъ учрежденіи и развитіи такъ называемыхъ университетскихъ колоній, прототипомъ которыхъ является „Тойнби-Холль“.

Но прежде чѣмъ мы перейдемъ къ его описанію, добавимъ, что на-дняхъ въ Оксфордѣ открылся настоящій народный университетъ, по тому же типу, что и англійскіе университеты. Новое высшее учебное заведеніе открыто горячими поклонниками Джона Рескина, поэтому называется Russkin Hall. Знаменитый моралистъ и эстетикъ является однимъ изъ первыхъ по времени палладиновъ демократіи въ Англіи. Russkin Hall имѣетъ двѣ цѣли. Во-первыхъ, онъ является „университетскимъ центромъ“, къ которому тяготеютъ „кружки читающихъ“, разбросанные по всей странѣ. Russkin Hall руководитъ чтеніемъ, высылаетъ книги и программы, задаетъ темы, исправляетъ сочиненія и т. д. Какъ видите, въ этомъ отношеніи Russkin Hall ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго „центра“ движенія „University Extension“. Но вотъ уже совсѣмъ самобытное. Russkin Hall является университетомъ по типу Оксфордскаго, т. е. студенты живутъ тутъ-же. Плата, по англійскимъ условіямъ, назначена ничтожная: за 10 шиллинговъ въ недѣлю, т. е. менѣе, чѣмъ за пять рублей,

студенты получаютъ при университетѣ полное содержаніе: столъ, квартиру и пр., и, бромъ того, книги. Основатели университета, такимъ образомъ, думаютъ предоставить возможность учиться самымъ небогатымъ людямъ. Университетъ раздѣляется на три факультета: словесный, философскій и политическій. Курсъ обученія въ немъ отъ 1—3 лѣтъ. Принимаются студенты обоего пола. Судя по той массѣ, которая записалась уже, университетъ не останется безъ студентовъ. При открытіи университета присутствовали представители 150 тысячъ трэдъ-юніонистовъ. Они приняли горячо проектъ университета, какъ горячо привѣтствовали прежде University Extension“. Университетъ Рескина отличается тѣмъ, что лекціи въ немъ продолжаются круглый годъ, безъ перерывовъ для каникулъ. Этимъ и объясняется сравнительно короткій срокъ ученія. При введеніи этой системы приняты во вниманіе и интересы студентовъ. Имѣлось въ виду, что студенты, большею частью, работники или маленькіе клерки, имѣютъ деньги въ-обрѣзъ. Поэтому, учащимся крайне важно покончить учебную возможно скорѣе. Отъ поступающихъ не требуется вступительный экзаменъ.

ГЛАВА VI.

Университетскія колоніи „Тойнби-Холлъ“.

Въ настоящее время социальныя вопросы съ каждымъ днемъ приобрѣтаютъ въ западной Европѣ все большее и большее значеніе и стремленіе къ сближенію высшихъ классовъ съ низшими, во имя блага послѣднимъ, — замѣтно въ особенности въ Англіи. — Всѣхъ бѣдныхъ богатыми сдѣлать, конечно, нельзя (утопія слишкомъ сантиментальная), но по крайней мѣрѣ можно значительно облегчить ихъ положеніе. Можно также дать имъ возможность воспользоваться двумя наиболѣе сильными наслажденіями, какія доступны человѣку: наслажденіями, доставляемыми развитіемъ уму и дружбой. — Молодые люди, оканчивающіе курсъ въ англійскихъ университетахъ, имѣли полную возможность насладиться своей университетской жизнью, которая не только дала имъ сравнительно серьезное образованіе, но и предоставила благодаря системѣ колледжей, случай жить среди интеллигентныхъ и образованныхъ людей и завязать драгоцѣнныя узы дружбы, продолжающіяся до конца жизни. Нѣкоторые изъ этихъ молодыхъ людей почувствовали потребность подѣлиться съ другими приобрѣтен-

ными ими преимуществами. Это-то благородное побужденіе и послужило началомъ движенія для распространенія университетскаго образованія, имѣющаго уже своихъ предтечъ. Первыя группы „University Extension“ имѣли главной цѣлью — устройство курсовъ и чтеній. Но нужно было сдѣлать нѣчто большее: нужно было основать въ бѣднѣйшихъ кварталахъ большихъ промышленныхъ городовъ настоящіе колледжи, нѣчто въ родѣ университетскихъ колоній, при помощи которыхъ можно было бы провести въ самые низшіе слои населенія лучшее достояніе цивилизаціи интеллектуальное, моральное и соціальное развитіе, и такихъ колоній теперь десятки въ Англіи. — Остановимся на одной изъ этихъ колоній: на Тойнби-Холлѣ, названной такъ въ честь Арнольда Тойнби, — молодого горячаго апостола сближенія классовъ и распространенія свѣта науки среди массъ, къ сожалѣнію, умершаго, не успѣвъ увидать развитія того дѣла, которое было имъ вызвано къ жизни. Его друзья хотѣли непременно связать свое дѣло съ его именемъ.

Основатель Тойнби-Холлѣ, М. Барнеттъ пригласилъ нѣсколькихъ лицъ, имѣющихъ университетскія степени, поселиться на нѣкоторое время среди Истъ-Энда (одного изъ бѣднѣйшихъ кварталовъ), не прерывая въ то же время своихъ связей и знакомствъ

въ Вестъ-Эндѣ (богатый кварталъ). Онъ предложилъ имъ вести скромный образъ жизни: не роскошный, но и не суровый. Жить, однако, въ уединеніи М. Барнеттъ не рекомендовалъ молодымъ людямъ и посовѣтовалъ имъ основать нѣчто въ родѣ клуба, точнѣе—общешитіе. Онъ потребовалъ отъ нихъ самоотверженія, заключавшагося не въ умерщвленіи плоти, а въ стремленіи соединиться ради общаго дѣла съ людьми разныхъ политическихъ и религіозныхъ воззрѣній, оставивъ въ сторонѣ частныя разногласія ради торжества великаго дѣла. По идеѣ основателя „Тойнби-Холлѣ“ долженъ былъ быть ассоціаціей безъ религіозной и политической окраски, ассоціаціей, лишенной классовыхъ предразсудковъ, преисполненной тѣхъ идей, которыя оживляютъ университеты и служатъ мостомъ между правящими классами и народными массами. И дѣйствительно все это вы найдете въ немъ; эти особенности придаютъ ему оригинальность и отличаютъ отъ другихъ связанныхъ съ университетами центровъ народнаго образованія. Въ немъ преподаютъ и учатъ, но главнымъ образомъ стремятся сблизиться съ рабочими и войти въ ихъ жизнь. Много ли, мало ли тамъ дѣлаютъ добра, но на это добро не смотрятъ, какъ на милостыню, бросаемую богачами. И это, именно, то, о чемъ въ трогательныхъ выра-

женіяхъ незадолго до своей смерти говорилъ Арнольдъ-Тойнби собравшимся къ нему на конференцію рабочимъ.

Къ счастію, съ самаго основанія и до настоящаго времени это дѣло находится подъ управленіемъ просвѣщеннаго человѣка, который былъ иниціаторомъ. М. Барнеттъ, вѣрный дорогимъ ему принципамъ, считаетъ своимъ долгомъ предоставлять каждому изъ членовъ свободно развивать свою дѣятельность, согласно его природнымъ наклонностямъ. Каждый приноситъ пользу, сообразно полученнымъ отъ природы дарованіямъ. Въ этомъ дѣлѣ имѣютъ значеніе не только размѣры непосредственно полученныхъ результатовъ, но и то вліяніе, которое оказываютъ на окружающую среду члены „Тойнби Холль“, — вліяніе проявляющееся въ самыхъ разнообразныхъ формахъ.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о самой организаціи — „Тойнби Холль“. Основатели его предварительно устроили общество подъ названіемъ University Settlement Association (Общество для устройства университетскихъ колоній). Они, обращаясь преимущественно къ друзьямъ, заняли капиталъ въ 12 тыс. фунт. стерлинговъ, за пользованіе которымъ уплачиваютъ 4% и постепенно погашаютъ свой долгъ. На эти деньги они купили старую промышленную школу въ Уайтъ — Чапелъ,

исправили, расширили, изменили ее, и эта школа, постепенно изменяясь, превратилась въ теперешній „Тойнби Холль“. Съ другой стороны, тѣ, кто имѣли главной цѣлью распространіе знаній путемъ конференцій, собрали тыс. фунт. стерл. и выстроили залу для конференцій. Эта то зала и носила первоначально названіе Тойнби Холла Holl (зала), названіе постепенно присвоенное и всѣмъ другимъ сооруженіямъ колоніи; далѣе послѣдовательно были учреждены библіотека и небольшія залы для лекцій. Такимъ образомъ „Тойнби Холль“ носитъ характеръ, какъ бы двухъ предпріятій: коммерческаго и благотворительнаго. Имѣетъ домъ, въ которомъ живутъ колонисты, уплачивающіе за столъ и квартиру отъ 24 до 40 шиллинговъ въ недѣлю, т. е. столько же сколько они платили бы и во всякомъ другомъ мѣстѣ; а въ то же время около этого дома расположены учрежденія для общественной пользы, существующія только благодаря пожертвованіямъ сочувствующихъ этому дѣлу лицъ, въ числѣ которыхъ не послѣднее мѣсто занимаютъ „колонисты“, съ М. Барнеттомъ во главѣ. Расходы на наемъ, отопленіе и освѣщеніе залъ для конференцій, лекцій и собраній, расходы на печать, жалованіе директору и учителямъ, — все вмѣстѣ составляетъ 3 тысячи фунт. стерлинговъ въ годъ. Вся эта сумма, за исклю-

ченіемъ 320 ф. стерл., получаемыхъ отъ университетовъ, собирается изъ добровольныхъ взносовъ. М. Барнеттъ съ своей стороны, всегда жертвовалъ назначенное ему по уставу жалованіе въ пользу дѣла. Иногда случается, что кто нибудь поселяется въ колоніи лишь для того, чтобы ознакомиться съ идеями и чувствами бѣдняковъ, что легко достижимо въ такомъ учрежденіи, какъ Тойнби Холлъ, но въ большинствѣ случаевъ черезъ короткое время онъ чувствуетъ потребность быть въ свою очередь полезнымъ чѣмъ нибудь. Нѣкоторые же лица присоединяются къ дѣлу съ цѣлью привести въ исполненіе тотъ или иной задуманный ими планъ благотворительнаго предпріятія. „Тойнби Холлъ“ даетъ имъ широкое поле для опытовъ, и они, при первыхъ же своихъ дебютахъ, получаютъ поддержку и выраженіе симпатіи со стороны многочисленныхъ приверженцевъ „Тойнби-Холла“. Есть и такіе, которые присоединяясь приносятъ съ собою только добрую волю, безъ ясно опредѣленныхъ склонностей: они всегда находятъ работу ибо президентъ учрежденія и главный совѣтникъ въ короткое время опредѣляютъ ихъ спеціальныя наклонности.

Нѣкоторые изъ членовъ Тойнби-Холла, одаренные замѣчательными административными способностями, играютъ крупную роль и въ муниципальных дѣлахъ Лондона. Одинъ изъ

нихъ былъ выбранъ въ парламентъ округомъ Doll, другой сдѣлался президентомъ одной изъ компаній публичныхъ работъ; двое являются представителями рабочихъ кварталовъ въ Лондонскомъ школьномъ совѣтѣ School Board. Многие изъ членовъ большую часть своего времени употребляли на разрѣшеніе вопроса о безработицѣ, засѣдая въ комитетахъ организованныхъ для помощи безработнымъ, или занимаясь изученіемъ экономическихъ условій, ведущихъ къ безработицѣ. Нѣкоторые обратили свое вниманіе на ужасное состояніе квартиръ для бѣдныхъ; они возбуждали общественное мнѣніе, оказывали поддержку эксплоатируемымъ жильцамъ, наблюдали за дѣйствіями лицъ, назначенныхъ для исполненія устава общественной гигіены, и не разъ побуждали ихъ къ исполненію своихъ обязанностей. Военныя наклонности нѣкоторыхъ изъ членовъ побудили ихъ организовать изъ молодежи Уайтъ — Чапеля и Бетналь — Грина два или три батальона волонтеровъ; эти батальоны включены въ корпусъ волонтеровъ восточнаго Лондона и даютъ хорошіе результаты. Тѣлесныя упражненія столь привлекательныя для англійскихъ студентовъ также не забыты. Организованы общества для игры въ мячъ Foot Sall, крикетъ, боксированія, гребли, лаунъ тенниса и для пѣшеходныхъ экскурсій. Само собою разумѣется, что эта университетская

колонія не оставила безъ вниманія ни одного изъ вопросовъ, интересующихъ почему либо рабочихъ. Она устраиваетъ кооперативныя общества, дабы дать возможность рабочимъ жить съ большей экономіей, въ большей дружбѣ и доставлять имъ продукты лучшаго качества. Она поддерживала движеніе въ пользу сберегательныхъ кассъ, обществъ трезвости и образованія.

Заканчивая это перечисленіе, я не хочу обойти молчаніемъ одно изъ наиболѣе извѣстныхъ и оцѣненныхъ дѣлъ университетской колоніи—ежегодную выставку картинъ. Это дѣло начато М. Барнеттъ еще за нѣсколько лѣтъ до открытія „Тойнби-Холла“. Выставка эта обязанная своимъ существованіемъ лучшимъ артистамъ Великобританіи, открывается ежегодно въ время Пасхи и продолжается 20 дней. За это время ее посѣщаютъ обыкновенно около 60-ти тысячъ человѣкъ, по большей части бѣднаго населенія, не имѣющаго возможности посѣтить другія картинныя галереи. Поэтому описательный каталогъ составляется такъ тщательно и подробно, что можетъ показаться азбучнымъ для болѣе образованныхъ людей. Нѣкоторые изъ живущихъ въ колоніи членовъ, а въ особенности ея президентъ, обходятъ выставку нѣсколько разъ, давая разъясненіе картинъ окружающимъ ихъ лицамъ.

Но выше всѣхъ предпріятій самый духъ, господствующій въ Тойнби-Голлѣ, духъ братства и любви.

Однимъ изъ рациональнѣйшихъ средствъ сближенія является, конечно, дѣло народнаго образованія. Когда вы изъ шумной Коммершіаль-Стритъ Уайтъ-Чапеля войдете въ парадный дворъ „Тойнби-Холла“, вы получаете впечатлѣніе тишины и сосредоточенности. Это зданіе съ узкими окнами, съ покрытыми выходящими зеленою стѣнами, съ голубятнею и часовой башенкою, напоминаетъ вамъ старинные колледжи университетскихъ городовъ Англіи. Вы чувствуете себя перенесеннымъ въ спокойное, располагающее къ труду убѣжище и, дѣйствительно, „Тойнби Холль“ имѣетъ болѣе слушателей, чѣмъ самые большіе изъ колледжей Оксфорда и Кембриджа. Всѣ эти слушатели рабочіе, по большей части изъ Истъ-Энда; они могутъ посвящать своимъ занятіямъ только вечера въ будни, съ 12-ти час. дня въ субботу и все воскресенье. Отъ этого ихъ любовь въ наукѣ не уменьшается и даже, можетъ быть, они болѣе дорожатъ временемъ и болѣе серьезны, чѣмъ студенты средняго уровня въ университетахъ.

Начинаютъ собираться эти студенты рабочіе каждый день около семи часовъ вечера; на дверяхъ вывѣшивается программа дня, жоторая по временамъ гласитъ, что въ са-

лонѣ или столовой предстоитъ вечеринка. Это—кто нибудь изъ живущихъ въ „Тойнби-Холлѣ“ членовъ принимаетъ членовъ той или другой ассоціаціи, къ которой онъ принадлежитъ. Каждого изъ приглашенныхъ просятъ привести съ собою одного или двухъ друзей. Кто приводитъ пріятеля, кто свою мать: кто—сестру или невѣсту. Госпожа Барнеттъ или какая либо другая дама играютъ роль хозяйки. Приглашаются также знакомые изъ аристократическихъ кварталовъ, расположенные отложить классовые предразсудки въ домѣ, основанномъ для развитія братскихъ чувствъ. Молодые люди и дѣвушки Истѣ-Энда получаютъ возможность, не подвергаясь соблазнамъ публичныхъ баловъ и концертовъ, провести пріятно вечеръ, имѣютъ случай завязать знакомство при такихъ же условіяхъ, какъ молодые люди и дѣвушки высшихъ классовъ.

Но оставимъ на время салонъ. На концѣ двора, въ большой удобно-обставленной залѣ, студенты, пришедшіе прямо изъ мастерскихъ, ожидаютъ открытія курсовъ. Это клубъ студентовъ, специально для нихъ предназначенный. Игры здѣсь абсолютно воспрещены: зала предназначается для отдыха и бесѣды. Секретарь курсовъ и конференцій находится въ ней постоянно, давая нужныя разъясненія и выдавая шиллинговые билеты на слушаніе

того или другого курса или серии конференцій. Въ этой же залѣ находится списокъ ассоціацій „Тойнби-Холлъ“ и разныя объявленія къ нимъ относящіяся. Такимъ образомъ этотъ клубъ является не только мѣстомъ отдыха, но и мѣстомъ справокъ.

Старые студенты имѣютъ здѣсь случай внушать новымъ товарищамъ тотъ духъ, который дѣлаетъ изъ всѣхъ студентовъ „Тойнби-Холлъ“ группу друзей. По выходѣ изъ клуба прежде чѣмъ войти въ залу конференцій, вы подниметесь по маленькой винтовой лѣстницѣ въ библіотеку. Это — большая зала, заключающая въ себѣ 7000 томовъ, причемъ почти всѣ они подарены издателями, писателями и друзьями учрежденія. Библіотека открыта съ 4-хъ до 10 ти часовъ вечера по буднямъ и почти весь день въ субботу и воскресенье. Хотя она основана главнымъ образомъ для выдачи книгъ на домъ, но читатели все таки могутъ удобно расположиться въ ней, и библіотекарь всегда готовъ давать нужныя справки и совѣты. Во время длинныхъ зимнихъ вечеровъ, большой огонь въ каминѣ придаетъ ей гостепріимный видъ, и она бываетъ наполнена студентами. Въ 8 часовъ вечера начинаются курсы и конференціи. Въ огромной залѣ для собраній, 3 раза въ недѣлю читаются лекціи членами общества для распространенія университет-

скихъ знаній. Во вторникъ устраивается концертъ; въ четвергъ зала наполняется рабочими пришедшими на собраніе для дебатовъ. Въ субботу компетентные люди даютъ конференціи по вопросамъ науки, литературы и искусства. Съ самаго основанія, въ Тойнби-Холлѣ всегда было не менѣе 4-хъ одновременныхъ курсовъ; когда же позволяли средства, — то бывало и пять. Но члены учрежденія не довольствовались дѣятельностью только въ его стѣнахъ. Они открывали разные курсы въ сосѣднихъ помѣщеніяхъ уступаемыхъ для этой цѣли мѣстными муниципалитетами, рабочими клубами и проч. Иногда число одновременныхъ курсовъ доходило до 11. Въ 1896 г., за недостаткомъ средствъ пришлось удовольствоваться — восемью. Это же число, вѣроятно, будетъ и въ нынѣшнемъ году. Среднее число посѣтителей за средній триместръ 1896 г. было 770 человекъ въ недѣлю, такъ что каждый профессоръ имѣлъ аудиторію почти въ 100 человекъ. Комитетъ преподаванія, однако, глубоко убѣжденъ, что для обученія и преподаванія недостаточно курсовъ и конференцій, даже по прекрасной методѣ „Extension“. Для этого приходится прибѣгать еще къ другимъ средствамъ. Благодаря постояннымъ сношеніямъ съ Оксфордомъ и Кембриджемъ комитетъ Тойнби-Холлѣ имѣетъ возможность давать своимъ слушателемъ со-

лидное образованіе. Почти каждый изъ курсовъ продолжается три года, при чемъ каждый учебный годъ раздѣляется на три семестра, что даетъ возможность слушателямъ изучать предметъ подъ руководствомъ одного и того же профессора, вплоть до пріобрѣтенія сравнительно солидныхъ знаній. Тѣмъ не менѣе, знанія, полученные изъ вторыхъ рукъ, бывають обязательно поверхностны. Необходимо привести слушателей къ самимъ фактамъ и источникамъ для того, чтобы могли выработать свой собственный взглядъ на изучаемый предметъ. Кромѣ того слишкомъ спеціальное изученіе предмета узко спеціализируетъ умъ, если при этомъ не заботятся объ общемъ развитіи слушателей и не выясняютъ имъ связь каждой отдѣльной науки съ другими областями человѣческихъ знаній.

„Недостаточно только воспитывать умъ, надо также и развлекать его“, говорятъ англичане,—„ибо сильное напряженіе ума безъ отдыха неблагопріятно дѣйствуетъ на его развитіе“. Вотъ почему, стремясь придать обученію солидность и глубину, здѣсь вмѣстѣ съ тѣмъ стараются придать ему извѣстную привлекательность. Изученіе совместно съ друзьями, представляетъ удовольствіе и интересъ, какими не обладаетъ одиночное изученіе предмета, поэтому то дѣятели Тойнби-Холла постоянно стремились всевоз-

можными способами, на лекціяхъ, въ лабораторіяхъ, въ салонѣ и на полѣ физическихъ упражненій, объединить студентовъ и внушать имъ идею необходимости одновременно съ ученіемъ заводить тѣсную дружбу съ товарищами. Лучшимъ средствомъ для этого оказалась система репетицій, организованная при курсахъ. Оксфордъ и Кембриджъ постоянно и непрерывно высылаютъ профессоровъ, лекторовъ и репетиторовъ, которые сотрудничаютъ ради любви къ наукѣ и интереса къ дѣлу. Поэтому возможно было организовать дополнительные классы, имѣющіе цѣлью дать студентамъ возможность ознакомиться съ фактами и источниками. Если предметъ курса — исторія, то репетиторъ знакомитъ слушателей съ такими источниками, какъ древнія хартіи, тексты законовъ и договоровъ, читаетъ имъ письма и мемуары современниковъ, даетъ свѣдѣнія о состояніи въ изучаемый періодъ коммерціи, промышленности и искусства, и указываетъ имъ на авторовъ, съ которыми нужно ознакомиться. Если предметъ курса — литература, репетиторъ читаетъ и объясняетъ нужныхъ авторовъ. Если предметъ — естественныя науки, то репетиція происходитъ въ лабораторіяхъ, гдѣ производятся нужные опыты.

Кромѣ репетицій устраиваются также и частные курсы. Если нѣкоторые слушатели

выразить желаніе изучить интересующій ихъ предметъ, ихъ желаніе исполняется. Если кто нибудь изъ профессоровъ имѣетъ желаніе преподавать какой нибудь предметъ, онъ собираетъ учениковъ и образуетъ классъ. Какъ бы то ни было образуется группа студентовъ и между учителями и учениками и между самими учениками устанавливаются дружескія отношенія и весьма вѣроятно, что эти дополнительные классы и репетиціи были однимъ изъ главныхъ средствъ моральнаго вліянія на членовъ Тойнби-Холлѣ. За послѣдній годъ въ этихъ классахъ было записано 342 слушателя и они посѣщались въ среднемъ 299 человекъ въ недѣлю—цифра, показывающая аккуратность, съ которой они посѣщались.

Каждый слушатель курсовъ или конференцій обязанъ платить одинъ шиллингъ за триместръ, но можетъ платить и больше до 5 шилинговъ.

Курсы, о которыхъ я говорилъ, устроены для взрослыхъ (не моложе 16 ти), которые были въ первоначальной школѣ и могутъ дѣлать замѣтки и записывать лекціи. Къ сожалѣнію имѣется еще значительный контингентъ неграмотныхъ рабочихъ. Въ Тойнби Холлѣ есть и для нихъ классъ, въ которомъ обучаютъ чтенію, письму, счету и даютъ элементарныя познанія въ исторіи и другихъ

наукахъ. Этотъ классъ посѣщаютъ около 50 учениковъ. Имѣются также классы домашняго хозяйства, предназначенные для молодыхъ дѣвушекъ, окончившихъ школу, но еще не устроившихся. Классы эти бываютъ въ послѣбобѣденное время. Шитье, кройка, домашнее хозяйство и кухня — являются главными предметами преподаванія въ нихъ; но въ нихъ также преподаются и начатки музыки. Эти классы организовались недавно, а потому имѣютъ еще немного ученицъ, но популярность ихъ растетъ съ каждымъ днемъ. Клубы и общества, связанные съ Тойнби-Холломъ, получили свое начало въ классахъ репетицій и практическихъ работъ. Классъ рисованія собирается въ воскресенье для посѣщенія музеевъ или соборовъ. Классъ естественныхъ наукъ отправляется на ботаническую экскурсію. Экскурсіи оказываются удачными, и каждый выражаетъ желаніе экскурсировать еще и еще... къ нимъ присоединяются другіе и такимъ образомъ постепенно организуется клубъ „Клубъ путешественниковъ“, считающихъ своихъ членовъ сотнями, организуетъ каждый годъ на пасху очень интересное путешествіе по дешевой цѣнѣ. Члены этого клуба послѣдовательно посѣтили уже: Грецію, Италію, Швейцарію, Францію и Голландію. Удовольствіе этихъ путешествій, конечно, не было испорчено

тѣмъ обстоятельствомъ, что ресурсы общаго капитала были не велики; такъ напр. круговая поѣздка 40 человѣкъ въ Миланъ, Падую, Верону, Венецію и Мюнхенъ обошлась лишь по 10 гиней на человѣка. Расходы на пароходы и желѣзную дорогу равнялись приблизительно $6\frac{1}{2}$ фунт. стерлинговъ на человѣка. Заранѣе заключены были условія съ хорошими отелями и все прошло превосходно. Для многихъ это путешествіе было открытіемъ новаго міра, источникомъ новыхъ знаній и зачаткомъ тѣсной дружбы.

Во время выставки картинъ въ Тойнби-Холлѣ часто можно слышать, какъ рабочіе сожальютъ о томъ, что не могутъ посѣтить иностранныя земли, изображенныя на картинахъ. Между тѣмъ, молодой рабочій, не обремененный семьей можетъ свободно скопить нужное для путешествія количество денегъ. Вотъ при какихъ обстоятельствахъ первоначально образовался „клубъ путешественниковъ“: нѣсколько студентовъ, прослушавъ конференцію о Мадзини, выразили желаніе поѣхать въ Геную, и какъ только была выяснена стоимость путешествія, немедленно же многіе студенты рѣшили принять въ немъ участіе. Всего собралось 81 человѣкъ и по возвращеніи они положили начало „Клубу путешественниковъ“ (1888 г.). „Общество естествоиспытателей“ и „Археологическое об-

щество“ организуютъ подобныя же экскурсіи, но число лицъ, принимающихъ въ нихъ участіе, — гораздо меньше.

Эти общества собираются также для чтеній, научныхъ рефератовъ и для дебатовъ. Литературныхъ клубовъ въ Тойнби-Холлѣ четыре. Клубы экономистовъ и философовъ собираются разъ въ мѣсяцъ, и на каждое изъ этихъ собраний пріѣзжаетъ кто либо изъ знаменитыхъ ученыхъ Оксфорда или Кембриджа прочесть свой рефератъ по политической экономіи или философіи. Отдѣленіе „Госпитальнаго Общества Св. Іоанна“, состоящее при Тойнби-Холлѣ, преслѣдуетъ цѣли болѣе практическія, — оно устраиваетъ еженедѣльные санитарныя курсы для мужчинъ и женщинъ и организовало службу санитаровъ и сидѣлокъ. Двѣ самыя большія ассоціаціи, изъ принадлежащихъ къ Тойнби-Холлу, — это — „Союзъ студентовъ“, насчитывающій до 500 человѣкъ, и „Общество старыхъ студентовъ“. Эти двѣ ассоціаціи носятъ чисто общественный характеръ. Онѣ объединяютъ студентовъ, устраивая въ зимнее время вечера, а лѣтомъ прогулки въ деревню, посѣщеніе музеевъ и Garden-parties въ помѣстьяхъ друзей учрежденія.

По всему сказанному читатели могутъ судить о той роли, которую играютъ всѣ эти общества и клубы въ дѣлѣ воспитанія, и

понятно, почему имъ придаютъ такую цѣну руководители дѣла. Нужно прибавить еще, что каждое общество живетъ самостоятельной жизнью, имѣетъ свое управленіе, свои финансы и преслѣдуетъ свои цѣли; но вмѣстѣ съ тѣмъ они имѣютъ тѣсную связь съ очагомъ своего образованія и по мѣрѣ выхода старыхъ членовъ вербуютъ новыхъ изъ среды молодыхъ людей и дѣвушекъ, посѣщающихъ курсы и конференціи. Около главнаго первоначальнаго дѣла пріютилось другое. Было желательно дать молодымъ людямъ, готовящимся къ либеральнымъ профессіямъ, ту же обстановку, какую имѣютъ студенты Оксфорда и Кембриджа. Для этого открыты, въ сосѣдствѣ Тойнби-Холлѣ, два небольшіе коттеджа, плата въ которыхъ доведена до минимума, и воспитанники ихъ получаютъ отъ членовъ Тойнби-Холлѣ и своихъ репетиторовъ нужныя указанія и разъясненія въ ихъ занятіяхъ; но для того, чтобы они не зарылись совершенно въ ихъ работы, они привлекаются къ активному участию въ занятіяхъ Тойнби-Холлѣ, особенно въ дѣлѣ спорта и игры. Наиболѣе предприимчивые и здоровые студенты устраиваютъ игры и разныя физическія упражненія на свѣжемъ воздухѣ для молодыхъ людей сосѣднихъ кварталовъ; другіе стараются доставить возможные развлеченія бѣднымъ дѣтямъ Уайтъ-Чапеля. Такимъ образомъ, дѣло

членовъ комитета обученія въ Тойнби-Холлѣ, является далеко не синекурой. Приходится не только организовывать курсы, но нужно еще убѣждать рабочихъ посѣщать ихъ. Только тѣ, которые посвятили свою жизнь этому дѣлу, знаютъ, чего стоило привлечь 2.500 учениковъ, внесенныхъ въ списки. Колонистамъ, какъ рабу въ Евангельской притчѣ, приходилось исполнять приказъ: „пойди по дорогамъ и изгородямъ и убѣди прійти, чтобы наполнился домъ мой“ (отъ Луки глава 14, ст. 23.).

Учредители Тойнби-Холлѣ надѣются въ скоромъ времени увидѣть среди 500000 населенія квартала не три, а 8 или 10 университетскихъ колоній. Главное препятствіе не въ недостаткѣ людей, а въ недостаткѣ средствъ. Въ настоящее время, напр. нужно 1000 ф. стерлинговъ на наемъ залы внѣ зданія Тойнби-Холлѣ, а также на инструменты, корреспонденцію и бюро. Нужно замѣтить при этомъ, что всѣ секретари и репетиторы работаютъ безъ всякаго вознагражденія. Всѣ эти издержки представляютъ минимумъ необходимыхъ расходовъ и все таки, несмотря на всю экономію, дѣло рѣдко обходится безъ дефицита; но дѣятелей этого предпріятія, несмотря на всѣ препятствія, поддерживаетъ сознаніе его полезности для сотенъ рабочихъ, которыхъ оно привлекаетъ къ наслажденіямъ,

даваемымъ наукой, и къ радостямъ дружбы, а для этого, — по ихъ мнѣнію, — стоитъ жертвовать и временемъ и деньгами.

Такова дѣятельность англійскихъ старыхъ университетовъ, — такова ихъ служба родинѣ, и великая польза, которую они приносятъ.

ГЛАВА VII.

Прочіе университеты Соединеннаго Королевства.

Намъ остается еще нѣсколько словъ сказать о Лондонскомъ и провинціальныхъ университетахъ Англіи, Шотландіи и Ирландіи. Кромѣ старыхъ университетовъ, въ Англіи существуетъ еще нѣсколько высшихъ учебныхъ заведеній, извѣстныхъ подъ общимъ родовымъ именемъ „университетскихъ колледжей“. Находясь по большей части въ центрѣ большихъ торговыхъ или промышленныхъ городовъ, эти колледжи имѣютъ больше общаго съ германскими университетами или съ французскими факультетами, чѣмъ съ Оксфордомъ и Кембрижемъ. Всѣ они порождены тѣмъ сложнымъ движеніемъ, за которымъ установилось названіе „распространенія университетскаго образованія“. Первымъ изъ нихъ по времени является въ Манчестерѣ колледжъ, основанный Оуэнсомъ, въ 1860 году получившій хартію и сдѣлавшійся мѣстопробываніемъ новаго университета Викторіи, имѣющаго право назначать ученыя степени по факультетамъ искусствъ, естественныхъ наукъ, юридическому, медицины и хирургіи. Къ этому университету въ 1884 году присоединенъ Ливерпульскій университетскій колледжъ, а въ 1887 году —

Лидскій Іоркширскій Колледжъ.—Безъ вѣдома государства, благодаря лекторамъ старыхъ университетовъ, основались кромѣ того Бристольскій колледжъ въ 1876 году, колледжъ Мэзона въ Бирмингамѣ въ 1880, Ноттингемскій въ 1881, Дургамскій въ Нью-Кестлѣ-на Тайнѣ въ 1871 и колледжъ Фирта въ Шеффильдѣ въ 1879 году.

Къ колледжамъ этимъ въ 1889 году пришло на помощь государство, которое и выдаетъ имъ всѣмъ субсидію въ размѣрѣ 142 т. рублей ежегодно, причемъ сумма эта распределяется между всеми колледжами пропорціонально количеству мѣстныхъ взносовъ и платы, которую студенты вносятъ за право слушанія лекцій. Колледжи эти принимаютъ неподготовленныхъ юношей съ 15-лѣтняго возраста и потому вынуждены дѣлать то, чего не додѣлала школа, или передѣлывать то, что ею было дурно сдѣлано. Благодаря этому, хотя провинціальныя колледжи и тянутся за университетами, а въ обществѣ таковыми и именуются даже,—уровень образованія, которое они даютъ, ниже университетскаго;—тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что они приносятъ ощутительную пользу. Медицинскій факультетъ университета Викторіи, напримѣръ, славится и подаркомъ,—онъ насчитываетъ свыше 500 студентовъ. Механическія мастерскія ливер-

пульскаго и манчестерскаго колледжей обставлены превосходно. Химическая лабораторія Колледжа Оуэнса, созданная Серомъ Генри Роско, гдѣ онъ училъ много лѣтъ, — лучшая школа химіи, которую когда либо имѣла Англія, но..... мы напрасно стали бы искать въ колледжахъ этихъ научнаго образованія.

Это высшія техническія училища — и только; большинство ихъ студентовъ — подмастерья, которые поступаютъ въ колледжъ, чтобы пріобрѣсти спеціальную научную подготовку въ своемъ мастерствѣ; тѣ-же изъ нихъ, которые слѣдятъ за всѣмъ курсомъ, — готовятся на ученую степень, чтобы получить дипломъ и затѣмъ заниматься учительствомъ.

Совершенно въ другомъ родѣ представляется Лондонскій университетъ. Въ началѣ настоящаго вѣка походъ Бруггама за свободу совѣсти и просвѣщеніе народа, помимо другихъ послѣдствій, привелъ къ основанію въ Лондонѣ высшаго учебнаго заведенія, къ открытію университетскаго колледжа въ нарочно устроенномъ для него зданіи, на деньги, собранныя частной подпиской. Это было въ 1828 году. Чтобы обезпечить учрежденію, состоявшему изъ факультетовъ искусствъ, юридическаго и медицинскаго, религіозную нейтральность, теологическое образованіе было исключено во всѣхъ его видахъ, и въ противо-

положность Оксфорду и Кембриджу, Лондонскій университетскій колледжъ принималъ всѣхъ безъ различія вѣроисповѣданія. Господствующая церковь, усмотрѣвъ въ этомъ опасность, послѣшила основать въ Лондонѣ же колледжъ такого-же типа, — колледжъ короля, — придавъ ему характеръ конфесіональный.

Когда въ 1835 году университетскій колледжъ обратился къ правительству съ ходатайствомъ о выдачѣ ему королевской хартіи на право назначенія университетскихъ степеней, лордъ Мельбурнъ отвѣтилъ, что находить это неудобнымъ, такъ какъ нужно принимать во вниманіе и права колледжа короля. Вопросъ былъ рѣшенъ компромиссомъ, — за обоими Лондонскими колледжами оставили право преподавать, но учредили новую корпорацию — постоянную комиссію изъ 36 чело­вѣкъ, на которую и возложили обязанность экзаменовать всѣхъ студентовъ, окончившихъ курсъ въ двухъ Лондонскихъ, или въ другихъ, причисленныхъ къ комиссіи колледжахъ, и назначать ученые степени. Эта экза­націонная комиссія получила названіе Лондонскаго университета и давно оправдала свой титулъ важными услугами, оказанными странѣ, но права преподавать — университетъ и до сихъ поръ не получилъ. Частнымъ совѣтомъ королевы хартія на право препо-

дованія дана была еще въ 1893 году, но Парламентъ каждую сессію откладывалъ разсмотрѣніе этаго вопроса. Университетъ, однако, мало смущается этимъ. Помимо правильныхъ курсовъ при колледжѣ, университетъ будучи офиціально лишь экзаменаціоннымъ, учредилъ частные курсы правильно организованные по всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія (кромѣ медицины) и на самомъ дѣлѣ является образцовымъ современнымъ университетомъ, открытымъ для всѣхъ.

Онъ сильно способствовалъ расширенію программъ и поднятію уровня преподаванія во многихъ среднихъ и высшихъ школахъ, заслужилъ почетную извѣстность и, благодаря разумной строгости его экзаменовъ, дипломы его цѣнятся очень высоко. Словомъ, какъ экзаменующая корпорація и не офиціально преподающее учрежденіе, Лондонскій университетъ приобрѣлъ „авторитетъ умственного трибунала“ и по своему вліянію на просвѣщеніе страны сдѣлался „національной силой“. Нѣтъ сомнѣнія, что университету не долго остается ждать и Парламентской санкціи его права на преподаваніе, чего требуетъ давно общественное мнѣніе страны, и тогда къ университету, въ видѣ факультетовъ, присоединятся Королевскія академіи искусствъ и музыки и Лондонская медицинская школа.

Общій уровень образованія въ Шотландіи, по мнѣнію Джона Стюарта Милля, высказанному 40 лѣтъ назадъ, стоитъ гораздо выше такового же въ Англіи, — образованіе это дается массою приходскихъ школъ и четырьмя университетами, изъ коихъ Эдинбургской, основанъ былъ въ 1582 году, а старѣйшій Сентъ-Андрью въ 1411 году. Въ XIV столѣтіи Шотландская молодежь, по причинамъ политическимъ и вслѣдствіе симпатій къ Франціи и враждебности къ Англіи, получала высшее образованіе въ университетахъ Франціи и потому неудивительно, что нынѣшніе древнѣйшіе Шотландскіе университеты организаціей своей и нравами похожи скорѣе на французскіе, чѣмъ на англійскіе, во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ спорта, который здѣсь развитъ не менѣе, если не болѣе чѣмъ въ Англіи. Университеты Сентъ-Андрью, Глазговскій, Эбердинскій и Эдинбургскій, послѣдній въ особенности своимъ медицинскимъ факультетомъ, давно завоевали себѣ почетное мѣсто среди университетовъ Европы, хотя послѣдній и моложе трехъ первыхъ. — Первые основаны были въ эпоху возрожденія и получили свои права и привилегіи изъ рукъ католической церкви, Эдинбургскій-же является дѣтищемъ реформаци протестантской. что, конечно, не осталось безъ вліянія на духъ и тенденціи этихъ высшихъ учебныхъ заведеній; но всѣ четыре

до сихъ поръ сохранили наиболѣе существенное—свою автономію. Они существуютъ на свои собственные средства и съ государствомъ имѣютъ весьма слабую связь, за то тѣсно связаны между собою по два, ради избранія по одному своему члену въ Великобританскій Парламентъ. Тѣмъ не менѣе, они получаютъ отъ государства около 700,000 рублей субсидіи ежегодно. Организациія и управленіе Шотландскихъ университетовъ очень сложны, но отвѣчаютъ мѣстнымъ условіямъ,—въ самыхъ существенныхъ органахъ администраціи, на примѣръ, засѣдаютъ кромѣ членовъ отъ профессоровъ и Короны, таковыя-же отъ города и даже самихъ студентовъ. Всѣ эти университеты, между прочимъ, съ 1889 года широко открыли свои двери женщинамъ и не стѣсняются, какъ старѣйшіе англійскіе, выдавать имъ дипломы.

Въ общежитіи Шотландскіе университеты именуются „бѣдными“, ибо они даютъ образованіе бѣднѣйшей молодежи, вообще бѣдной Шотландіи, но ихъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ называть богатыми, благодаря тому количеству стипендій, которыя имѣются при каждомъ изъ нихъ. Одинъ Эдинбургскій, на примѣръ, имѣетъ такихъ стипендій 125, Глазговскій 127 и т. д., при общемъ количествѣ студентовъ въ 2100 человѣкъ, такъ что стипендій въ Шотландскихъ университетахъ хватаетъ на 25⁰/₀ учащихся.

Во время общей университетской реформы, при составлении программъ своихъ, Шотландскіе университеты вдохновлялись извѣстной мыслью Джона Стюарта Милля, что „университеты должны давать странѣ не искусственныхъ адвокатовъ, медиковъ и инженеровъ, а культурныхъ и способныхъ людей, ибо прежде чѣмъ быть докторомъ, или инженеромъ, надо быть человѣкомъ“, — тѣмъ не менѣе университеты эти дали не Шотландіи, а всему образованному міру такихъ ученыхъ, какъ Рамзай, открывшій аргонъ въ 1895 г., Робертсонъ Смитъ, Макъ-Кендрикъ, Макъ-Эвенъ, Вильямъ-Томсонъ и др.

Схожіе между собою формою правленія и программами, Шотландскіе университеты отличаются отъ англійскихъ главнымъ образомъ болѣе демократической организаціей, облегченіями для бѣдныхъ студентовъ и оставленныхъ при университетахъ къ продолженію ими научныхъ занятій, болѣе доступными курсами и дипломами для женщинъ и, наконецъ, — болѣе эластичностью относительно экзаменаціонныхъ программъ.

Насколько богаты университеты Оксфордскій и Кембриджскій, настолько бѣденъ университетъ Дублинскій, извѣстный въ Англіи чаще подъ именемъ Ирландскаго Тринити-Колледжа. Между ними по истинѣ лежитъ социальная пропасть. Достаточно заглянуть

въ самый колледжъ, гдѣ въ небольшихъ и мрачныхъ комнаткахъ тѣснятся по два и по три студента, достаточно посмотрѣть на лекціяхъ студентовъ не — коллегіальныхъ, чтобы узнать, что вы находитесь среди обнищавшихъ Ирландцевъ, среди сыновъ острова Эрина, которыхъ Англія продолжаетъ держать въ черномъ тѣлѣ.

Здѣсь все почти напоминаетъ Латинскій кварталъ, богему, пролетаріатъ интеллигентный.

Въ Дублинѣ имѣется и второй университетъ, какъ и Лондонскій, официально имѣющій право лишь экзаменовать, и колледжъ, находящійся въ рукахъ іезуитовъ и приготовляющій къ экзаменамъ. — Ирландія, на три четверти католическая, давно добивается своего католическаго университета и въ 1897 году Британскій парламентъ обѣщалъ это униженной и оскорбленной странѣ.

И тотъ и другой университеты оказываютъ крупныя услуги странѣ, хотя ихъ ни въ чемъ нельзя сравнить съ столичными англійскими университетами, — тамъ дается воспитаніе, здѣсь — образованіе, — тамъ преслѣдуютъ цѣль социальную, — здѣсь интеллектуальную.

Что еще прибавить къ этой общей картинѣ университетовъ Соединеннаго Королевства, въ которой мы дали первое мѣсто старымъ англійскимъ университетамъ, ихъ жизни и

дѣятельности? — Думаемъ, что сказаннаго вполне достаточно для уясненія того факта, что университеты Англіи оказываютъ націи неоцѣненныя услуги; но лучше закончимъ словами нашего современника Prat'a, іезуита, котораго нельзя заподозрить въ пристрастіи къ еретическому для него Оксфорду, напри-
мѣръ: — „Система хороша; чтобы быть справедливыми, — скажемъ даже: превосходна. Оксфордъ, все еще вѣрный преданіямъ прошлаго, даетъ всѣ гарантіи укрѣпляющаго душу и тѣло здороваго, нравственнаго воспитанія, какового мы вправѣ ожидать отъ гуманитарнаго учрежденія.

Адамъ Смитъ

(Студентъ и профессоръ Глазговскаго университета).

Адамъ Смитъ, великій философъ и экономистъ, мысль котораго вызвала громадное движеніе и борьбу не окончившуюся еще и теперь, родился въ 1723 году въ небольшомъ Шотландскомъ городѣ Корккольди. Городъ этотъ расположенъ у морского залива и во времена Смита отличался уже нѣкоторымъ развитіемъ промышленности и торговли. Пожалуй, это была самая подходящая колыбель для великаго экономиста, такъ какъ въ большомъ, шумномъ городѣ всѣ явленія экономической жизни слишкомъ перепутаны и замаскированы другими интересами, чтобы ихъ можно было непосредственно наблюдать. Отецъ его умеръ за три мѣсяца до появленія на свѣтъ сына. Онъ занималъ разныя должности по службѣ и въ послѣднее время былъ таможеннымъ контролеромъ. Мать Адама отличалась по видимому незаурядными способностями и энергіей. Она питала чрезмѣрную любовь къ сыну, послѣдствіемъ которой нерѣдко бываетъ нравственное уродство дѣтей. Если это такъ, то ровный и спокойный характеръ Смита выработался не благодаря, а вопреки вліянію его матери. Какъ бы тамъ ни было,

но глубокая, взаимная привязанность между сыномъ и матерью продолжалась до самой смерти послѣдней; а онъ пережилъ мать всего лишь на 9 лѣтъ. И это была не платоническая привязанность, поддерживаемая часто отдаленностью разстояній и тому подобными условіями. Они жили постоянно вмѣстѣ, и Смитъ остававшійся все время холостымъ, считалъ домъ своей матери своимъ собственнымъ домомъ. Какъ протекло его дѣтство, мы не знаемъ. Объ обыденномъ біографы обыкновенно не любятъ рассказывать; что же касается необыденнаго, то они рассказываютъ объ одномъ только эпизодѣ, а именно: какъ странствующіе мельники украли трехлѣтняго мальчика и какъ догадливый дѣдъ быстро смекнулъ, куда дѣвался ребенокъ, послалъ по свѣжимъ слѣдамъ погоню и ребенокъ былъ благополучно возвращенъ домой. Первоначальное образованіе Адамъ получилъ въ Корк-кольдской школѣ, пользовавшейся въ тѣ времена прекрасной репутаціей. Уже тамъ обнаружались у него наклонность къ чтенію и необыкновенная память; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отличался разсѣянностью, которая ничего не видитъ и ничего не слышитъ, что происходило вѣроятно отъ увлеченія своими собственными мыслями. Временно онъ просто забывался и разговаривалъ самъ съ собою; привычка эта сохранилась у него во всю жизнь

и немало удивляла въ послѣдствіе собесѣдниковъ. Слабый физически и кроткій, онъ держался въ сторонѣ отъ шумныхъ игръ своихъ сверстниковъ, тѣмъ не менѣе товарищи его любили.

Четырнадцать лѣтъ Смитъ поступилъ въ Глазговскій университетъ, гдѣ ревностно принялся за изученіе математики и натуральной философіи. Способности его были замѣчены профессорами, и онъ получилъ стипендію, учрежденную однимъ глазговскимъ купцомъ при Бальольской коллегіи Оксфордскаго университета. Обычное образованіе небогатыхъ шотландскихъ юношей ограничивалось Единбургскимъ или Глазговскимъ университетомъ. Не многимъ изъ нихъ удавалось попасть въ Оксфордъ. Смитъ былъ однимъ изъ этихъ немногихъ счастливцевъ. Что же онъ вынесъ изъ Оксфорда? Что представлялъ тогда этотъ знаменитый центръ просвѣщенія въ Англіи? Въ былыя времена подъ сѣнью его росли и вѣрили такіе умы, какъ Виклифъ, Эразмъ, Томасъ Моръ. Но въ бурную эпоху гражданскаго междоусобія и наступившей затѣмъ реставраціи онъ потерялъ свое свободолобіе. Презрѣнный ханжа и святоша Лоодъ завелъ тамъ новые порядки. Оксфордъ сдѣлался очагомъ якобитскаго движенія. Поощряемые наставниками, юноши устраивали уличныя демонстраціи въ пользу короля Якова. Когда

Смитъ оставлялъ университетъ, въ Оксфордѣ вспыхнулъ бунтъ и участниками его оказались между прочимъ члены Бальольской коллегіи. Рука объ руку съ этими регрессивными стремленіями росли общее отупѣніе и невѣжество въ университетской средѣ. Профессорскія мѣста были своего рода синекурой. Профессора нисколько не заботились объ исполненіи своихъ обязанностей. Что это были за профессора и что это были за лекціи, можно судить по критикѣ университетскаго образованія въ „Ислѣдованіяхъ о богатствѣ народовъ“ „Для человѣка, одареннаго здравымъ умомъ, — говоритъ Смитъ, — должно быть дѣломъ тягостнымъ — сознавать, что лекціи, которыя онъ читаетъ студентамъ, суть чистый вздоръ или нѣчто, весьма близко къ нему подходящее. Должно быть также крайне непріятно видѣть, что большая часть слушателей не посѣщаетъ лекцій или слушаетъ ихъ съ несомнѣннымъ выраженіемъ неодобренія, насмѣшки или пренебреженія“. Чтобы выйти изъ такого затрудненія, профессоръ имѣетъ подъ руками нѣсколько средствъ. „Вмѣсто того, чтобы самому объяснять преподаваемую своимъ слушателямъ науку, онъ можетъ читать ее по книгѣ, а если эта книга написана на мертвомъ или иностранномъ языкѣ, то переводить и толковать ее или, для чего потребуется еще

меньше труда, заставлять самих слушателей переводить ее, и, дѣлая на нее время отъ времени нѣкоторыя замѣчанія, онъ можетъ вообразить, что читаетъ имъ настоящія лекціи. При самыхъ ничтожныхъ познаніяхъ и при самомъ незначительномъ трудѣ онъ можетъ исполнять свою задачу, не вызывая насмѣшекъ слушателей и не прибѣгая къ необходимости говорить передъ ними вздоръ и нелѣпости. Въ то же самое время строгость, заведенная въ училищѣ, даетъ ему средство принудить слушателей посѣщать самымъ аккуратнымъ образомъ эти, такъ называемыя, лекціи, а въ продолженіи чтенія ихъ держать себя самымъ приличнымъ и почти-тельнымъ образомъ“. Таково было преподаваніе въ знаменитомъ Оксфордскомъ университетѣ во времена Смита. По стопамъ учителей, какъ это обыкновенно бываетъ, шли ученики. Студенчество отличалось не только невѣжествомъ, но грубостью и развращенностью. Да оно и понятно: для всѣхъ, какъ учащихся, такъ и учащихся, отказывающихся отъ принциповъ человѣческой свободы, остается открытой одна только дорога, приводящая рано или поздно къ животному состоянію. Какъ Смитъ уберечь свою душу и свой умъ отъ растлѣвающего вліянія такого преподаванія и такихъ университетскихъ распорядковъ, мы не знаемъ. Но онъ оставилъ

Оксфордскій университетъ послѣ семилѣтняго пребыванія въ немъ съ довольно яснымъ, по-видимому уже установившимся міросозерца-ніемъ. Въ противность стараніямъ своей *alma-mater* онъ вышелъ изъ нея врагомъ всякихъ суевѣрій и убѣжденнымъ сторонникомъ свободныхъ изслѣдованій и свободной дѣятельности. Его отправляли въ Балльольскую коллегію, надѣясь сдѣлать изъ него добраго служителя англиканской церкви. Но, увы, ханжество Оксфордскихъ наставниковъ оттолкнуло юношу отъ такой карьеры, а чтеніе вышедшаго не задолго передъ тѣмъ „Трактата“ Юма о человѣческой природѣ открыло передъ нимъ иныя, болѣе широкія перспективы. Онъ занялся изученіемъ дѣвней и новой литературы и съ окончаніемъ курса рѣшился попытать свое счастье на литературномъ и ученомъ поприщѣ. Замѣтимъ здѣсь, что вѣрный себѣ Оксфордскій университетъ не удостоилъ своего славнаго питомца ученой степенью.

По окончаніи курса Адамъ Смитъ возвратился къ своей матери въ Корккольди и прожилъ съ нею около двухъ лѣтъ. Въ 1748 году онъ отправился въ Единбургъ и здѣсь, пользуясь покровительствомъ одного знатнаго лорда, открылъ публичныя лекціи по риторикѣ и литературѣ. Въ тѣ времена писательство, какъ профессія, было дѣломъ чрезвычайно труднымъ и рѣдкимъ даже въ Англіи.

Легче было устроить при содѣйствіи людей, имѣющихъ вѣсь въ обществѣ, публичныя чтенія, чѣмъ найти издателя. Лекціи Смита имѣли успѣхъ. Онъ завязалъ полезныя знакомства и близко сошелся, что имѣло для него чрезвычайно важныя послѣдствія, съ Юмомъ. Это знакомство превратилось съ теченіемъ времени въ тѣсную дружбу, — дружбу, имѣющую общественное значеніе, т. к. она была союзомъ двухъ могущественныхъ умовъ Англіи XVIII вѣка.

Въ 1751 году Смитъ былъ приглашенъ Глазговскимъ университетомъ на кафедру логики, а четыре года спустя онъ занялъ тамъ же кафедру нравственной философіи, которую удерживалъ за собой втеченіи 13 лѣтъ. Молодой профессоръ внесъ большое оживленіе въ преподаваніе своего предмета. Нужно замѣтить, что уже Хетчесонъ, знаменитый предшественникъ Смита по кафедрѣ нравственной философіи въ Глазговскомъ университетѣ и его учитель, отрѣшился отъ узкихъ средневѣковыхъ взглядовъ на нравственность. Въ противность прежнему ученію, будто бы разумъ слабъ и безсиленъ разрѣшить нравственные вопросы, Хетчесонъ доказывалъ, что разумъ въ состояніи совладать съ такой задачей, лишь бы только ему была предоставлена свобода, и переносилъ нравственные вопросы на психологическую почву. Но онъ

все таки исходилъ изъ метафизическихъ принциповъ и его ученіе отличалось абстрактностью, тогда какъ Смитъ сразу же придалъ своимъ лекціямъ въ высшей степени конкретный характеръ. Курсъ его распадался на четыре отдѣла: первый составляла естественная теологія, второй—этика, третій—общіе принципы юриспруденціи и четвертый—сущность политическихъ учрежденій. Лекціи по этикѣ были переработаны въ сочиненіе „Теорія нравственныхъ чувствъ“, а изъ чтеній о политическихъ учрежденіяхъ выросло много лѣтъ спустя, когда Смитъ не былъ уже профессоромъ, его капитальное и общеизвѣстное произведеніе: „Исслѣдованія о богатствѣ народовъ“. Какъ о лекторѣ, о немъ одинъ изъ современниковъ даетъ довольно восторженный отзывъ. Читая лекціи, говоритъ онъ, Смитъ почти всецѣло полагался на свою способность къ импровизированной рѣчи. Его манера говорить не отличалась особенной изящностью, но онъ всегда говорилъ ясно и непринужденно и всегда повидимому относился съ интересомъ къ своему предмету, почему вызывалъ интересъ и у слушателей. Каждая лекція состояла обыкновенно изъ нѣсколькихъ опредѣленно поставленнымъ положеній, которыя онъ старался доказать и пояснить примѣрами. Нерѣдко эти положенія, высказанныя въ общихъ терми-

нахъ, производили сначала впечатлѣніе парадоксовъ, и самъ профессоръ обнаруживалъ какъ бы нѣкоторое смущеніе; казалось, будто бы онъ не вполне владѣеть предметомъ. Но по мѣрѣ того, какъ онъ подвигался впередъ, онъ воодушевлялся, и его рѣчь текла свободно. Благодаря многочисленности и разнообразію приводимыхъ имъ примѣровъ, обсуждаемый вопросъ разрастался все больше и больше и принималъ наконецъ такіе размеры, что овладѣвалъ вниманіемъ всей аудиторіи и профессору не зачѣмъ было прибѣгать къ утомительнымъ повтореніямъ однихъ и тѣхъ же положеній. Для аудиторіи было и пріятно, и полезно слѣдить за всевозможными видоизмѣненіями основного вопроса и за тѣмъ возвращаться обратно назадъ къ исходному пункту. Репутація Смита, какъ профессора, стояла поэтому весьма высоко, и онъ привлекалъ массу слушателей изъ отдаленнѣйшихъ мѣстностей. Преподаваемые имъ предметы стали модными въ Глазговѣ и его мнѣнія составляли главный предметъ разговоровъ въ клубахъ и литературныхъ кружкахъ. И даже мелочныя особенности его произношенія и манера говорить дѣлались нерѣдко предметомъ подражанія. Изъ другого же отзыва мы узнаемъ между прочимъ, что голосъ у Смита былъ неровный и произношеніе неясное, доходившее иногда до бор-

мотанія, что вообще онъ не отличался разговорными талантами и какъ собесѣдникъ былъ много ниже Юма. Какъ бы тамъ ни было, Смитъ въ качествѣ профессора пользовался несомнѣнно значительной репутаціей.

Читая лекціи въ Глазговѣ, Смитъ поддерживалъ самыя тѣсныя сношенія съ Единбургомъ, гдѣ находился между прочимъ его другъ Юмъ. Онъ состоялъ членомъ одного извѣстнаго единбургскаго клуба, образованнаго съ цѣлями протеста и агитаціи противъ нежеланія правительства, опасавшагося якобитскаго заговора, ввести въ Шотландію народное ополченіе. Клубъ этотъ закрылся послѣ того, какъ правительство обложило высокой пошлиной любимый напитокъ членовъ его, кляретъ, а на мѣсто его было организовано новое общество подъ названіемъ „Избранные“. Въ немъ участвовали литературныя знаменитости тогдашняго Единбурга. Замѣчательно, что на второмъ уже собраніи былъ поставленъ на обсужденіе вопросъ о пользѣ запретительныхъ мѣръ относительно вывоза хлѣба и что дебаты по этому вопросу были открыты Смитомъ. Уже тогда (1754 г.), очевидно, какъ Смита, такъ и Юма интересовала меркантильная система, и они изучали ее не только въ тиши своихъ кабинетовъ, но и въ сутелокъ самой жизни. Въ дѣтствѣ, какъ мы замѣтили, Смитъ от-

личался внѣшней разсѣянностью и забывчивостью; съ возрастомъ недостатки эти усиливались. Вотъ нашъ профессоръ среди большого общества, но онъ никого на замѣчаетъ и сидитъ въ одиночествѣ. Губы его шевелятся, онъ улыбается и наконецъ начинаетъ разговаривать самъ съ собою. Вы подходите къ нему, обращаете его вниманіе на предметъ общаго разговора. Профессоръ какъ бы пробуждается отъ своего забытья и начинаетъ тотчасъ-же говорить: говорить онъ много. говорить до тѣхъ поръ, пока не выложить передъ вами всею, что знаетъ по данному вопросу, и притомъ, съ замѣчательнымъ искусствомъ. Несмотря на то, что онъ почти совсѣмъ не зналъ людей, достаточно было самого ничтожнаго повода, чтобъ онъ началъ описывать и характеризовать ихъ. Если же вы обнаруживали сомнѣніе и прерывали его, онъ съ величайшей легкостью отказывался отъ своихъ словъ и начиналъ говорить прямо противоположное. Какъ велика была его забывчивость, показываетъ между прочимъ слѣдующій случай. Однажды онъ былъ приглашенъ на обѣдъ, устроенный въ честь извѣстнаго государственнаго дѣятеля проѣзжавшаго черезъ городъ. За обѣдомъ или послѣ обѣда Смитъ по обыкновению погрузился въ свою задумчивость и вдругъ началъ громко и несдержанно обсуж-

дать достоинства, а больше недостатки, находившейся тутъ же на лицо знаменитости. Ему напомнили обстоятельства, среди которыхъ онъ находится. Философъ сильно переконфузился, но тотъ часъ же, какъ бы впадая снова въ забывчивость, онъ пробормоталъ самому себѣ и окружавшимъ его: „Чортъ возьми, чортъ возьми, вѣдь все это вѣрно.“ Въ большомъ обществѣ, на службѣ, на улицѣ онъ всюду былъ одинаковъ. Заложивши руки за спину и закинувши голову, онъ прогуливался по улицамъ, погруженный въ свои размышленія; ничего нѣтъ страннаго, что эдинбургскія торговки могли принимать его за сумашедшаго. Подписывая какую-то дѣловую бумагу, онъ, вмѣсто того, чтобы расписаться, скопировалъ подпись лица, расписавшагося раньше его. Такихъ курьезовъ вѣроятно не мало было съ нимъ, такъ какъ голова его вѣчно была занята вопросами, не имѣвшими никакого непосредственнаго отношенія къ окружающей дѣйствительности.

Въ 1759 году Смитъ напечаталъ свою „Теорію нравственныхъ чувствъ“, и съ этого времени нравственные вопросы отступили для него на второй планъ, а экономическіе напротивъ все больше и больше занимали его.

Успѣхъ книги былъ чрезвычайный. Юмъ писалъ Смигу, что „Карлъ Тоусендъ, считающійся первымъ умницей въ Англіи, такъ

восхищенъ вашей книгой, что, по словамъ Освальда, желалъ бы поручить автору ея воспитаніе герцога Беклея и готовъ предложить ему такія условія, какія тотъ пожелаетъ“...

Сообщая о намѣреніи Тоунсенда, Юмъ не рассчитывалъ, чтобъ изъ этого могло выйти что-либо. Нужно было предложить особенно выгодныя условія, чтобъ прсфессоръ, и притомъ профессоръ, пользующійся прекрасной репутаціей, предпочелъ положеніе частнаго учителя. Поэтому Юмъ хотѣлъ устроить дѣло иначе; онъ хотѣлъ посовѣтывать отправить молодого герцога въ Глазговъ, но упустилъ случай сдѣлать это. Однако, года четыре спустя, Тоунсендъ дѣйствительно обратился къ Смигу и предложилъ настолько выгодныя условія, что профессоръ согласился оставить кафедру и отправиться съ молодымъ герцогомъ въ заграничное путешествіе. Глазговскій университетъ не представлялъ изъ себя укрѣпленной цитадели средневѣковыхъ воззрѣній, и поэтому онъ не только терпѣлъ такихъ профессоровъ, какъ Смитъ, но и сожалѣлъ объ уходѣ ихъ. Сдѣлавъ постановленіе объ открывшейся вакантной кафедрѣ, „университетъ, — такъ записано въ протоколахъ, — не могъ удержаться отъ выраженія искренняго сожалѣнія по поводу ухода доктора Смита, извѣстная честность котораго и прекрасныя душевныя качества завоевали

ему любовь и уваженіе со стороны его товарищей по профессіи, необычайный геній котораго, великія способности и громадная начитанность дѣлали такую честь всему университету. Его изящная и остроумная „Теорія нравственныхъ чувствъ“ доставила ему извѣстность и почетъ въ глазахъ писателей и понимающихъ людей повсюду въ Европѣ. Его счастливый талантъ пояснять отвлеченные вооросы конкретными примѣрами и никогда неизмѣнявшая ему настойчивость въ сообщеніи полезныхъ знаній отличали его какъ профессора и вмѣстѣ съ тѣмъ доставляли великое наслажденіе и громадную пользу въ образовательномъ отношеніи его молодымъ слушателямъ“. Подобную аттестацію профессора, не свободные отъ завистливыхъ чувствъ, какъ и всѣ простые смертные, не часто выдаютъ своему коллегѣ. Не забудьте, что это—не надгробная эпитафія, въ которой можно свободно расточать хвалу, такъ какъ никто не опасается соперничества со стороны мертвеца, а протоколъ по поводу ухода человека, полного еще жизненныхъ силъ и полного надеждъ на будущее. Честь и слава университетамъ, умѣющимъ цѣнить своихъ выдающихся людей; ихъ вѣдь не много бываетъ среди профессоровъ....

Такъ закончилась профессорская карьера Смита.

Годы юности Уилльяма Питта

(по Макколею.)

1759—1806.

Уилльямъ Питтъ, Лордъ Чатамъ, великій коммонеръ, находился на склонѣ своей популярности и жестоко страдалъ отъ болѣзни, поразившей его мозгъ и нервы, когда 28 мая 1759 года у него родился сынъ Уилльямъ Питтъ. Лордъ Чатамъ любилъ всѣхъ своихъ дѣтей и былъ любимъ ими, но между ними онъ особенно былъ привязанъ именно къ Уилльяму, своему второму сыну, и особенно гордился имъ.

Геній и честолюбіе этого ребенка обнаружили сами собою съ поразительною и почти неестественною быстротою. Когда ему было семь лѣтъ, интересъ, который онъ принималъ въ серьезныхъ предметахъ, былъ, съ которымъ онъ предавался ученію, глубокій смыслъ и живость его замѣчаній о книгахъ и происшествіяхъ удивляли его родителей и наставниковъ. Его учитель передалъ его матери одно изъ такихъ замѣчаній, сказанное имъ. Въ августъ 1766 года, когда всѣхъ волновало извѣстіе, что мистеръ Питтъ сдѣлался лордомъ Чатамомъ, маленькій Уилльямъ воскликнулъ: „Какъ я радъ, что я не стар-

шій сынъ! Я хочу говорить въ нижней Палатѣ, какъ папа говорилъ"! Сохранилось письмо леди Чатамъ, въ которомъ эта умная женщина замѣчаетъ мужу, что меньшей сынъ ихъ, въ двѣнадцать лѣтъ обогналъ своего старшаго брата, которому было пятнадцать. „Тонкость ума Уилльяма“, писала она: „даетъ ему возможность наслаждаться многимъ, что не по силамъ для любаго изъ его сверстниковъ“. Въ четырнадцать лѣтъ мальчикъ былъ уже взрослымъ человѣкомъ по уму. Извѣстный поэтъ Гэлэ, встрѣтившій Уилльяма Питта въ Лаймѣ лѣтомъ 1773 года, былъ удивленъ, слыша отъ мальчика такія умныя и острыя рѣчи, которые приводили въ восторгъ и даже нѣсколько смущали. Дѣйствительно, поэту было потомъ очень жаль, что излишняя скромность помѣшала ему представить на судъ этого необыкновеннаго мальчика планъ обширнаго литературнаго произведенія, которое онъ тогда обдумывалъ. Этотъ мальчикъ самъ написалъ трагедію, конечно, очень плохую, но которая была однако не хуже трагедій его друга. Это произведеніе до сихъ поръ сохраняется въ Чевенингѣ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ очень любопытно. Въ немъ нѣтъ любви. Вся завязка политическая и замѣчательно, что интересъ вертится на спорѣ о регенствѣ. Съ одной стороны мы находимъ здѣсь вѣрнаго

слугу престола, съ другой — честолюбиваго, безирравственнаго заговорщика. Наконецъ, король до тѣхъ поръ скрывавшійся, появляется, вступаетъ въ прежнюю власть и награждаетъ вѣрнаго защитника его правъ. Эта трагедія доказываетъ, до какой степени отзывчивъ былъ мальчикъ къ вопросамъ текущей политики, ибо именно въ эту эпоху, вслѣдствіе серьезной болѣзни Георга III, всѣ заняты были вопросомъ о регентствѣ, которое и состоялось, но тогда лишь, когда Питта не было въ живыхъ (онъ умеръ въ 1806 году).

Удовольствіе, съ которымъ родители Уилльяма слѣдили за быстрымъ развитіемъ его умственныхъ способностей было, однако, отравлено опасеніями относительно его здоровья. Онъ росъ съ ужасающей быстротою, часто былъ боленъ, всегда былъ слабъ и родители боялись, что имъ будетъ невозможно вырастить такого длиннаго, сухопараго и тщедушнаго мальчика. Доктора предписали ему пить портвейнъ и, говорятъ, когда ему было четырнадцать лѣтъ, онъ принималъ это пріятное лѣкарство въ такомъ количествѣ, котораго было бы болѣе чѣмъ довольно въ нашъ вѣкъ для любого взрослого человѣка. Эта діета пожалуй убила бы девяносто девять мальчочковъ изъ ста, но она совершенно соотвѣтствовала особенностямъ сложенія Уилльяма, потому что въ пятнадцать лѣтъ болѣзнь

перестала его мучить и хотя онъ никогда не былъ очень силенъ, однако, пользовался порядочнымъ здоровьемъ, не смотря на многія лѣта труда и заботъ, на ночи проводимыя въ парламентскихъ преніяхъ, на лѣтнее время проводимое въ Лондонѣ. Вѣроятно, его поддерживало то-же пріятное лекарство его юности, которому, по словамъ историковъ, онъ оставался вѣренъ всю свою жизнь. По слабости его тѣлосложенія Уилльямъ Питтъ не былъ воспитанъ, какъ другіе мальчики его званія. Почти всѣ знаменитые государственные люди и ораторы Англіи, съ которыми онъ впослѣдствіи боролся, или дѣйствовалъ за одно,—Нортъ, Фоксъ, Мельбурнъ, Уиндамъ, Грей, Уельслей, Гренвиль, Шериданъ, Каннингъ,—прошли черезъ дисциплину большихъ общественныхъ школъ. Отецъ его, лордъ Чатамъ, самъ былъ въ числѣ отличавшихся питомцевъ Итонской школы и рѣдко, рѣдко бываетъ, чтобы отличавшійся Итонецъ когда нибудь позабылъ, чѣмъ онъ обязанъ своей школѣ. Но болѣзненный Уилльямъ требовалъ нѣжнаго надзора, который можно было найти только дома: поэтому онъ и былъ воспитанъ подъ отеческою кровлею. Его ученіе шло подъ руководствомъ священника Уильсона, и это ученіе, хотя часто прерываемое его болѣзнью, шло съ необыкновеннымъ успѣхомъ. Прежде нежели маль-

чикъ достигъ пятнадцати лѣтъ, онъ имѣлъ уже такой запасъ свѣдѣній въ древнихъ языкахъ и математикѣ, какой немногіе выносятъ изъ университетскихъ колледжей. Въ Кембриджскій университетъ, въ Пэмброкъ-колледжъ, Уильямъ Питтъ вступилъ въ 1773 году. Для такого молодого студента былъ нуженъ болѣе попечительный надзоръ, чѣмъ тотъ, какимъ обыкновенно окружаютъ университетское юношество коллегіальные наставники. Наставникъ, которому было ввѣрено руководство Питта во время его студенческой жизни, былъ бакалавръ, по имени Претиманъ, вышедшій первымъ въ предшествовавшемъ году. Онъ не имѣлъ особенно привлекательной наружности и блистательныхъ манеръ, но былъ очень трудолюбивымъ, остроумнымъ, основательнымъ ученымъ и отличнымъ математикомъ. Въ Кембриджѣ, въ продолженіи слишкомъ двухъ лѣтъ Претиманъ былъ нераздѣльнымъ и почти единственнымъ товарищемъ своего воспитанника. Между ними возникла прочная и тѣсная дружба. Ученикъ имѣлъ возможность, прежде чѣмъ ему исполнилось двадцать восемь лѣтъ, сдѣлать своего наставника епископомъ Линкольнскимъ и деканомъ собора Св. Павла, а наставникъ, въ знакъ благодарности, написалъ жизнь своего ученика, самую плохую біографію въ мірѣ, по мнѣнію Макколея.

Питтъ до полученія ученой степени не былъ почти ни съ кѣмъ знакомъ, аккуратно посѣщалъ церковь утромъ и вечеромъ, каждый день обѣдалъ въ колледжѣ и... ни разу не былъ ни на одной вечеринкѣ, — явленіе крайне рѣдкое въ ту эпоху среди студентовъ. Семнадцати лѣтъ, согласно съ дурнымъ обычаемъ того времени, онъ получилъ безъ экзамена, по праву породы, степень магистра. Но онъ оставался еще нѣсколько лѣтъ въ колледжѣ и прилежно занимался науками подъ руководствомъ Претимана, посѣщая въ тоже время лучшее университетское общество.

Запасъ учености, собранный Питтомъ, въ продолженіе этой части его жизни, конечно, былъ чрезвычайно обширенъ. Сочиненіе въ которомъ онъ находилъ особое наслажденіе, было Principia Ньютона. Его любовь къ математикѣ дѣйствительно доходила до страсти, которую, по мнѣнію его наставниковъ, бывшихъ отличными математиками, надлежало скорѣе останавливать, нежели поощрять. Никто не могъ сравниться съ нимъ въ университетѣ въ остроуміи и быстротѣ, съ какою онъ рѣшалъ задачи; это говорилъ одинъ изъ способнѣйшихъ судей цѣнителей, которые въ тѣ времена предсѣдательствовали на студенческихъ диспутахъ и производили экзамены въ Совѣтѣ. Совершенство юноши въ классической учености было не менѣе замѣча-

тельно. Правда, онъ никогда не писалъ стиховъ латинскихъ и греческихъ, на что были мастера изъ общественныхъ школъ, но сомнительно, чтобы какой нибудь ученый въ двадцать лѣтъ имѣлъ болѣе глубокое и основательное знаніе этихъ двухъ языковъ древняго цивилизованнаго міра. Онъ проникалъ значеніе самыхъ запутанныхъ мѣстъ въ аттическихъ писателяхъ, съ легкостью поражавшей ветерановъ-критиковъ. Онъ положилъ себѣ какъ можно ближе ознакомиться съ оставшейся поэзіей Греціи, и не успокоился, пока не совладалъ съ „Кассандрою“ Ликофрона, самымъ темнымъ произведеніемъ во всей древней литературѣ. Эту странную рапсодію, отталкивающую своими трудностями многихъ отличныхъ ученыхъ, онъ читалъ, говоритъ его учитель, съ перваго раза съ легкостью, которую, не будь я самъ свидѣлемъ, я считалъ бы недоступною для чловѣческаго ума...

Питтъ сравнительно обращалъ мало вниманія на новую литературу. Кромѣ французскаго, онъ не зналъ ни одного живаго языка, а по французски зналъ очень не совершенно. Нѣкоторые изъ лучшихъ англійскихъ писателей, особенно Шекспиръ и Мильтонъ, ему были очень хорошо извѣстны. Пренія въ университетскомъ обществѣ дебатовъ Питтъ очень любилъ и его старые друзья послѣ его смерти

часто вспоминали, съ какимъ выраженіемъ и музыкальностью читалъ и говорилъ Питтъ. Дѣйствительно, съ самаго дѣтства онъ тщательно образовалъ свой голосъ, отъ природы чистый и глубокій. Его отецъ, котораго краснорѣчіе производило впечатлѣніе отчасти вслѣдствіе этого умѣнья владѣть голосомъ, былъ въ этомъ отношеніи для него самымъ искуснымъ и опытнымъ наставникомъ. Въ позднѣйшее время, остряки клуба Бруксъ, видя какъ могущественно увлекало сельскихъ джентельменовъ каждый вечеръ музыкальное чтеніе Питта, съ сердцемъ его упрекали, что этому выучилъ его отецъ, еще ставя его на табуретъ...

Дѣйствительно, его воспитаніе было ведено такъ, чтобы образовать изъ него великаго парламентскаго оратора. Въ Англіи часто приводятъ одно обстоятельство противъ изученія классиковъ, въ которомъ проходитъ значительная часть юности каждого англійскаго джентельмена, что оно препятствуетъ ему овладѣть въ совершенствѣ роднымъ языкомъ и что можно не рѣдко встрѣтить юношу съ отличными способностями, который пишетъ по латыни цицероновскою прозою и го-раціевымъ стихомъ и который не можетъ выразить свои мысли по англійски съ достаточной правильностью, ясностью и силою. Въ этомъ замѣчаніи, быть можетъ, и есть нѣ-

которая правда, но классическое образованіе Питта шло такъ, что оно обогащало его знаніе англійскаго языка и учило его составлять правильныя англійскія изрѣченія. Онъ обыкновенно просматривалъ страницу или двѣ какаго либо латинскаго или греческаго автора, совершенно усваивалъ себѣ смыслъ и потомъ прямо передавалъ цѣлое мѣсто на родномъ языкѣ. Такъ началъ онъ съ своимъ первымъ наставникомъ Уильсономъ и также продолжалъ онъ съ Претиманомъ. Не удивительно, что молодой человѣкъ, съ большими способностями, постоянно упражнявшійся такимъ образомъ каждый день, въ продолженіе десяти лѣтъ пріобрѣлъ удивительный навыкъ выражать свои мысли безъ приготовленія отборными и правильно построенными періодами.

Между всѣми остатками древности онъ особенно тщательно изучалъ образцы краснорѣчія. Его любимымъ занятіемъ было сравнивать рѣчи противныхъ сторонъ объ одномъ и томъ же вопросѣ, разбирать ихъ и замѣчать, какіе аргументы перваго оратора были опровергнуты вторымъ, отъ какихъ аргументовъ онъ уклонился и какіе остались совершенно нетронутыми. Искусство парламентской борьбы изучалось Питтомъ и въ книгахъ, и въ университетскомъ обществѣ дебатовъ, но кромѣ того, онъ не рѣдко имѣлъ случай присутствовать при важныхъ пре-

ніяхъ въ самомъ парламентѣ; и онъ слушалъ ихъ не только съ интересомъ и наслажденіемъ, но съ пристальнымъ, научнымъ вниманіемъ, съ какимъ слѣдитъ воспитанникъ клиники за каждымъ движеніемъ руки искуснаго хирурга, дѣлающаго трудную операцію.

Весною 1780 года Уилльяму Питту исполнилось совершеннолѣтіе, онъ оставилъ университетъ, записался юристомъ и вскорѣ былъ избранъ членомъ Палаты Общинъ отъ городка Апльби, а 26 февраля 1781 года произнесъ свою первую рѣчь въ пользу проекта экономической реформы, предложенной Боркомъ. Знаменитый Фоксъ всталъ съ нимъ въ одно время, но тотчасъ-же предоставилъ ему говорить. Гордая, но одушевленная осанка молодаго коммонера, совершенное умѣніе владѣть собою, готовность, съ которою онъ отвѣчалъ говорившимъ прежде него ораторамъ, серебряный тембръ голоса, удивительное построеніе не подготовленыхъ фразъ, — поразили и привели въ восторгъ его слушателей. Боркъ, растроганный до слезъ и намекая на покойнаго Питта старшаго, воскликнулъ: „это не вѣтка стараго дуба: это самъ старый дубъ“! „Питтъ будетъ однимъ изъ первыхъ ораторовъ парламента“, замѣтилъ одинъ членъ оппозиціи Фоксу. „Онъ уже теперь первый ораторъ“! отвѣчалъ

Фоксъ, въ характерѣ котораго не было зависти.

Исключительно благодаря своему краснорѣчію, чрезъ два года, т. е. въ 23 года, Питтъ былъ уже канцлеромъ Казначейства.

Студенческіе годы Байрона.

(1788—1824).

Этотъ страстный поэтъ и „властитель думъ“ родился въ Лондонѣ въ январѣ 1788 года. Отецъ его, капитанъ гвардіи и мать, урожденная Гордонъ, не отличались дружной жизнью, главнымъ образомъ благодаря мотовству отца, который почти разорилъ состояніе леди Байронъ и заставилъ ее ради воспитанія сына удалиться въ Шотландію, гдѣ жизнь была во всякомъ случаѣ дешевле. Воспитаніе ничего не могло сдѣлать съ этимъ исключительнымъ созданіемъ, въ положеніи, умѣ, характерѣ и самой личности котораго было отъ природы какое то странное сочетаніе противоположныхъ крайностей. Онъ произошелъ отъ фамиліи древней и аристократической, но опозоренной и обѣднѣвшей благодаря преступленіямъ и глупостямъ, которыя достигли скандальной извѣстности. Родственникъ, которому онъ наслѣдовалъ, умеръ въ крайности, и если бы не милосердіе судьи, долженъ былъ бы умереть на висѣлицѣ. Молодой пэръ имѣлъ блестящія умственные способности, но въ то же время болѣзную душу. У него было благородное и чувствительное сердце отъ природы, но своенравный и раздражительный характеръ. Его голову любили

копировать ваятели, а безобразіе его ноги, искалѣченной въ дѣтствѣ, служило предметомъ насмѣшки для уличныхъ нищихъ. Хромой красавецъ, симпатичный, но злой, сильный и вмѣстѣ съ тѣмъ слабый духомъ, Байронъ болѣе чѣмъ кто либо нуждался въ твердомъ и разумномъ воспитаніи, но, если природа поступила съ нимъ капризно, мать его оказалась еще капризнѣе. Въ пять лѣтъ его отдали въ школу нѣкоего Брауна, гдѣ въ теченіе года онъ научился по слуху лишь, но держа передъ собою книгу, повторять: „Богъ создалъ человѣка, — возлюбимъ Его“. „Черезъ годъ“, рассказывалъ впослѣдствіе великій поэтъ, — „дома пожелали испытать познанія мои. Держа передъ собою книгу, я прочелъ заученную фразу, перевернулъ страницу и повторилъ ее, перевернулъ третью и вновь прочелъ о Богѣ, создавшемъ человека, но. . . . мать мнѣ дала по уху и незаслуженно, ибо именно благодаря уху я выучилъ фразу эту“. Байрона отдали другому учителю, Росселю, очень богомольному пастору. Съ нимъ юный Байронъ сдѣлалъ поразительные успѣхи, причемъ въ особенности интересовался исторіей, къ которой чувствовалъ настоящій энтузіазмъ. Затѣмъ учителемъ его былъ нѣкій Патерсонъ, сынъ сапожника, но дѣйствительно ученый и суровый пресвитеріанецъ, съ которымъ Байронъ

учился латинскому языку пока не поступилъ въ грамматическую школу, гдѣ и пробылъ до четвертаго класса, когда смерть дяди вызвала Байрона въ Англію. Въ теченіе этаго періода своего дѣтства, проведеннаго въ Шотландіи, Байронъ, какъ и многіе поэты, какъ и нашъ Пушкинъ, былъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ, няни своей, которое отразилось на всей его жизни, — у нея онъ научился любить Библію, съ нею выучилъ наизусть нѣсколько псалмовъ, читалъ Священное писаніе. Благодаря смерти дяди, Байрону, наслѣдовавшему титулъ его, пришлось покинуть и Шотландію и няню и поселиться въ родовомъ имѣніи Байроновъ въ Нью-Стэдъ Аббей, гдѣ учителемъ его сталъ м-ръ Роджерсъ, съ которымъ Байронъ нѣсколько мѣсяцевъ студировалъ Virgilia. Вскорѣ онъ былъ отданъ въ пансіонъ въ Доличѣ, гдѣ пробылъ два года, а затѣмъ вступилъ въ извѣстную школу Гарроу, благодаря хлопотамъ его попечителя лорда Карляйля. Директоръ школы, извѣстный Друри писалъ впоследствии, что когда къ нему впервые привели юнаго Байрона, онъ сразу понялъ, что передъ нимъ „дикій горный жеребенокъ“, котораго воспитывать надо не на канатѣ, а на серебряной цѣпочкѣ и, дѣйствительно, въ Гарроу Байронъ пожиралъ книги, попадавшіеся ему подъ руку, но науками въ программѣ

школы занимался крайне лѣнливо, отличаясь крайнею нетерпѣливостью, независимостью и строптивостью. Тѣмъ не менѣе, опытный Друри провидѣлъ въ Байронѣ будущую звѣзду и однажды посѣтивъ Карляйля сказалъ ему, что воспитанникъ его „увеличить славу рода Байроновъ“, что отнюдь не нравилось Карляйлю, поэту-диллетанту, никогда не сдѣлавшему ничего для поощренія будущаго великаго поэта. Байронъ очень любилъ Друри и считалъ его отцемъ своимъ, но ненавидѣлъ школу до тѣхъ поръ, пока товарищи не признали его своимъ главою и предводителемъ не въ наукахъ однако, а въ спортѣ, котораго Байронъ былъ страстнымъ любителемъ, не смотря на хромоту. Среди пріятелей Байрона по школѣ находился Серъ Робертъ Пиль, родившійся въ одномъ году съ Байрономъ. Байронъ очень любилъ Пиля. Вмѣстѣ они были и фагами у одного великовозрастнаго и грубаго юноши. Однажды Пиль въ чемъ то провинился передъ главою своимъ и тотъ началъ бить мальчика. „Серъ, сколько ударовъ намѣреваетесь вы дать ему“, спросилъ Байронъ, присутствовавшій при экзекуціи. „А тебѣ какое дѣло“? удивился великовозрастный. „А то, что половину ударовъ я хочу на себя принять“. Исторія умалчиваетъ раздѣлилъ ли Байронъ казнь Пиля, но сердечный порывъ поэта-мальчика остался въ памяти его сверстниковъ.

Байронъ страстно хотѣлъ поступить въ Оксфордскій университетъ, но по совѣту доктора Друри попечитель опредѣлилъ его въ Кембриджскій, въ Тринити Колледжъ, гдѣ онъ и пробылъ три года, слушая лекціи крайне нерегулярно. Объ этихъ лекціяхъ Байронъ нигдѣ не говоритъ, кромѣ какъ въ одномъ изъ пассажей своей юношеской сатиры, гдѣ выражаетъ къ лекціямъ величайшее презрѣніе. Онъ сожалѣлъ о Гарроу и продолжалъ мечтать объ Оксфордѣ. „Часы бездѣлія“, очень мѣтко названные, являются произведеніемъ именно этаго періода. Онъ былъ до такой степени лѣнивъ, въ математикѣ и „варварской“ латыни въ особенности, что всѣ поражены были, когда въ мартѣ 1808 г. онъ выдержалъ всетаки экзаменъ на бакалавра. Одинъ изъ нѣмецкихъ критиковъ Байрона замѣчаетъ съ удивленіемъ, что программы университетовъ эпохи Байрона были чрезвычайно ограничены и утверждаетъ, что контингентъ выдающихся людей Великой Британіи вербовался всегда внѣ университетовъ. Эта ошибка упорно и долго повторялась многими континентальными критиками. На самомъ дѣлѣ, четыре пятыхъ историковъ, философовъ, ораторовъ, писателей и политическихъ дѣятелей Англіи вышли именно изъ этихъ университетовъ съ ихъ ограниченными программами. Правда, Бай-

ронъ далеко не лестно отзывается о своей Alma Mater, но это былъ человѣкъ оригинальный, вспыльчивый, сознающій свою силу, находившій тяжелою дисциплину, невыносимыми узкія рамки дѣятельности. Странная судьба, — хуже всѣхъ объ Alma Mater отзываются тѣ выдающіеся люди Англіи, именами которыхъ какъ воспитанниковъ своихъ болѣе другихъ гордятся колледжи! Бэконъ. Локкъ, Гиббонъ, Вордсвортъ, Байронъ, каждый изъ нихъ находитъ предметъ жестокой критики въ колледжахъ своихъ. Но всѣ критики эти многимъ обязаны были предмету критики своей, — каждый школьникъ можетъ замѣтить что красоты произведеній ихъ являются результатами вліянія академической культуры на разумъ ихъ авторовъ. Даже лучшія страницы Байрона, послѣ его „Проклятія Минервы“ освѣщены свѣтомъ того образованія, какъ бы оно ни было несовершенно, которое онъ получилъ въ Гарроу и тѣй дружбы, которая согрѣвала его въ Кембриджѣ. Съ друзьями своими Гарнессомъ и Лонгомъ Байронъ перешелъ и въ Кембриджъ, гдѣ они и продолжали совершенствоваться въ спортѣ, главнымъ, если не исключительнымъ образомъ. Съ Лонгомъ, который въ 1809 году утонулъ при переправѣ съ полкомъ своимъ въ Лис-бонъ, Байронъ проводилъ цѣлые дни на Кэмъ въ плаваніи и ныряніи, въ чемъ Байронъ

сдѣлался столь искуснымъ, что могъ со дна рѣки доставать тарелки, игорныя кости, и даже мелкія деньги. Въ то же время Байронъ отличался въ боксѣ, стрѣльбѣ въ цѣль и въ крикетѣ. Байронъ очень мало говоритъ о своихъ профессорахъ и преподавателяхъ, но о тьюторѣ своемъ, Товелѣ, отзывается всегда съ очень хорошей стороны, также какъ и о директорѣ колледжа, лордѣ Манзелѣ, котораго хвалить, впрочемъ, за прошлую репутацію блестящаго амфитріона, а не за настоящую — педагога...

При поступленіи въ университетъ, Байронъ былъ принятъ въ блестящій и избранный кружокъ, изъ котораго вышли выдающіеся люди той эпохи, способности и таланты которыхъ и въ университетѣ дѣлали ихъ болѣе или менѣе замѣтными. Молодежь эта была интересна для Байрона и сама по себѣ и по тѣмъ отношеніямъ, которыя она имѣла въ послѣдствіе съ нимъ въ различные фазисы его карьеры. По общему признанію, Чарльзъ Скимеръ Матьюсъ, сынъ члена парламента, былъ наиболѣе замѣчательнымъ въ группѣ этой, благодаря его научнымъ успѣхамъ, нравственной и физической мужественности, тонкости ума и остроумія и привлекательности характера. Этотъ молодой человѣкъ имѣлъ на товарищей своихъ такое же вліяніе, какимъ пользовался въ своемъ поколѣніи

Чарльзъ Остинъ. Потерю друга этаго, который въ 1811 году утонулъ въ Кэмѣ, Байронъ горько оплакивалъ и между прочимъ въ „Чайльдъ Гарольдъ“ писалъ: „я посвятилъ бы другу своему нѣсколько строфъ, но... онъ выше всѣхъ похвалъ, которыя можетъ создать мой умъ“.

Письма Байрона изъ университета къ его друзьямъ и роднымъ многочисленны, но къ сожалѣнію въ нихъ онъ говоритъ мало о самомъ университетѣ, а больше о подвигахъ своихъ въ спортѣ, о томъ какъ становится ему тѣсно платье его, о возліяніяхъ Бахусу и т. д. Въ октябрѣ 1807 года онъ писалъ миссъ Пиготъ о томъ, какого новаго и вѣрнаго друга онъ приобрѣлъ. „Этотъ другъ — ручной медвѣдь. Начальство спросило меня, что я хочу съ нимъ дѣлать. „Fellow“, отвѣчалъ я. Мой отвѣтъ имъ не понравился“. Профессорамъ и начальству Байрона не нравился не одинъ медвѣдь его, но и два свирѣпыя бульдога, которые наводили страхъ на весь университетъ и раздѣляли съ медвѣдемъ дружбу великаго поэта.

Въ 1808 году каникулы Байронъ провелъ въ Лондонѣ, предаваясь по истинѣ бездѣлью и пьянству, не только не скрывая этаго, но подробно сообщая о походахъ своихъ публикѣ въ стихахъ, смѣлости которыхъ можно только удивляться. Его первыя про-

изведенія, подъ общимъ заглавіемъ „Часы бездѣлья“ были уже изданы годъ назадъ и Байронъ былъ уже кумиромъ общества, которое также все ему прощало, какъ въ послѣдствіе все ставило ему въ упрекъ. Клубы, боксъ, плаваніе, стрѣльба въ цѣль, прогулки съ замаскированными товарищами, кутежи и уроки бокса у профессора, котораго Байронъ называлъ своимъ „тѣлеснымъ пасторомъ“, заполняли все его время грѣховное, но надо отдать Байрону ту справедливость, что много грѣша, онъ никогда никого не вовлекъ во грѣхъ...

Могла ли такая пылкая натура мириться съ тѣсными рамками и условностями университетской жизни той эпохи? Конечно нѣтъ, и потому къ Байрону, какъ студенту, по крайней мѣрѣ, не можетъ быть приложенъ и общій масштабъ, хотя нельзя не сказать, что если бы Байронъ, какъ большинство англичанъ его сословія, былъ воспитанъ передъ школою въ семьѣ, гдѣ бы онъ могъ видѣть авторитетъ отца и ровную любовь матери, иначе гдѣ онъ получилъ бы разумное воспитаніе, великій поэтъ обладалъ бы другимъ характеромъ и страстями, не сжегъ бы безплодно жизнь свою, не умеръ бы въ самомъ разцвѣтѣ интеллектуальныхъ силъ...

Молодость Карлейля.

1795—1881.

Томасъ Карлейль родился 4-го декабря 1795 года; онъ былъ первымъ ребенкомъ отъ второй жены Джемса Карлейля, простого каменщика въ селеніи Эклифичинъ, въ Шотландіи. Первоначальной грамотѣ научила его мать, нѣкоторыя свѣдѣнія изъ ариометики сообщилъ отецъ. Пяти лѣтъ Томасъ уже посѣщалъ деревенскую школу и къ семи годамъ овладѣлъ вполнѣ англійской грамотой. Идти дальше значило уже браться за латынь, но ея не зналъ даже сельскій учитель.

Сосѣди совѣтовали отцу Карлейля на этомъ и остановиться, говоря: «воспитаи мальчика, а онъ выростетъ и станетъ презирать своихъ необразованныхъ родителей». Однако мужественный каменщикъ не побоялся трусливыхъ пророчествъ и отправилъ своего сына въ Анаянскую школу, нѣчто въ родѣ нашихъ классическихъ гимназій. «Съ благородной вѣрой—говоритъ Карлейль—онъ открылъ мнѣ дверь въ тотъ міръ, который для него оставался навсегда недоступнымъ». Отправляя своего любимца, мать взяла съ него слово, что онъ не станетъ впутываться въ драки съ товарищами—школьниками и не будетъ «давать сдачи». Всякій побывавшій въ шко-

лѣ, пойметъ, какъ дорого бѣдному мальчику обошлись эти обѣщанія. Его нещадно преслѣдовали; онъ, при своемъ страстномъ и даже буйномъ нравѣ, горѣлъ желаніемъ постоять за себя, но крѣпился и уходилъ отъ товарищей. Наконецъ, ему стало не въ ногу. Однажды онъ бросился на самаго большого забіяку въ школѣ и сталъ бѣшено колотить его. Послѣдовала потасовка. Томъ былъ побитъ, но и противникъ порядочно пострадалъ отъ его кулаковъ. Съ этихъ поръ товарищи перестали его преслѣдовать: они убѣдились, что его затрогивать опасно.

Въ школѣ Карлейль изучалъ латинскій и французскій языки, ариѳметику, алгебру, геометрію и получилъ общія свѣдѣнія изъ географіи. Онъ съ жадностью прочитывалъ всѣ книги, какія только могъ достать. Отецъ, внимательно слѣдившій за успѣхами своего Тома, рѣшилъ продолжать образованіе дальше и отправилъ его въ Единбургскій университетъ. Ему было всего лишь четырнадцать лѣтъ, когда совершилось это важное для него событіе.

Не лишне будетъ сказать нѣсколько словъ о шотландскихъ университетахъ и студентахъ того времени, которые весьма рѣзко отличались отъ англійскихъ и по своему демократизму напоминали нѣсколько наше студенчество недавняго прошлаго, но это было

еще болѣе демократическое, настоящее крестьянское студенчество. Юноши, посѣщавшіе въ ту пору шотландскіе университеты, были, въ большинствѣ случаевъ, дѣтьми такихъ - же бѣдныхъ родителей, какъ и Карлейль. Они прекрасно знали, что стоило ихъ родителямъ удѣлять изъ своихъ ничтожныхъ заработковъ даже тѣ ничтожныя крохи, на которыя они существовали въ университетскомъ городѣ, и имъ приходилось дорожить своимъ временемъ, стараясь пріобрѣсть возможно больше знаній въ возможно меньшій періодъ времени. Они могли слушать лекціи только въ продолженіе пяти мѣсяцевъ, а затѣмъ расходились въ разныя стороны: кто становился учителемъ, кто работалъ на фермѣ, кто принимался за ремесло своего отца и такимъ образомъ добывалъ сумму, необходимую для оплаты своего обученія. Каждый такой студентъ былъ обыкновенно надеждой семьи, самымъ выдающимся ребенкомъ, на котораго рѣшились затратить послѣднія средства, чтобы вывести только его въ люди. Свои путешествія въ университетъ и изъ университета по домамъ эти истинныя дѣти народа совершали пѣшкомъ, не потому, конечно, чтобы они придерживались самодовлѣющаго принципа „воздержанія“ отъ всякихъ усовершенствованныхъ путей сообщенія, а просто потому, что у нихъ не было средствъ. 14-15-ти

лѣтнему юношѣ приходилось самому заботиться объ устройствѣ своей жизни въ неизвѣстномъ городѣ. Онъ приходилъ въ Эдинбургъ или Глазговъ, опредѣлялся въ университетъ, подыскивалъ помѣщеніе по своему карману и принимался за умственную работу, чтобы снова черезъ пять-шесть мѣсяцевъ возвратиться къ тяжелому физическому труду. Изъ дому онъ получалъ сѣстные припасы: овсяную муку, картофель, соленое масло и изрѣдка,—что составляло уже роскошь,—яйца и отправлялъ домой свое грязное бѣлье, гдѣ оно мылось и т. д. Такимъ образомъ, между юношей и его семьей поддерживались постоянныя сношенія, но что касается „поведенія“, то онъ предоставлялся вполне самому себѣ; университетъ также не вмѣшивался въ его жизнь; при такихъ условіяхъ особенное значеніе получаютъ товарищества, возникающія обыкновенно среди молодежи; они оказываютъ громадную поддержку какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Шотландскіе студенты „изъ народа“ группировались въ своего рода „землячества“, дѣлившіяся своими матеріальными и умственными достатками, образовывали клубы, гдѣ обсуждали разные вопросы—научные и житейскіе, спорили и т. д. Такова была ихъ обычная житейская школа, и въ воспитательномъ отношеніи, т. е. въ

смыслъ образованія независимаго самостоятельнаго характера, едвали возможна какая либо иная лучшая школа жизни.

Въ ноябрѣ 1809 г. Томасъ Карлейль, подъ присмотромъ нѣкаго студента „Тома малаго“, юноши года на 2, на 3 старше его, отправился пѣшкомъ въ Единбургъ; его провожали отецъ и мать до большой дороги. Образъ любящей матери, трогательно прощающей съ своимъ любимцемъ, трепещущей за его будущность, живо рисуется ему 57 лѣтъ спустя послѣ этого событія. Если Карлейль унаслѣдовалъ отъ отца нѣкоторыя особенности своего генія, то матери онъ въ значительнѣйшей степени обязанъ надлежащимъ развитіемъ этихъ способностей: она съ дѣтства окружила его атмосферой любви, истинной, правдивой религіозности, кальвинистской стойкости и непреклонности; быть можетъ, благодаря только любящей матери и — въ позднѣйшій періодъ жизни — любящей женѣ, Карлейль не погибъ подъ тяжестью своихъ дарованій и своихъ физическихъ мукъ, такъ какъ только *любовь* могла смягчить эту страшную *серьезность*, граничащую нерѣдко съ жестокостью.

Въ Единбургскомъ университетѣ Карлейль не нашелъ сколько нибудь выдающихся профессоровъ, да и не могъ найти, такъ какъ университетъ этотъ былъ бѣденъ, а выдаю-

щіеся профессора обыкновенно дорого себя цѣнять. Объ одномъ только профессорѣ—математикѣ Лесли, сѣумѣвшемъ отличить юношу и пробудить въ немъ любовь къ математикѣ, онъ сохранилъ добрыя воспоминанія, а остальныхъ зло осмѣялъ впоследствии въ своемъ извѣстномъ *Sartor Resartus*.

Застѣнчивый и малосообщительный, Карлейль сошелся лишь съ немногими товарищами по студенческой скамьѣ, такими же брестьянскими дѣтьми, какъ и онъ самъ; но въ этомъ тѣсномъ кружкѣ онъ пользовался большимъ вліяніемъ и игралъ первую роль. Къ нему обращались во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ за совѣтомъ; его рѣчи невольно приковывали къ себѣ всеобщее вниманіе, — онѣ были „ужъ слишкомъ насмѣшливы для такого молодого человѣка“, — какъ говорили студенты постарше. Въ письмахъ его называютъ „Джонатаномъ“ (Свифтомъ), или „деканомъ“ (тоже). Сотоварищи не могли не замѣтить, что онъ не похожъ на другихъ, что онъ превосходитъ другихъ и своимъ характеромъ, и своимъ умомъ; уже съ этихъ поръ, даже еще раньше, о немъ говорили: „извѣстно, какое отвращеніе Томъ питаетъ ко всему неестественному, дѣланному“. Такимъ образомъ, съ раннихъ уже поръ сотоварищи предрекали ему великую будущность въ томъ или иномъ родѣ.

По настойчивому желанію родителей, Карлейль готовился собственно къ священническому званію, но уже на студенческой скамьѣ онъ сознавалъ, что не имѣлъ ни малѣйшей склонности къ этой профессіи, что впереди предвидѣлись тяжелыя сомнѣнія, дѣлавшія ее невозможной для него, и что дѣло тутъ собственно не въ формализмѣ, который не заключаетъ въ себѣ ничего безчестнаго, разъ ему предшествуетъ вѣра, а именно, въ отсутствіи такой дѣйствительной вѣры. Однако, до принятія священническаго сана оставалось еще много времени. Если бы онъ остался въ Эдинбургѣ, то ему пришлось бы слушать еще цѣлыхъ четыре года богословскія лекціи; но онъ предпочелъ взять мѣсто учителя математики въ Аннанской школѣ и уѣхалъ. Такимъ образомъ, по существующимъ правиламъ, только черезъ шесть лѣтъ при условіи ежегодно являться въ Эдинбургъ и произносить тамъ пробную проповѣдь, онъ могъ получить званіе священника. Но Карлейль не чувствовалъ также никакой симпатіи и къ учительской профессіи. Онъ просто хотѣлъ освободить отца отъ дальнѣйшихъ издержекъ и скопить сколько-нибудь денегъ, которыя могли ему пригодиться въ будущемъ. Онъ ихъ скопилъ, бросилъ учительство и началъ независимую жизнь, сперва съ большими лишеніями, но всегда въ трудѣ, который былъ

религіознымъ догматомъ для Карлейля, прозваннаго современниками „Пророкомъ новѣйшихъ временъ“.

Историкъ-философъ умеръ 85 лѣтъ въ 1881 г. и по желанію его похороненъ въ родномъ Эклифиченѣ, — сынъ каменщика пожелалъ и послѣ смерти остаться среди каменщиковъ и земледѣльцевъ и отказался отъ всякихъ пышныхъ церемоній, ибо для него не было ничего ненавистнѣе дѣланности и лжи.

Молодость Гладстона.

(1809—1898).

Недавно отошедшій въ вѣчность „Великій Старецъ“, или какъ народъ его называлъ „Народный Вильямъ“, Гладстонъ родился въ 1809 году въ г. Ливерпулѣ. Его отецъ Джонъ былъ крупнымъ негоціантомъ, а отчасти и политическимъ дѣятелемъ, и очень умнымъ человѣкомъ, который, вмѣстѣ съ знаменитымъ Каннингомъ, имѣлъ большое вліяніе на образованіе характера будущаго государственнаго человѣка Англіи. — Съ другой стороны, мать Вильяма Гладстона, Анна Робертсонъ, происходившая изъ семьи шотландскихъ горцевъ, дала ему огонь, необыкновенное воображеніе и чуткость ко внѣшнимъ впечатлѣніямъ, которыя во всю его долгую жизнь составляли такое важное подспорье къ его замѣчательному политическому чутью. Въ образованіи его стойкаго характера, настойчивости и вѣры въ себя, немалую роль, однако, играло школьное воспитаніе Гладстона.

Какъ только отецъ замѣтилъ въ Вильямѣ выдающіяся умственныя способности, было рѣшено послать его въ Итонскую школу. По тогдашнему, это была самая извѣстная и

аристократическая классическая школа, откуда выходила большая часть англійскихъ политическихъ дѣятелей, юристовъ и прелатовъ. Какъ и большая часть англичанъ его класса онъ не вѣрилъ въ домашнее воспитаніе. Помимо того, что самъ онъ, какъ человѣкъ занятой, не могъ посвящать дѣтямъ много времени, онъ считалъ семейную обстановку, комфортъ, нѣжныя заботы матери, обиліе прислуги и невольную праздность въ родительскомъ домѣ далеко не самыми лучшими условіями для выработки самостоятельнаго и выдержаннаго характера въ своихъ дѣтяхъ,—и былъ въ этомъ быть можетъ правъ: плохіе изъ насъ будутъ выходить граждане, если мы даже въ ранней юности не съумѣемъ, отрѣшившись отъ всѣхъ породившихъ насъ сословныхъ рамокъ, быть просто „людьми“ или хотя-бы „школа-рями“.

Какъ бы то ни было, до 12 лѣтъ мальчикъ жилъ дома и его первоначальнымъ обученіемъ занимался сначала мѣстный священникъ, а потомъ дьяконъ, причемъ послѣдній составилъ себѣ очень нелестное мнѣніе о математическихъ дарованіяхъ будущаго перваго финансиста Англіи. Но въ 1821 году его послали въ Итонъ, недалеко отъ Виндзорскаго замка и въ 30 миляхъ отъ Лондона; тамъ въ это время уже учились его

два старшихъ брата. Благодаря своимъ хорошимъ способностямъ и порядочной подготовкѣ, онъ сразу попалъ въ первый классъ высшаго отдѣленія, совершенно избѣгнувъ трехъ классовъ низшаго, что при тогдашнемъ крайне жалкомъ состояніи учебной стороны школы было не малымъ счастіемъ, потому что на маленькихъ школяровъ не обращалось уже почти никакого вниманія.

Порядки этой школы, несмотря на ея аристократизмъ и близость двора, были самые дореформенные. Начать съ того, что учились тамъ, даже въ высшихъ классахъ, очень мало—часа по $2\frac{1}{2}$ въ день, да и то не каждый день: кромѣ воскресенія въ недѣлю полагался одинъ полный праздникъ и два полупраздника, такъ что въ общей сложности класснымъ занятіямъ посвящалось ни больше, ни меньше какъ $11\frac{1}{2}$ часовъ въ недѣлю. Да и ученье то состояло почти исключительно въ чтеніи нѣсколькихъ (далеко не всѣхъ) римскихъ авторовъ, греческой библіи, да въ писаніи латинскихъ и греческихъ виршей. Даже ариѳметика, въ объемѣ первыхъ четырехъ правилъ преподавалась только въ низшихъ классахъ, такъ что итонскіе юноши по окончаніи курса часто являлись въ аудиторіи спеціально математическаго Кембриджскаго университета, зная не больше четырехъ правилъ ариѳметики. А

когда въ 1845 году въ Итонъ прѣхалъ настоящій учитель математики, то ему позволено было обучать высшіе классы только подъ тѣмъ условіемъ, что онъ будетъ ежегодно платить м-ру Гекстеру, прежнему преподавателю четырехъ правилъ, по 2000 рублей якобы въ вознагражденіе за нарушеніе его правъ на исключительное преподаваніе этой науки. Ни переходныхъ экзаменовъ, ни наградъ за успѣхи, никакихъ другихъ поощреній не было, такъ что передвиженіе школяровъ изъ класса въ классъ дѣлалось не по успѣхамъ, а по выслугѣ лѣтъ. А то было 70 человѣкъ „королевскихъ учениковъ“, такъ эти и при поступленіи въ Оксфордскій университетъ не должны были держать никакого экзамена. Естественно, что при такихъ порядкахъ всѣ школяры дѣлились на два разряда: работавшихъ по собственной охотѣ, природныхъ талантовъ, — и ничего не дѣлающихъ спортсменовъ, атлетовъ или жуировъ, слава о подвигахъ которыхъ гремѣла въ лѣтописяхъ школы много лѣтъ послѣ ихъ выхода изъ нея.

Жили школяры на частныхъ квартирахъ или, лучше сказать, въ частныхъ пансіонахъ по нѣскольку вмѣстѣ. Правда, каждый такой пансіонъ поручался надзору особыхъ туторовъ, на обязанности которыхъ лежало смотрѣть за занятіями и соблюденіемъ порядка.

школярами; были установлены извѣстные общія правила, когда всѣ они во всѣхъ пансіонахъ должны вставать, ложиться, быть дома, тушить огни, идти въ церковь и т. д., а за несоблюденіе этихъ правилъ наказывали, т. е. по просту пороли.

Но если принять во вниманіе, что и среди туторовъ типъ спортсмена, театрала и т. п. былъ вовсе не рѣдкостью, то не трудно себѣ представить, что ученики старшихъ классовъ нерѣдко разѣзжали изъ школы по скачкамъ, кулачнымъ и пѣтушинымъ боямъ и другимъ достопримѣчательнымъ аристократическимъ учрежденіямъ того времени, безъ особенныхъ препятствій со стороны начальства.

Зато если какой-нибудь школяръ попадался главѣ школы д—ру Киту на улицѣ и, опасаясь встрѣчи лицомъ къ лицу съ высшимъ начальствомъ, шмыгалъ въ лавку или двери какого нибудь дома, это считалось крупнымъ проступкомъ и неизбѣжно вело къ поркѣ, безъ различія возраста и происхожденія. А то разъ былъ изданъ грозный приказъ: „Если увижу кого нибудь съ фоліантомъ подъ мышкой — выпорю“. Объяснялся же этотъ лаконическій указъ слѣдующимъ образомъ: съ нѣкоторыхъ греческихъ словарей были сорваны переплеты и изъ нихъ подѣланы такъ называвшіеся „percepts“ или вмѣстилища, въ которыхъ помѣщались *только* три бу-

тылки средней величины. Дѣло было въ томъ, что какъ разъ напротивъ того дома, гдѣ жилъ Гладстонъ и его братья, находился знаменитый въ лѣтописяхъ Итонской школы „Христофоровъ Постоялый Дворъ“. Тутъ останавливался почтовый дилижансъ изъ Лондона; сюда направлялись всѣ письма и посылки для школяровъ, здѣсь скорѣе всего можно было увидѣть послѣднюю газету и узнать свѣжѣйшія новости; тутъ же собирались каждую среду окрестные крестьяне и фермеры на базаръ въ Итонъ, — словомъ, это былъ своего рода клубъ, почтамтъ и центръ всей мѣстной гласности за неимѣніемъ ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ, ни другихъ благъ просвѣщенія; время тогда было глухое, старое. Изъ оконъ ближайшихъ пансіоновъ, кто хотѣлъ, могъ хоть по цѣлымъ часамъ наблюдать нравы и житейскія сцены у кабака и на базарѣ. Поэтому не мудрено, что у школяровъ чаще, чѣмъ слѣдовало, являлась нужда справляться о своихъ письмахъ, посылкахъ и т. п.

Но картина все таки еще не полна безъ системы фаговъ. Въ тѣ времена, да отчасти еще и до сихъ поръ, каждый школяръ 5-го и 6-го классовъ (послѣднихъ двухъ классовъ гимназій) имѣлъ право на услуги фага, т. е. одного изъ учениковъ младшихъ классовъ, и не только во время уроковъ, но и на

квартирѣ дома, гдѣ часть пищи воспитанники должны были покупать себѣ сами. Эти фаги подѣ страхомъ побоевъ должны были безпрекословно повиноваться приказаніямъ старшаго. Кромѣ чистки сапогъ и кухонной стряпни всѣ мелкія обязанности слугъ исполнялись фагами: они бѣгали для своихъ старшихъ въ лавочки за припасами для обѣда, убирали посуду, ходили съ записками къ ихъ товарищамъ, сопровождали ихъ во время разныхъ увеселительныхъ экскурсій и т. д. Очевидно также, что и директорскій указъ насчетъ ношенія фоліантовъ подѣ мышкой также относился прежде всего къ фагамъ, которымъ послѣ его изданія приходилось быть тѣмъ ловчѣе, что нужно было избѣгать съ одной стороны директорской порки, а съ другой „хозяйской“ встрепки. Трудно себѣ представить болѣе отвратительный школьный обычай чѣмъ эти фаги; основанный на чистомъ правѣ сильного онъ дѣлалъ изъ старшихъ тирановъ, а изъ фаговъ — рабовъ, которые по достиженіи 6-го класса сами становились тиранами и на своихъ фагахъ вымѣщали, что самимъ прежде пришлось выстрадать. И это называлось тогда „закаливаніемъ“ молодого поколѣнія. А между тѣмъ бывали случаи положительной жестокости и увѣчій съ этими фагами, и матери, отдавая своихъ дѣтей въ школы, боялись фагства не меньше всякихъ смер-

тельныхъ болѣзней. Одинъ разъ, напримѣръ, недозрѣлые аристократики старшихъ классовъ, отправляясь въ телѣжкѣ на какіе то, кажется, пѣтушьи бои, прихватили съ собою конечно фага для услугъ. Дорогой лошадь закусилъ удила и понесла (вѣроятно тоже отъ слишкомъ нѣжнаго обращенія ѣздоковъ); тогда фагу было приказано взобраться на скачущую во весь духъ лошадь и „посмотрѣть, что тамъ такое съ удилами“. Дѣлать нечего, мальчикъ долженъ былъ повиноваться и успѣшно исполнилъ порученіе, поплатившись только вывихнутой рукой. Два дня Вильяму Гладстону съ товарищами пришлось въ качествѣ сострадательныхъ самаритянъ ухаживать за пострадавшимъ, пока наконецъ не убѣдились, что дѣло серьезное и не позвали доктора, который и вправилъ руку.

Къ счастью Вильяма Гладстона ему фагомъ быть не пришлось, такъ какъ при его поступленіи въ школу тамъ были его старшіе братья, къ которымъ подъ начало онъ и попалъ, а они его любили и не обижали. Вѣроятно по этому же, когда онъ самъ достигъ старшихъ классовъ, онъ обращался со своимъ фагомъ, однимъ будущимъ мировымъ судьей, — который самъ потомъ свидѣтельствовалъ это, — очень мягко и человѣчно.

Изъ всего сказаннаго читатель въ правѣ заключить, что въ Итонѣ во времена Глад-

стона учились очень мало, а больше забавлялись. Въ такомъ случаѣ откуда-же брались тѣ политическія и духовныя свѣтила, которыхъ несомнѣнно выпускала эта школа. Вотъ въ томъ то и дѣло, что кто не хотѣлъ, тотъ могъ и ничего не дѣлать, но кто хотѣлъ, тотъ имѣлъ возможность работать сколько угодно, и поощреній къ тому было очень много—только не со стороны начальства, а со стороны общества самихъ товарищей, и въ этомъ заключается характерная особенность англійской школы. Дѣло въ томъ, что при ней всегда существовали такія учрежденія, какъ ученическое общество для дебатовъ или клубъ, любительскій театръ и наконецъ періодическій журналъ, которые всѣ существовали и развивались безъ всякаго участія или вмѣшательства со стороны начальства. Д-ръ Китъ прекрасно понималъ образовательное и воспитательное значеніе этихъ предпріятій и вмѣшивался только въ тѣхъ случаяхъ, какъ бывало иногда съ драматической труппой, когда начинали серьезно страдать обязательныя школьныя занятія. Вообще же эти учрежденія давали возможность не только свободно развиваться природнымъ склонностямъ, талантамъ и творчеству молодыхъ людей, которымъ нѣтъ да и не можетъ быть мѣста въ классной комнатѣ; но и самимъ юношамъ вѣрно выби-

рать свою будущую дорогу. Недаромъ напр. про ихъ политическій клубъ одинъ извѣстный итонецъ въ послѣдствіи выражался такимъ образомъ: „Какъ ни жалко было образованіе итонцевъ, которое давалъ мнѣ д--ръ Кить, оно много пополнялось взаимнымъ самообразованіемъ другъ друга. Клубные дебаты обращали ихъ вниманіе на исторію, на текущія событія, и молодымъ ораторамъ были извѣстны всѣ напечатанныя рѣчи всѣхъ государственныхъ людей прошлаго столѣтія“.

Школьный театръ, имѣвшій свою постоянную сцену, по временамъ возвышался до такого мастерства, что слава его гремѣла далеко за предѣлами Итона. Итонскій же журналъ, какъ увидимъ дальше, послужилъ многимъ извѣстнымъ людямъ оселкомъ для пробы своихъ литературныхъ силъ, а Вильяму Гладстону помогъ обнаружить и развить свой громадный административный и діалектическій таланты. Но возвратимся къ нему самому.

По воспоминаніямъ очевидцевъ, когда Вильямъ Гладстонъ поступилъ въ школу, это былъ самый красивый мальчикъ, когда нибудь бывшій тамъ. Не въ примѣръ прочимъ школярамъ онъ былъ очень опрятенъ, всегда причесанъ и чѣмъ нибудь занятъ. Товарищи скоро прозвали его на своемъ жаргонѣ „Sap“, что значить нѣчто близкое къ нас-

мѣшливому пай мальчикъ, за то что онъ очень усердно училъ свои латинскіе и греческіе уроки и даже въ свободное время ухитрялся заниматься математикой. Серьезный интересъ къ школьной работѣ, какъ онъ самъ рассказываетъ, былъ вызванъ въ немъ похвальнымъ отзывомъ объ его латинскихъ стихахъ одного учителя, сдѣлавшагося впоследствии директоромъ и реформаторомъ школы. Его вирши особенно отличались не своей гладкостью, а содержательностью, благодаря его умѣнью уже тогда владѣть прочитанными авторами; такъ что если въ классѣ встрѣчалось какое-нибудь трудное мѣсто или требовались поясненія изъ другихъ сочиненій — вызывали всегда Гладстона или еще одного ученика.

Въ поведеніи это былъ примѣрно смирный и благочестивый мальчикъ, о которомъ одинъ изъ самыхъ безупречныхъ англійскихъ епископовъ, его товарищъ, говорилъ, что „онъ самъ былъ совсѣмъ лѣнтяемъ, пока не познакомился съ Гладстономъ“. Ни въ какихъ проказахъ товарищей Гладстонъ не принималъ участія и даже громко порицалъ ихъ. Былъ, наприм. у нихъ обычай во время ярмарки въ среду на Масляной крадучись отрѣзывать у свиней хвосты. Гладстонъ воспользовался первымъ случаемъ, когда ему пришлось на годовомъ обѣдѣ говорить рѣчь

о событіяхъ года, и возсталъ противъ этого возмутительнаго обычая. Тогда на двери его комнаты въ слѣдующую же ярмарку былъ повѣшенъ пучекъ свѣженькихъ свиныхъ хвостовъ, съ надписью въ глупыхъ латинскихъ стихахъ: „Кто любитъ свиней, того любятъ и свиньи“ и т. д. Подъ этимъ поэтическимъ обращеніемъ Гладстонъ подписалъ отъ себя: „Авторъ этого приглашается явиться за наградой круглымъ и крупнымъ почеркомъ на его фizioноміи“. Однакожъ никто не явился, отчасти быть можетъ и по тому, что Гладстонъ былъ далеко не послѣднимъ во всѣхъ физическихъ упражненіяхъ и схватка съ нимъ легко могла окончиться не въ пользу противника.

Бывали также случаи, что онъ, сидя за годовымъ обѣдомъ въ Христофоровскомъ обѣденномъ залѣ, перевортывалъ свой стаканъ и наотрѣзъ отказывался пить вино. Спортсменомъ записнымъ онъ также никогда не былъ, хотя иногда любилъ играть въ крикетъ или кататься на лодкѣ по Темзѣ, для чего у него была даже своя лодка; но гораздо большій охотникъ онъ былъ до продолжительныхъ прогулокъ на нѣскольکو миль по Виндзорскому парку съ кѣмъ нибудь изъ близкихъ друзей, разговаривая при этомъ о литературѣ или исторіи. Въ особенности часто онъ это дѣлалъ съ самымъ близкимъ своимъ другомъ

того времени — Артуромъ Галламомъ, слабымъ, но очень интеллигентнымъ мальчикомъ, тѣмъ самымъ, котораго память Теннисонъ воспѣлъ въ своей величественной элегіи „In memoriam“ послѣ его ранней смерти. Это былъ, кажется, самый выдающійся изъ всѣхъ школьных товарищей Гладстона. Между другими изъ извѣстныхъ людей онъ былъ близокъ съ будущимъ верховнымъ судьей въ Калькуттѣ — Дж. Кальвилемъ, епископомъ Ново Зеландскимъ Джоржемъ Сальвиномъ, профессоромъ поэзіи въ Оксфордѣ Фр. Дойлемъ, поэтомъ Теннисономъ, историкомъ Крымской войны Ал. Киньглекомъ, а также съ Джемсомъ Гономъ, позднѣе сдѣлавшимся однимъ изъ его самыхъ интимныхъ друзей.

Въ декабрѣ въ 1897 г., отпраздновавъ на югѣ Франціи годовщину своего 88-го дня рожденія, Гладстонъ предался воспоминаніямъ своей молодости и напечаталъ очеркъ своего друга Артура Генриха Галлама, сына извѣстнаго историка, очеркъ, который является лебединой пѣснью Гладстона, чрезъ $\frac{1}{2}$ года умершаго. *Onrajeunît aux souvenirs d'enfance comme on renaît au souffle du printemps*“, сказалъ Беранже, и Гладстону какъ будто тоже захотѣлось помолодѣть, переживая мысленно свои молодые годы.

Вотъ въ собращеніи эти отклики далекаго

прошлаго, которое служило основаніемъ всего позднѣйшаго нравственнаго и политическаго развитія знаменитаго Гладстона.

„Далеко, далеко, въ отдаленіи ранней молодости, возстаетъ предо мной безоблачное воспоминаніе о дружбѣ, превосходящей всѣ прочія, которыми мнѣ когда либо приходилось наслаждаться, мнѣ, котораго судьба благословила и числомъ и превосходствомъ друзей.

Артуръ Генрихъ Галламъ былъ подлинно проникнутъ такимъ возвышеннымъ духомъ, что все, до чего онъ ни прикасался въ продолженіи своего краткаго пути на этомъ свѣтѣ, становились какъ бы болѣе идеальнымъ чрезъ его прикосновеніе.

Между своими сверстниками въ Итонѣ, — этой царицѣ между школъ, — онъ стоялъ выше всѣхъ; и чрезъ всю долгую жизнь, чрезъ которую мнѣ пришлось проходить, соприкасаясь со многими богато-одаренными людьми, онъ, по моему глубокому убѣжденію, оставался на томъ же исключительномъ мѣстѣ на которомъ стоялъ тогда.

Но укажу на нѣкоторое различіе, которое нужно имѣть въ виду. Обладалъ ли онъ истиннымъ геніемъ, или нѣтъ? — вопросъ, который не относится сюда, да на который я бы и не взялся отвѣтить. Я говорю о чловѣкѣ; геній же самъ по себѣ еще не состав-

ляетъ человѣка. Когда мы имѣемъ дѣло съ людьми, то мы должны считаться и съ геніемъ, и съ характеромъ ихъ; и отношеніе между обоими въ ихъ совокупности бываетъ безконечно разнообразно. Выдающееся положеніе Шекспира между поэтами еще само по себѣ не представляетъ ручательства, чтобъ онъ, какъ человѣкъ, стоялъ такъ же высоко.

У Артура Галлама было, безъ сомнѣнія, много преимуществъ. Слава отца его, какъ историка, еще продолжается, и, вѣроятно, можно даже сказать, что положеніе его, какъ англійскаго классическаго историка, уже упрочено.

Его мать, по своимъ замѣчательнымъ способностямъ, хотя бы и скрытымъ подъ женскою скромностью, была вполне подходящею матерью для такого выдающагося сына. Но, конечно, наступаетъ пора, когда сама природа возлагаетъ на отца наибольшую заботу о развитіи ума сына. Благодаря моей короткости съ Артуромъ во время пребыванія нашего въ Итонъ, я часто замѣчалъ любящую и неусыпную бдительность, съ которою родитель исполнялъ свою воспитательную задачу. Между нами велась самая задушевная переписка, и какъ бы ни были велики прелести литературной жизни, самой выдающейся тогда въ Лондонѣ, — бдительное око отца не

потеряло изъ виду любимаго сына. Мальчикъ былъ помѣщенъ воспитанникомъ къ г. Готри (Hawtreu), бывшему въ то время однимъ изъ лучшихъ воспитателей въ Итонѣ. Въ послѣдствіе этотъ Готри былъ назначенъ директоромъ и главнымъ учителемъ коллегіи.

Тѣмъ не менѣе, Галламъ не передалъ совершенно своего сына въ руки г. Готри, но постоянно и близко слѣдилъ самъ за его учениемъ. Когда Артуръ поступилъ въ Debating Society Итонской школы—отецъ его и туда послѣдовалъ за нимъ. Предметы этихъ ученическихъ преній были по большей части историческіе, и политика допускалась только косвенно, потому что намъ строго запрещалось касаться чего бы то ни было, что происходило въ продолженіе послѣднихъ 50—ти лѣтъ. Такимъ образомъ мы были очень стѣснены въ выборѣ нашихъ темъ. Однажды мы принялись разсуждать о томъ, что болѣе благотворно для дисциплины ума: математика или метафизика.

Хотя именно въ это время дружба между Артуромъ Галламомъ и мною заключала въ себѣ много прелестной короткости, въ ней тоже было много и неравенства.

Дѣйствительно, что касается до его умственныхъ способностей и до моихъ,—наша дружба была до того неравна, что я часто себя спрашивалъ, была ли она на дѣлѣ такъ

тѣсна, какъ я себѣ ее воображалъ? Но фактъ, что мы усердно переписывались во время баникулъ, говорить въ пользу ея искренности.

Итонская дружба обыкновенно ограничивалась тѣми восемью мѣсяцами, которые проводились въ училищѣ.

Еще другое доказательство я нахожу въ записяхъ моего дневника того времени. Изъ этихъ записей видно, что я иногда возилъ Галлама на яликѣ вверхъ по Темзѣ. Грести одному въ маленькой лодочкѣ, какой бы формы она ни была, составляло одно изъ обыкновеннѣйшихъ упражненій итонскихъ питомцевъ. Но вести въ своей лодкѣ еще пассажира вверхъ по теченію крайне тяжело и служить, по моему мнѣнію, доказательствомъ того, какъ я дорожилъ его обществомъ.

Еще доказательство. Мальчики обыкновенно завтракали или закусывали одни, то-есть каждый въ своей комнатѣ. Иногда двое или трое сообща поѣдали свои бутерброды (ибо въ то время нынѣшніе обильные завтраки съ мясомъ еще не были въ ходу), — но и это случалось только тогда, когда они жили подъ одною крышей.

Я не имѣлъ счастья жить въ домѣ г. Готри, который находился почти на противоположномъ концѣ Итона и отличался своими великолѣпными деревьями. Боюсь, что рука времени не пощадила величавыхъ вя-

зѣвъ, которые тогда росли во всей своей красѣ. Мое же окно выходило на церковную ограду, отдѣленную цѣлымъ кварталомъ школьныхъ зданій. Несмотря на это препятствіе, мы все-таки завтракали вмѣстѣ въ продолженіи многихъ семестровъ; то онъ приходилъ ко мнѣ, то я къ нему. При моемъ посѣщеніи Итона послѣ его смерти я, къ сожалѣнію, не могъ найти комнаты, освященной нашими воспоминаніями, ибо она была принесена въ жертву необходимымъ перестройкамъ училища.

Къ счастью, Галламъ не принималъ участія ни въ играхъ, ни въ сильныхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, которыя въ такой модѣ въ Итонѣ; вѣроятно, они еще болѣе усилили бы тотъ скрытый органическій порокъ, который положилъ конецъ его жизни въ 1833 году, когда ему шелъ всего 23-й годъ.

Во время нашихъ закусываній и прогулокъ вдвоемъ къ памятнику Грея, велись наши разговоры, часто переходившіе въ діалектическія состязанія. Напримѣръ, 14-го мая 1826 года я нахожу слѣдующее въ моемъ дневникѣ: „Жестокая аргументація съ Галламомъ, какъ обыкновенно по воскресеньямъ, о догматахъ, вѣроисповѣданіяхъ и т. д. Мнѣ теперь трудно понять какъ это онъ могъ переносить меня? Я не только стоялъ ниже его по знаніямъ и дару слова, но мой умъ

былъ прямо „заперть, замкнуть и ограниченъ“ („cabined, cribbed, confined“) нетерпимостью.

Я былъ воспитанъ въ направленіи, которое тогда называлось „евангелическимъ“. Направленіе это, — долженъ прибавить, — въ другихъ отношеніяхъ породило много добра, но въ то время оно отличалось сильною нетерпимостью.

При обширности и развитіи его ума, лишь его великодушная снисходительность извиняла множество моихъ погрѣшностей. Галламъ умѣлъ понимать другихъ и прощать великодушно даже нетерпимость. Но, конечно, это было одно изъ преждевременныхъ качествъ, ибо оно является обыкновенно плодомъ зрѣлыхъ лѣтъ.

Съ годами мы становимся менѣе производительны, но, какъ бы въ возмездіе, даже обыденный умъ развивается въ своемъ обществѣ съ людьми. Мы учимся и стараемся извлекать изъ каждаго отдѣльнаго лица все то, что оно способно намъ дать.

Бывшій Дублинскій епископъ Whately говорилъ, что онъ можетъ вести знакомства съ товарищами, далеко уступающими ему во всѣхъ отношеніяхъ, употребляя ихъ умы какъ наковальню, на которой онъ выковывалъ свои мысли. При своей нравственной благосклонности, Артуръ Галламъ, сталъ

мастеромъ своего дѣла въ этомъ же искусствѣ. Перечитывая его письма, я нахожу что онъ умѣлъ извлекать пользу и изъ такихъ которые уступали даже мнѣ. Я нарочно вставляю эти послѣднія слова. Во мнѣ нѣтъ напускного смиренія, которое могло бы быть заподозрѣно при настоящихъ моихъ замѣчаніяхъ.

Въ томиѣ, отпечатанномъ въ 1830 году который у меня еще сохранился и подаренъ мнѣ былъ самимъ авторомъ, помѣшено стихотвореніи „Отрывки думъ“, посвященное „моему сердечному другу“. Въ этомъ стихотвореніи указывается на сродство, даже тождество духа обоихъ друзей. Имени не выставлено; но внутренняя очевидность позволяетъ легко узнать подразумѣваемаго друга. Въ этомъ стихотвореніи находятся строки, относящіяся къ нашей продолжительной разлукѣ.

Общею связью между всѣми мало-мальски одаренными учениками въ Итонѣ былъ кружокъ занимавшійся преніями о всѣхъ незапрещенныхъ предметахъ, о которыхъ я уже упоминалъ, и который былъ извѣстенъ подъ именемъ „Общества“. Подобныя общества въ школахъ теперь очень распространены; но во время основанія именно этого кружка, въ 1811 году, онъ былъ новинкой. Въ продолженіи своего существованія, онъ подарилъ

Англии ни болѣе, ни менѣе какъ четырехъ первыхъ министровъ.

Когда Артуръ Галламъ состоялъ его членомъ, къ нему примкнулъ и Мильнесъ Госкелль (Milnes Goskell). У этого юноши были политическія способности, которыя сдѣлались его отличительною чертой и доставили ему дружбу такого человѣка какъ Каннингъ.

Каннингъ былъ выдающимся свѣтиломъ двадцатыхъ годовъ.

Госкелль засталъ наше „Общество“ если не совсѣмъ умирающимъ, то какъ бы въ летаргіи, предшествующей смерти; но онъ своею энергіей и своимъ упорствомъ вдохнулъ жизнь въ каждую жилочку умирающаго Общества и открылъ предъ Артуромъ Галламомъ достойное поле, на которомъ тотъ могъ подвизаться и развивать свое краснорѣчіе и свои мысли. Эти мысли всегда были умѣренные, но просвѣщенные и жизненные, проникнутыя традиціоннымъ вигизмомъ.

Я уже сказалъ, что намъ не позволялось разсуждать о какихъ-либо событіяхъ, которымъ не минуло еще 50 лѣтъ. Припоминаю по этому поводу ворчаніе нашего знаменитаго доктора Китъ (Dr Keate), когда мы касались исторіи Индіи временъ Уорренъ Гестингса (Warren Hastings.) Вопросъ этотъ лежалъ на самой межѣ запретнаго времени. Но Гос-

келль всегда умѣлъ выпутаться. У него была тѣсная, но уютная квартира въ частномъ домѣ, гдѣ жилъ его наставникъ. Въ комнатѣ Госкелля насъ сходились четверо или пятеро, и мы безъ всякаго стѣсненія разбирали вопросы современной политики. Здѣсь мы безпрепятственно забавлялись спорами между Питтомъ и Фоксомъ. Мы были, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ по большей части, сторонниками эмансипаціи римско-католиковъ и предварительныхъ мѣръ къ свободной торговлѣ (Free trade).

Жизнь Артура Галлама въ итогѣ была, безъ сомнѣнія, весьма счастливой. Онъ наслаждался трудомъ, хотя и цѣнилъ свѣтскую жизнь, а отъ игръ, не доставлявшихъ ему удовольствія, онъ просто отказывался. Его характеръ былъ тѣмъ рѣдкимъ созданіемъ, которое можно было бы назвать *anima naturaliter christiana*. Во все это время способности его быстро развивались. Онъ читалъ много и, хотя и поверхностно, все-таки удивительно быстро. Онъ отъ души признавалъ республиканское равенство, издавна водворившееся въ англійскихъ общественныхъ школахъ и охотно подчинялся ему. Наше равенство было очень строго. Между нами было множество мальчиковъ съ титулами, но горе тому кто вздумалъ бы, въ силу своего имени, будь онъ даже герцогомъ, пользоваться

какими бы то ни было привилегіями. Мы иногда говорили между собою, что нашъ главный наставникъ Mr. Keate ихъ побалаываетъ; но никто изъ насъ этому серьезно, кажется не вѣрилъ. Счастливое то было бы время и лѣто, еслибы всѣ мы походили на Артура Галлама. И все же онъ носилъ уже тогда на себѣ легкій, но знаменательный знакъ роковой своей ранней кончины. Онъ проводилъ время, предназначенное главнымъ образомъ для отдыха, въ своей комнатѣ за книгой, упражняясь въ прозѣ, или въ стихахъ. Мнѣ случалось видѣть его въ концѣ такого междучасія, и всегда у него былъ яркій, чахоточный румянецъ на щекахъ, доходившій почти до самыхъ глазъ.

Отецъ Галлама, будучи самъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ питомцевъ Оксфорда, послалъ сына своего, тѣмъ не менѣе, въ Кембриджъ. Математическія науки въ этомъ славномъ университетѣ тогда основывались на геометрической методѣ, которая вскорѣ замѣнилась аналитическою. Этою великою наукой тогда занимались при условіяхъ давно канувшихъ въ вѣчность, которыя были немного тираничны въ отношеніи другихъ отраслей мышленія: студентамъ, не имѣвшимъ еще ученой степени, не позволялось добиваться главныхъ отличій по классическому образованію, если они не достигали прежде извѣст-

ныхъ степеней по математикѣ. Но эти степени были такъ высоки, что требовали несомнѣнныхъ обширныхъ знаній и способностей. Артуръ Галламъ, говоря о своемъ сынѣ, выражаетъ сожалѣніе о томъ „что онъ никогда не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на математическія науки“, и все-таки прибавляетъ „у него навѣрное есть возможность одолѣть правила геометрическихъ трудностей“. И дѣйствительно, было бы смѣло утверждать въ отношеніи Артура Галлама, что у него не достаетъ способностей къ чему бы то ни было: въ письмахъ его ко мнѣ, писанныхъ во время и послѣ Итонскаго періода, я нахожу трогательныя жалобы на трудности, которыя онъ встрѣчалъ, занимаясь, напримѣръ, тригонометріей. Онъ постоянно возвращался къ этому предмету, но я приведу только отрывокъ изъ одного письма отъ 25 іюля 1828 года, въ которомъ онъ говоритъ: „Я мучился надъ Евклидомъ въ продолженіи послѣднихъ пяти лѣтъ и подвигаюсь, какъ извѣстная улитка, изъ нашего сборника ариѳметическихъ задачъ. Помнишь ты, какъ она наконецъ добралась до верху своей стѣны!“

Я твердо убѣжденъ, что будь Галламъ не въ Кембриджѣ, а въ Оксфордѣ, онъ достигъ бы высшихъ научнымъ степеней и, съ его развитіемъ философскихъ способностей, украсилъ бы своимъ именемъ исторію университета.

Но еслибъ онъ отправился въ Оксфордъ, онъ не узналъ бы Теннисона; по крайней мѣрѣ не узналъ бы его такъ близко, а свѣтъ не узрѣлъ бы знаменитаго *In Memoriam*, этого благороднѣйшаго памятника который когда либо воздвигался однимъ человѣкомъ другому.

Для каждаго одареннаго и воспріимчиваго юноши было бы дѣломъ рискованнымъ провести между Итономъ и Кембрижемъ восемь мѣсяцевъ или болѣе въ Италиі. Приспособленія къ передвиженію въ послѣднія 70 лѣтъ не только увеличились, но и измѣнились. Тогда мы ползли, теперь мы несемся. Когда Артуръ Галламъ со своею семьей отправился въ Италию, не существовало даже путевода-теля. Скоро послѣ этого мистриссъ Старкъ подъ эгидой Муррея (Murray) основала эту отрасль литературы и, въ предѣлахъ весьма скромнаго томика, очертила всѣ отдѣльныя части всего европейскаго континента. Но это только виѣшняя сторона дѣла. Посѣщеніе Италиі тогда олицетворяло верхъ вождельнѣйшаго молодого человѣка. Теперь же ему предоставляютъ съ полдюжины разныхъ длинныхъ путешествій.

Когда почта изъ Англіи до Рима шла 16 или 18 дней—каждая перемѣна лошадей была событіемъ. Молодой путешественникъ поневолѣ бралъ все что могъ изъ того что ему

доставалось такою высокою цѣной. Пейзажъ, исторія и новый языкъ только мелькаютъ предъ нами. Тогда люди пропитывались своими опытами къ Италіи, теперь они какъ бы только спрыснуты кропиломъ опытности. Итальянскіе пейзажи, искусство, языкъ, изучать который было и наслажденіемъ, и роскошью; превосходная литература Италіи; длинный рядъ ея славныхъ мужей, между которыми самъ Данте олицетворяетъ славу и цивилизацію цѣлаго народа; все это составляло многостороннюю силу, которая магически воздѣйствовала на умъ Артура Галлама. Я это хорошо зналъ, ибо мнѣ пришлось страдать отъ этого. Разстояніе между его развитіемъ и моимъ стало такимъ, что чрезъ него нельзя было подать другъ другу руку. Я тащился по избитой пыльной дорогѣ, тогда какъ онъ виталъ тамъ, на высотахъ, гдѣ жаворонокъ, заливаясь пѣсней, утопаетъ близъ солнца.

Онъ самъ сознавалъ ту великую необыкновенную силу, съ которою Италія повліяла на него. Въ іюлѣ 1823 года онъ писалъ мнѣ слѣдующее: „Кажется, я сильно измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ видѣлъ тебя въ послѣдній разъ. Я прильнулъ жадно къ чашѣ жизни и пилъ изъ нея странную смѣсь сладости съ горечью. Всему этому слѣдовало бы совершиться послѣ моего трехлѣтняго пребыванія

въ университетѣ, а не до него. Но теперь ничто не можетъ уничтожить этихъ впечатлѣній, а мнѣ остается только идти далѣе по пути, который для меня былъ намѣченъ. У меня, кажется, нѣтъ отвращенія къ ученію, напротивъ, хотя мои понятія о существенномъ не совсѣмъ сходятся съ понятіями священнодѣйствующихъ господъ въ Кембриджѣ“.

Я не пытался воспроизвести изъ чудной статьи его отца отъ 1854 года короткія и простыя данныя жизни Ар. Галлама. Пусть эта статья остается нетронутою. Еще болѣе грѣшно было бы мнѣ затемнять своими воспоминаніями великолѣпные стихи *In Memoriam*, которые уже причислены къ литературнымъ сокровищамъ нашего народа. Я вижу, что могу питать только одну слабую надежду: освѣтить немногими косвенными лучами этотъ глубоко прекрасный характеръ. Какъ сильно я чувствую обаяніе этой удивительной натуры, видно изъ того, что чувство мое сохранилось живымъ и сильнымъ съ минуты смерти Артура черезъ всѣ эти 60 лѣтъ со всѣми ихъ тревоженіями и заботами.

Артуръ Галламъ доказалъ свои выдающіяся способности съ раннихъ лѣтъ: на пятнадцатомъ году онъ перевелъ Уголино Данте латинскими ямбами и, когда ему еще не было 18 лѣтъ онъ писалъ итальянскія сонеты,

которыя были до того закончены что Signor Antonio Panizzi, — знатокъ, — увѣряетъ, что ихъ не отличишь отъ произведеній природныхъ итальянцевъ.

Въ его дни система воспитанія въ Итонѣ не прибѣгала къ тѣмъ стимуламъ соревнованія, какъ это теперь дѣлается повсемѣстно въ Англіи. Эти стимулы отчасти служатъ доказательствомъ нашего вырожденія и отклоненія отъ знамени безкорыстной любви къ наукѣ.

Каждый безпристрастный судья объявилъ бы Галлама лучшимъ воспитанникомъ всей школы, въ которой было до 500 человѣкъ, хотя, благодаря математикѣ, онъ не получилъ научныхъ степеней въ университетѣ.

Въ этомъ мірѣ существуетъ одинъ Criterium для оцѣнки превосходства — сила творчества. А относительно творчества Артура Галлама сомнѣній не могло быть.

Оставивъ университетъ, онъ занялся, по желанію своего отца, изученіемъ права. Но изученіе права такъ же мало удовлетворяло его душу, какъ и геометрія.

Онъ любилъ матафизику изъ за ея нравственной стороны. Онъ былъ постояннымъ служителемъ правды и красоты.

Онъ посвятилъ себя этой службѣ, потому что правда и красота суть Богомъ данныя поддержки человѣческой души. Онъ былъ искони проникнутъ горячимъ и глубокимъ благоговѣніемъ къ Богу.

И это приводит меня къ моему заключенію. Когда осенью 1833 года дошла до насъ вѣсть о его внезапной кончинѣ въ Вѣнѣ, во время путешествія со своимъ отцомъ, я почувствовалъ не только, что потерялъ дорогого друга, но что погасъ великій свѣточъ.

Тѣ, которые прочтутъ „Theodicoea Novissima“, отпечатанную между прочими посмертными произведеніями Артура Галлама, будутъ въ состояніи понять, на чемъ я основываю свое убѣжденіе.

Преобладающею ноткою въ нашъ вѣкъ было: «Устраненіе преградъ». Лозунгомъ поколѣнія было: «Развяжите мнѣ руки» (Unhand me). Эмансипація и освобожденіе сдѣлали свое дѣло по всѣмъ направленіямъ. У нашего вѣка было сильное проявленіе внѣшней энергіи, которое было не безъ разлагающихъ процессовъ.

Мы освобождены отъ незаконнаго, — а иногда и законнаго, отъ произвольнаго, — но иногда и благотворнаго контроля. Я не буду вдаваться здѣсь въ эти вопросы. Но такъ какъ бесспорно существуетъ соотношеніе между свободой воли и разрушеніемъ нравственнаго міра, то такъ же ясно, что большое и внезапное увеличеніе свободы въ тысячѣ формахъ ставитъ подъ усиленное напряженіе вѣсы, уравнивающіе человѣчество и въ поведеніи, и въ мышленіи, —

и я никогда не встрѣчалъ на своемъ вѣку человѣка, который казался бы мнѣ столь одареннымъ всѣми многочисленными и разнородными способностями, какъ именно Артуръ Галламъ. Нашему вѣку суждено было быть вѣкомъ чуткимъ, вѣкомъ требовательнымъ, вѣкомъ стоящимъ за свои права. Чтобъ имѣть дѣло съ этимъ вѣкомъ, снискать его симпатіи и его довѣріе, нужно было сочетать въ себѣ извѣстную широту взгляда съ мужествомъ, твердость съ мягкостью.

Способъ дѣйствій, котораго требуетъ нашъ вѣкъ, могъ быть примѣненъ только къ нему человѣкомъ, обладающимъ неограниченнымъ богатствомъ живыхъ симпатій, вмѣстѣ съ тончайшею прозорливостью и тактомъ, который отличаетъ и отдѣляетъ драгоцѣнное отъ негоднаго.

Итакъ, смерть Галлама была горькою и — говоря по — человѣчеству — невозвратною потерей. Но Онъ, отозвавшій его, сотворилъ его; а Тотъ, Кто сотворилъ его, можетъ замѣстить его.

Но возвратимся къ молодости самого Гладстона. Нѣкоторые изъ друзей Гладстона составляли плотный кружокъ, выдѣлявшійся своимъ трудолюбіемъ и серьезностью; въ бласное время самымъ усерднымъ образомъ зубрили свои уроки и писали вирши, а въ свободное занимались классической и англій-

ской литературой, исторіей. За такое выдѣленіе себя изъ общей массы на нихъ сначала смотрѣли немного косо, называли ихъ благочестивыми, зубрилами и т. п., но съ теченіемъ времени, когда группа начала проявлять серьезные таланты дарованія, къ ней стали относиться все съ большимъ и большимъ уваженіемъ.

Напримѣръ Гладстонъ, сдѣлавшись членомъ клуба въ октябрѣ 1825 г., очень скоро приобрѣлъ тамъ такой вѣсъ, внесъ въ него столько жизни и содержанія, что былъ выбранъ предсѣдателемъ. Первую свою рѣчь въ этомъ собраніи, да и вообще первую публичную рѣчь Гладстонъ началъ довольно характерно для цѣлаго океана словъ, сказанныхъ имъ послѣ этого втеченіе своей 60-ти лѣтней парламентской дѣятельности. Это была рѣчь на тему: „Полезно ли образованіе для бѣдныхъ“ и начиналось такъ— „Серъ, въ нашъ вѣкъ распространенной и распространяющейся цивилизаціи“... Во время дебатовъ по другимъ вопросамъ онъ защищаетъ метафизику противъ математики и аристократію противъ демократіи; протестуетъ противъ обезоруженія шотландскихъ горцевъ и сознается въ своей антипатіи къ французамъ.... Тамъ же обсуждаются вопросы о казни Стаффорда, французской революціи, низложеніе Ричарда II, „Contrat So-

сiаl“ Руссо и т. п. Начальство никогда въ клубъ не вмѣшивалось, запрещалось только заниматься текущей политикой. Но одинъ разъ д-ръ Китъ высказалъ свою косвенную похвалу Гладстону въ формѣ замѣчанія, что ему-бы очень хотѣлось послушать хоть одну его рѣчь въ клубѣ и онъ увѣренъ, что „услышалъ бы что нибудь интересное“. И дѣйствительно, по общему отзыву очевидцевъ, до Гладстона клубъ страдалъ отсутствіемъ содержанія, а послѣ его выхода изъ школы слава объ Итонскомъ клубѣ разнеслась далеко за предѣлы ея.

Въ 1827 г. у той же группы явилась мысль издавать свой ежемѣсячный журналъ, подобный тѣмъ, какіе нѣсколько лѣтъ тому назадъ издавались въ Итонѣ, напр. будущимъ министромъ Каннингомъ или еще позднѣе нѣкимъ М. Предомъ. Какъ тогда, такъ и теперь, понималось, что лучшія силы всей школы примутъ участіе въ этомъ изданіи, на выдающихся же ученикахъ высшаго класса лежала, такъ сказать, нравственная обязанность взять на себя починъ въ этомъ дѣлѣ. Такъ и было сдѣлано, и Гладстонъ подъ псевдонимомъ Бартоломея Бувери выбранъ былъ редакторомъ „Смѣси“, какъ назывался новый журналъ.

Въ іюнѣ 1827 года появился первый номеръ. Во вступленіи редакторъ говорилъ:

„Въ моемъ теперешнемъ предпріятіи есть одна пучина, въ которой я боюсь потонуть—это Лета; есть одинъ потокъ, который, я боюсь, мнѣ будетъ не по силамъ переплыть—это общественное мнѣніе“. Это конечно могло относиться къ журналу, но одинаково можетъ служить и пророчествомъ его собственного будущаго. Журналъ продолжалъ выходить регулярно до слѣдующаго декабря, и за эти семь мѣсяцевъ въ его семи довольно объемистыхъ книжкахъ средняго формата появилось не мало очень порядочныхъ статей, которыя и до сихъ поръ можно читать не безъ интереса.

Гладстонъ самъ писалъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ: прологи, эпилоги, руководящія статьи, историческія опыты, сатирическіе очерки, классическіе переводы и юмористическія стихотворенія. Въ стихотвореніи „Егіп“ онъ съ юношескимъ жаромъ порицаетъ вѣковое рабство Ирландіи. Въ статьѣ „Краснорѣчіе“ онъ между прочимъ говоритъ: „Успѣхъ первой рѣчи, предложеніе министерскаго портфеля, а тамъ можетъ быть и должности перваго министра—вотъ тѣ картины, вокругъ которыхъ любятъ носиться воображеніе молодого мечтателя“... (ему тогда было только 17 лѣтъ).

Далѣе имъ же было написано „Сравненіе геніевъ стараго и новаго времени“. Это ни-

что иное, какъ похвальная рѣчь въ память только что умершаго тогда Каннинга, едва ли не самое зрѣлое его произведеніе того времени, быть можетъ потому, что оно было продиктовано неподдѣльнымъ чувствомъ и касалось человѣка, котораго онъ хорошо зналъ и любилъ.

За три года до своей смерти Каннингъ прїѣзжалъ въ Итонъ отчасти навѣстить своего друга, а также и для того, чтобы посѣтить свою *alma mater*. На Гладстона этотъ визитъ произвелъ сильное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе что дружескій разговоръ опытнаго парламентскаго діалектика и оратора какъ будто нарочно былъ рассчитанъ на то, чтобы разжечь въ молодомъ человѣкѣ энтузіазмъ къ политической дѣятельности, заронить въ него сѣмя надежды на осуществленіе той части своихъ собственныхъ стремленій, которыхъ ему самому осуществить не удалось. Послѣ нѣкоторыхъ дружескихъ совѣтовъ на счетъ школьныхъ занятій, онъ сказалъ: „Скоро всеобщее царство парламентовъ заставитъ биться въ тактъ сердца всѣхъ народовъ и развяжетъ ихъ языки. Представь себѣ какой нибудь перувіанскій парламентъ, или новый ареопагъ въ Аѣинахъ, грековъ во фракахъ и бобровыхъ шапкахъ, или—Эпаминонда члена отъ Фивъ, Алкивіада, представителя отъ Аѣинъ и т. д. Все это кажется

такъ странно, а между тѣмъ все это будетъ и что еще страннѣе—англійскому министру придется сноситься не съ заносчивыми царедворцами нервныхъ королей, а съ самими народами“ и т. д. Потомъ рѣчь зашла о Байронѣ, который тогда только что умеръ. „Да, бѣдный Байронъ, сказалъ министръ, очевидно не принадлежавшій къ его поклонникамъ, — теперь его враги разсѣются“. Въ школѣ байронизмъ также не былъ въ модѣ и самъ Гладстонъ предпочиталъ ему Вальтеръ Скотта.

Чтобы покончить со „Смѣсью“, необходимо упомянуть еще о другіихъ вещахъ, вышедшихъ изъ подъ пера ея неутомимаго редактора — это во-первыхъ, „Видъ на Лету“, въ которой осмѣиваются всѣ посредственные писатели и косвенно порицается всякая критика, и во-вторыхъ, о загадочномъ стихотвореніи „Одѣ къ тѣни Ваттъ Тайлора“, извѣстнаго вождя крестьянскаго возстанія противъ потычинной подати въ 14 мѣ вѣкѣ, обманомъ обезглавленнаго королевскими слугами въ то время, когда король позвалъ его къ себѣ для объясненій въ качествѣ выборнаго отъ крестьянъ.

Это въ дѣйствительности сатира, но написана она настолько искренно и ловко, что многіе и тогда и впослѣдствіи принимали эту „Оду“ за дѣйствительное воспѣваніе бунтовщиковъ и бунта. Вслѣдъ за появленіемъ ея, на ав-

тора со всѣхъ сторонъ посыпался цѣлый градъ лестныхъ эпитетовъ, въ родѣ — „несчастный!“, „сумасшедшій!“, „позоръ для Итона!“, „неудачникъ!“, „выскачка!“ и т. п. которые всѣ конечно появились въ слѣдующемъ номерѣ журнала. Это былъ первый урокъ молодому политику силы общественнаго мнѣнія, хотя онъ и прежде всегда относился къ ней очень почтительно: „снисходительная публика“, „могущественная распредѣлительница славы“, и т. п.

Такъ какъ журналъ выходилъ регулярно каждый мѣсяць книжками въ 3—4 печатныхъ листа, добрую половину которыхъ писалъ самъ редакторъ, то, принявши во вниманіе бездну рукописей и корректуръ, которыя лежали на его отвѣтственности, остается удивляться, какъ 17 лѣтній мальчикъ могъ управляться со всѣмъ этимъ, не забывая и своей школьной работы. Здѣсь Гладстонъ въ первый разъ выказалъ свой замѣчательный организаторскій и административный талантъ и чудовищныя рабочія способности. По словамъ Фр. Дойля, который одинъ изъ всей компаніи оставался съ Гладстономъ въ Итонѣ въ это лѣто во время каникулъ, его отецъ, глядя на все это, тогда же предсказалъ, что этотъ человѣкъ далеко пойдетъ, „и не потому, прибавляетъ онъ, — что бы Гладстона статьи были много лучше, чѣмъ твои или

Галлама, дѣло не въ этомъ; но сила характера, которую онъ обнаружилъ въ управленіи своими подчиненными, и та комбинація способностей и силы, которую онъ выказалъ, убѣждаютъ меня, что такой молодой человекъ, непременно рано или поздно выдвинется“. Это было писано въ 1827 году.

Не даромъ также одинъ изъ біографовъ Гладстона замѣчаетъ, что не сдѣлайся онъ государственнымъ человекомъ, изъ него вышелъ бы замѣчательный редакторъ какой-нибудь крупной руководящей газеты. Быть выразителемъ и проводникомъ общественнаго мнѣнія большинства, очевидно, было призваніемъ этого человека, и Англія обязана этой повидимому жалкой Итонской школѣ и ея педагогическимъ пріемамъ тѣмъ, что этотъ громадный талантъ не загдохъ, не выродился вслѣдствіе ложнаго направленія во что нибудь уродливое, несамостоятельное, какъ могло бы быть при другихъ обстоятельствахъ, а развился до своей полной силы и осуществленія.

Хотя для Гладстона съ его способностями и репутаціей не представлялось никакихъ затрудненій прямо по окончаніи курса въ Итонѣ поступить въ Оксфордскій университетъ, но онъ предпочелъ сначала пополнить запасъ своихъ положительныхъ знаній частнымъ образомъ, и два года занимался съ д-ромъ Тернеромъ, будущимъ архіепископомъ

Калькутскимъ. Въ эти два года онъ успѣлъ выучиться всему тому, чему не научился въ школѣ, а главнымъ образомъ математикѣ, не только низшей, но и нѣкоторымъ отдѣламъ высшей, какъ дифференціальнымъ и интегральнымъ исчисленіямъ, коническимъ сѣченіямъ, механикѣ и т. д. Такимъ образомъ въ университетъ онъ вступилъ съ предварительной подготовкой, сейчасъ же получилъ стипендію въ 1,000 руб. въ годъ, въ которой совсѣмъ не нуждался, и попалъ въ одну изъ самыхъ лучшихъ коллегій.

Въ тогдашнемъ Оксфордѣ ученіемъ занимались уже гораздо больше, чѣмъ въ школѣ. Правда, и здѣсь была банда забулдыгъ, отличавшихся всевозможными ночными похождениями и державшихъ въ нѣкоторомъ подчиненіи смирную и работающую часть студентчества, — но общій тонъ былъ все-таки гораздо серьезнѣе. Кромѣ очень строгаго выпускного экзамена, всякій, кто хотѣлъ чего нибудь добиться, долженъ былъ готовиться и держать экзаменъ на преміи, состоящія напр. въ основательномъ знаніи 12-20 книгъ различныхъ греческихъ или римскихъ авторовъ. Окончательный же экзаменъ предназначался для того, чтобы убѣдиться не въ знакомствѣ, а въ основательномъ знаніи не только классической литературы и исторіи, но также и философій, логики, библіи, Св. Отцовъ и

всевозможныхъ тонкостей протестантской теологiи. Для всего этого полагалось три года, въ которые основательно постигнуть всю эту мудрость было далеко не легко.

Гладстонъ здѣсь, какъ и въ Итонѣ, занятія наукой считалъ своею первою обязанностью. Прилежный школьникъ превратился въ прилежнаго студента. Онъ работалъ не только усидчиво, но и педантически регулярно. Четыре часа утромъ, потомъ прогулка и 2-3 часа вечеромъ, передъ сномъ, а въ промежуткахъ находилъ время для товарищеской компаніи и даже не чуждался разныхъ ужиновъ и выпивокъ. Во время каникулъ у прилежныхъ студентовъ—въ средѣ которыхъ преимущественно и вращался Гладстонъ—было обыкновеніемъ группироваться въ кружки для чтенія и вмѣстѣ уѣзжать куданибудь въ деревню. Такъ разъ Гладстонъ въ 1830 г. проводилъ каникулы съ Маннингомъ, будущимъ кардиналомъ, Брюсомъ, будущимъ лордомъ Эльгиномъ, Гамильтономъ, впоследствии епископомъ въ Салисбюри, и другими.

Втеченіе всего своего университетскаго курса Гладстонъ пытался держать экзаменъ только на одну такъ называемую ирландскую премію и за другими отличіями не гнался.

Гладстонъ въ очень многихъ случаяхъ какъ въ Итонѣ, такъ и впоследствии проявлялъ замѣчательную добросовѣстность по отноше-

нію къ себѣ. Былъ напр. такой случай, что Гладстона подвергли обычному наказанію за непосѣщеніе воскресной службы. Въ церкви онъ долженъ былъ написать 100 строкъ латинскихъ виршей. Какъ это ни странно, но такое наказаніе практиковалось на студентахъ такъ часто, что установился обычай обходить его: студенты обыкновенно покупали эти стихи у надзирателя за 2½ шиллинга, а для этого въ свою очередь ихъ дѣлалъ его помощникъ за 1 шиллингъ, и всѣ оставались довольны. Теперь, когда стало извѣстно, что на Гладстона наложено взысканіе, къ нему въ комнату сейчасъ же явился надзиратель и принесъ ему положенныя 100 строкъ, рассчитывая получить свои 2½ шиллинга. Но каково же было его удивленіе, когда онъ услышалъ въ отвѣтъ: „О нѣтъ, мнѣ и самому не принесетъ никакого вреда написать ихъ“. И вирши дѣйствительно были очень скоро написаны. Такъ же добросовѣстенъ онъ всегда былъ и въ спорахъ. Онъ боролся съ противнымъ мнѣніемъ, по выраженію англичанъ, какъ корнулименъ (корнуэлецъ), но разъ его аргументы побиты логически, онъ добросовѣстно принимаетъ мнѣніе противника со всѣми его послѣдствіями и выводами и уже вполне отдается ему. Къ тому же еще нужно прибавить, что какъ истинный шотландецъ, онъ никогда не

понималъ шутки и все принималъ въ „серьезъ“. Ту же самую добросовѣстность къ себѣ самому мы видимъ позднѣе въ международной политикѣ Гладстона: онъ никогда не стѣсняется сознаться въ ошибкѣ или неправотѣ своего собственного отечества, чего ему никогда не могутъ простить извѣстнаго разряда патріоты, которые въ дипломатіи считаютъ дозволительными всѣ средства.

Но какъ ни много въ Оксфордѣ было обязательной работы, для Гладстона ея очевидно было мало. И вотъ онъ основалъ общество для писанія статей по разнымъ обязательнымъ предметамъ, которое называлось начальными буквами его имени. W. E. G. Самъ онъ, напримѣръ, читалъ въ эгомъ обществѣ свою обстоятельную статью о „Вѣрѣ Сократа въ безсмертіе“.

Наконецъ, было еще одно учрежденіе, которому Гладстонъ по своимъ склонностямъ и по прошлому опыту не могъ не отдать доброй части своего вниманія. Это Оксфордскій Union или студенческій парламентъ. Но прежде чѣмъ говорить о немъ, скажемъ нѣсколько словъ о настроеніи тогдашняго студенчества вообще.

Дѣло въ томъ, что время отъ 1828 до 1831 г. было въ Англіи самое тревожное: по всей странѣ шли волненія, народъ былъ недоволенъ и бѣденъ, партіи боролись, дис

сиденты требовали себѣ равныхъ правъ наравнѣ съ остальными гражданами Великобританіи; на парламентскую реформу смотрѣли какъ на всеобщую панацею и тѣмъ страстнѣе ея требовали. Это была, можно сказать, заря всѣхъ послѣдующихъ тревоженій XIX столѣтія, въ которыхъ Гладстону пришлось играть такую выдающуюся роль. А когда наконецъ въ 1829 г. Питтъ уравнялъ католиковъ и диссидентовъ въ политическихъ правахъ съ протестантами, онъ лишился довѣрія и аристократіи и долженъ былъ подать въ отставку. Такимъ образомъ къ борьбѣ партій и принциповъ присоединилась борьба личностей.

На университетѣ все это отражалось. Всѣ политическія и религіозныя партіи и теченія имѣли здѣсь своихъ представителей; даже среди профессоровъ разница во мнѣніяхъ была такъ велика, что у студентовъ считалось чуть не преступленіемъ пойти слушать профессора не своей партіи или не своей секты.

Господствующій духъ студентовъ былъ явно консервативный и аристократическій, хотя тогдашній консерватизмъ былъ не чета нынѣшнему холодному расчету выгоды. Это былъ еще нѣкотораго рода романтизмъ, идеализація прошлаго. Карлъ I въ глазахъ Оксфордской молодежи былъ святымъ мученикомъ

и вѣрность Стюартамъ, хотя и не имѣющая уже никакой практической почвы, продолжала еще вдохновлять и связывать золотую молодежь. Титулы и чистокровность породы признавались съ дѣтскою наивною, и политическое и духовное управленіе страной считалось природнымъ правомъ немногихъ избранныхъ, посягательство на которое со стороны народа инстинктивно вызывало въ въ юношествѣ внутреннюю бурю негодованія и омерзенія.

Однакоже среди тѣхъ же студентовъ были и радикалы, хранившіе у себя въ комнатахъ въ знакъ особаго мужества модель французской гильотины или республиканскую эмблему изъ треугольниковъ и т. п.

Можно себѣ поэтому представить, что должно было происходить въ Оксфордскомъ парламентѣ. Хотя къ чести англичанъ надо сказать, что они и тутъ съумѣли избѣжать скандальной безпорядочности, которой они вообще боятся больше всего на свѣтѣ. Всѣ партіи обыкновенно имѣли свои особые собранія и въ Union являлись уже приготовленные отряды съ полководцами во главѣ, между которыми и происходили страстно сдержанные турниры, причемъ вся остальная публика лишь высказывала свое одобреніе или порицаніе и подавала голоса за и противъ. Самые дебаты велись по всѣмъ

правиламъ искусства, какъ въ настоящемъ парламентѣ, подѣ руководствомъ испытаннаго своей безпристрастностью и знаніемъ обычаевъ предсѣдателя, съ предложеніями, поправками, резолюціями, вотировками и т. п. Словомъ, это была уже не начальная школа политической дѣятельности, а настоящая репетиція парламента въ маломъ видѣ.

Гладстонъ былъ кандидатомъ въ Union конечно съ самаго его пріѣзда въ Оксфордъ. Но поступленіе въ члены Union было обставлено такими формальностями, что въ первое полугодіе ему только въ видѣ особаго исключенія было позволено присутствовать при диспутѣ съ депутаціей отъ Кембриджа о сравнительныхъ достоинствахъ Байрона и Шелли. При этомъ, между прочимъ, слѣдуетъ замѣтить, что въ запискахъ одного изъ членовъ этой депутаціи сдѣлано такое замѣчаніе: „изъ всѣхъ оксфордцевъ меня особенно поразилъ младшій Гладстонъ, какъ личность вообще выдающаяся“...

Не далѣе какъ во второе полугодіе онъ произнесъ замѣчательную рѣчь и былъ выбранъ секретаремъ Union'a, а въ третье полугодіе онъ уже занималъ предсѣдательское кресло, и руководилъ преніями съ искусствомъ опытнаго эксперта. Ему тогда было едва 20 лѣтъ. Среди политическихъ партій Оксфорда онъ сразу занялъ выдающееся мѣсто между

консерваторами и его самая знаменитая рѣчь, произнесенная въ апрѣлѣ 1831 г., т. е. только за годъ до его выбора въ настоящій парламентъ, была направлена противъ вигскаго билля о реформѣ. Когда онъ окончилъ эту рѣчь, въ которой доказывалъ, что „реформа поведетъ къ измѣненію формы правленія и поколеблетъ самое основаніе общественнаго порядка“, — эффектъ былъ такъ силенъ, что одни тотчасъ же перешли съ лѣвой (вигской) стороны «палаты» на правую (торійскую), убѣжденные доводами оратора; другіе почувствовали, по ихъ собственнымъ словамъ, что предъ ними стоитъ будущій первый министръ Англіи, а третьи наконецъ, какъ, напримѣръ, сынъ герцога Ньюкастльскаго, — писалъ своему отцу въ восторгѣ: «человѣкъ родился во Израилѣ!» и результатомъ этого невольнаго восклицанія была постановка герцогомъ Ньюкастльскимъ кандидатуры Гладстона въ слѣдующемъ же году въ своемъ округѣ.

Товарищи Гладстона по университету такъ описываютъ его тогдашнія побѣды на трибунѣ: «Обыкновенно онъ начиналъ свою рѣчь очень быстро и энергично и выдерживалъ этотъ тонъ атакующаго бойца до конца. Если кто-нибудь вставлялъ въ его рѣчь свое замѣчаніе, онъ или тотчасъ же отвѣчалъ на него, не прерывая нити своей рѣчи, или же

круто оборачивался и обрушивался на противника со всею силою своей энергіи и аргументовъ — и обыкновенно побѣждалъ. Этому, правда, немало способствовалъ его музыкальный баритонъ съ примѣсю шотландской гортанности, и его очень симпатичная наружность».

Здѣсь кстати сказать, что за все время существованія Оксфордскаго парламента предсѣдателями его были люди, игравшіе потомъ выдающуюся роль въ той или другой отрасли общественной жизни. Въ одномъ изъ кабинетовъ Гладстона впослѣдствіе было ни больше ни меньше какъ семь бывшихъ предсѣдателей Union. Одинъ извѣстный писатель отзывался въ 1834 году объ этомъ учрежденіи такимъ образомъ:

„Трудно назвать другое какое нибудь учрежденіе въ Оксфордѣ, которое приносило бы студентамъ такъ много пользы, какъ это общество, возбуждая вкусъ къ ученію и къ чтенію вообще. Оно давало возможность имѣть не только школу краснорѣчія предъ публикой для тѣхъ, кто готовится быть юристомъ или проповѣдникомъ, или политическимъ дѣятелемъ, но и арену, на которой можно было бы примѣнять свои разнообразныя знанія; оно собирало вмѣстѣ всѣхъ выдающихся молодыхъ людей всего университета и, наконецъ, имѣло большое вліяніе на

общій тонъ всего университета. Въ связи съ нимъ находилась довольно хорошая бібліотека, пополнявшаяся исключительно по усмотрѣнію и выбору членовъ общества“...

На товарищѣй своихъ Гладстонъ имѣлъ большое вліяніе и вообще пользовался ихъ уваженіемъ. Даже буйная банда, которую онъ открыто порицалъ и которой никто не смѣлъ безнаказанно сопротивляться, его не трогала. Изъ среды же сочувствовавшихъ ему товарищѣй объ немъ отзывались напр. такимъ образомъ: „Право, можно подумать, что Гладстонъ взялся дѣлать за насъ все „думанье“; бѣда только въ томъ, что когда ему приходитъ въ голову какая-нибудь новая мысль, онъ требуетъ отъ насъ, чтобы мы такъ же восхищались ею, какъ онъ самъ“. Это замѣчаніе ясно указываетъ, въ чемъ заключалась главная причина его вліянія на товарищѣй, его обаянія — это необыкновенная энергія его мысли, которою онъ всегда отличался и впослѣдствіи. Въ то время, какъ другіе готовы были въ свободное отъ занятій время искать отдыха въ развлеченіяхъ, не требующихъ умственной работы, или наконецъ просто въ ничего недѣланья, голова Гладстона всегда работала и, вступая въ споръ, онъ не давалъ своему протівнику ни минуты отдыха до тѣхъ поръ, пока онъ не признаетъ себя побѣжденнымъ, или просто

не замолчить. А кому же неизвестно, что энергія, какъ и смѣлость, „города беретъ“. Но конечно одной энергіи для вождя мало, необходимо чтобы его мнѣнія были зрѣлы, стойки и убѣдительны. Но и въ этомъ не было недостатка въ молодомъ Гладстонѣ. Другой его товарищъ писалъ о немъ:

„Гладстонъ ненавидитъ компромиссы, какъ уступки злу въ ущербъ добру. Какъ только онъ сдѣлалъ уступку, внутри его начинается борьба со своею безпокойною совѣстью, допрашивающею его, правъ ли онъ былъ нравственно, поступая такимъ образомъ? Его огорчаетъ не то, что онъ побить, а то, что онъ не съумѣлъ убѣдить тѣхъ, которые считаютъ его своимъ другомъ и предоставляютъ ему руководить собою“.

Очевидно, склонности и привычки политическаго вождя—но не демагога, какъ многіе понимаютъ это слово—отвѣтственнаго предводителя многихъ, поручившихъ ему рѣшать за себя политическіе вопросы минуты, нравственно отвѣтственнаго за исходъ избраннаго имъ пути и болѣющаго за всякую ошибку больше, чѣмъ кто нибудь изъ его послѣдователей,—обнаружились въ немъ очень рано и окончательно окрѣпли уже во время его длинной и для поверхностнаго взгляда перемѣнчивой парламентской карьеры.

Не слѣдуетъ однакожь забывать еще од-

ной черты тогдашняго, а отчасти и теперешняго Оксфордскаго университета. Это — что онъ есть въ то же время и духовная академія, въ которой молодые люди приготовлялись какъ для управленія государствомъ, такъ и для занятія высшихъ духовныхъ должностей въ церкви. Поэтому понятно, что церковный духъ въ университетѣ былъ очень силенъ. Хотя извѣстное религіозное движеніе, поднятое въ 1833 г. въ Англіи Ньюманомъ, тогда еще и не началось, но тѣмъ не менѣе церковная партія съ своимъ сухимъ духомъ высокой обязательной нравственности господствовала надъ Оксфордомъ. На церковь тамъ смотрѣли какъ на божественное общество и главнѣйшее учрежденіе въ странѣ, преклоняясь предъ писаніями авторитетовъ церкви и съ ужасомъ произносили самое имя папизма. Увлекательнаго въ теологической метафизикѣ было мало, однакожъ, по словамъ наставниковъ Гладстона, въ университетѣ въ то время не находилось человѣка, который зналъ бы такъ хорошо библію, какъ онъ. Онъ былъ одинъ изъ немногихъ, которые позволяли себѣ ходить и слушать теологическія лекціи всѣхъ профессоровъ безъ различія толковъ, хотя и возмущался многими теоріями другихъ исповѣданій. Вѣрно также то, что при выходѣ изъ университета онъ просилъ у отца позво-

ленія идти въ духовное званіе, на что тотъ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ, и далѣе— что во всю долгую жизнь Гладстона до самаго послѣдняго времени теологическіе и церковные вопросы обладали для него какой-то особенной привлекательностью, вызывали въ немъ всего больше энергіи и инициативы, при какихъ бы обстоятельствахъ они не возникали, какъ бы онъ по видимому не былъ занятъ гораздо болѣе важными практическими и государственными дѣлами. Все откладывалось въ сторону и государственный человѣкъ, вождь прогрессивной партіи, первый министръ въ государствѣ, превращался въ ученаго теолога, церковнаго человѣка который ставитъ разрѣшеніе какого нибудь вопроса, напр. о разводѣ, или о пособіи католической семинаріи въ Ирландіи выше всего остального и останавливаетъ изъ за этого всю государственную машину.

Что касается до вліянія Оксфорда на умственный складъ Гладстона, то ему нужно приписать его всегдашнюю слабость къ діалектическимъ разграниченіямъ близкихъ понятій и стремленіе выражаться какъ можно точнѣе, до педантизма, какъ напр. въ приведенной выше фразѣ его: „Въ нашъ вѣкъ распространившейся и распространяющейся цивилизаціи“, что дѣлало его реторику подчасъ очень сложной. А вотъ какъ самъ Глад-

стонъ въ послѣдствіи отзывался объ умственной атмосферѣ, окружавшей его въ Оксфордѣ:

„Оглядываясь назадъ, я нахожу, что оксфордское образованіе моего времени страдало однимъ крупнымъ недостаткомъ. Быть можетъ въ этомъ моя собственная вина, но необходимо сказать, что будучи въ Оксфордѣ, я не научился тому, чему выучила меня послѣдующая жизнь, а именно—придавать должную цѣну неразрушимымъ и неопѣненнымъ принципамъ человѣческой свободы. Мнѣ кажется въ академическихъ кружкахъ того времени господствовало по отношенію къ народу и свободѣ чувство ревности и даже нѣкотораго страха... Жизнь же научила меня питать къ народу довѣріе, ограничиваемое лишь благоразуміемъ“.

Окончилъ свое университетское поприще Гладстонъ въ 1832 г. блестящимъ выпускнымъ экзаменомъ, за который получилъ двойную высшую награду, которая выдается только одному кандидату каждаго выпуска и при томъ съ большимъ трудомъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ избранъ уже народнымъ представителемъ въ парламентъ, гдѣ развилась и завершилась его славная карьера великаго государственнаго дѣятеля.

О Г Л А В Л Е Н І Е

Стан.

1. Предисловіе	3
2. Глава I. Оксфордскій и Кембриджскій университеты и ихъ организація	5
3. Глава II. Условія жизни въ старыхъ университетахъ Англіи.	25
4. Глава III. Жизнь студентовъ англійскихъ университетовъ и ея различіе отъ таковой же на континентѣ. .	55
5. Глава IV. Физическое воспитаніе, какъ фундаментъ воспитанія нравственнаго въ Англіи	80
6. Глава V. Распространеніе университетскаго образованія и народные университеты.	93
7. Глава VI. Университетскія колоніи „Тойнби-Холль“	129
8. Прочіе университеты Соединеннаго Королевства	150

9. Адамъ Смитъ	160
10. Годы юности Уилльяма Питта . .	174
11. Студенческіе годы Байрона	185
12. Молодость Карлейля	194
13. Молодость Гладстона	202
14. Объявленія.	

Подъ тою же редакціей печатаются:

УНИВЕРСИТЕТЫ ГЕРМАНИИ
и
ГОДЫ СТУДЕНЧЕСТВА
ЕЯ
ЗНАМЕНИТЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Готовятся къ печати:
УНИВЕРСИТЕТЫ ФРАНЦИИ, ШВЕЙЦАРИИ,
ИСПАНИИ, ИТАЛИИ, ДАНИИ, СЪВЕРНОЙ
АМЕРИКИ и другихъ странъ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

Общества распространения полезныхъ книгъ

имѣть въ продажѣ всѣ учебныя книги въ переплетахъ и безъ оныхъ; дешевыя народныя и дѣтскія книги въ красивыхъ папкахъ и коленкорovýchъ съ золотыми оттисками переплетахъ.

При требованіи или покупкѣ книгъ изданія Общества на 10 р. дѣлается уступка 20% , на 100 р. и болѣе 25% уступки, съ учебныхъ народныхъ и дѣтскихъ книгъ другихъ изданій 10 и 15% , кромѣ изданій Синодальной типографіи, которыя высылаются безъ уступки.

Заказы исполняются за наличныя деньги или переводомъ платежа на одну изъ транспортныхъ конторъ. Казенныя и общественныя учрежденія могутъ высылать при заказахъ половинную часть денегъ по приблизительному расчету, остальные же по полученіи заказа и счета. По заказамъ книги высылаются въ переплетахъ цѣною въ коленкоровомъ корешкѣ по 10 к., въ кожаномъ корешкѣ съ золотымъ оттискомъ по 15 к. за экземпляръ.

Пересылка на счетъ покупателя.

ЗАКАЗЫ ИСПОЛНЯЮТСЯ СКОРО И АККУРАТНО.

Требованія адресовать: въ Книжный Магазинъ Общества Распространенія Полезныхъ книгъ.

Москва, Кузнецкій мостъ, пассажъ бр. Джамгаровыхъ, бывш. Попова.

ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ НОВАЯ КНИГА:

ВОСПОМИНАНІЯ

О

СТУДЕНЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

В. О. Ключескаго, Н. М. Обнинскаго,
Д. Н. Свербеева, С. М. Соловьева,
А. И. Кирпичникова, В. А. Гольцева,
Ю. И. Буслаева, и др.

Цѣна 1 руб.

БИБЛИОТЕЧКИ

по 1 руб.

Общество распространения полезных книгъ, имѣя постоянную заботу о предоставленіи полезнаго и нравственнаго чтенія народу и дѣтямъ, приступило къ составленію цѣлаго ряда библиотечекъ изъ книгъ разныхъ издателей, исключительно внесенныхъ въ каталогъ Мин. Нар. Просвѣщ.

БИБЛИОТЕЧКИ СОСТАВЛЕНЫ ПО СЛѢДУЮЩИМЪ ОТДѢЛАМЪ:

- I. Духовно-нравственнаго содерж.
- II. Описаніе святыхъ обителей.
- III. Жизнеописаніе замѣчат. людей.
- IV. Историческіе рассказы.
- V. Рассказы изъ путеш. „географіи“.
- VI. Повѣсти и рассказы.
- VII. Полезныя свѣдѣнія по гигиенѣ.
- VIII. Полезн. свѣд. по сельск. хоз.
- IX. Разныя полезныя свѣдѣнія.
- X. Рассказы изъ военнаго быта.

Всѣхъ библиотечекъ имѣется въ продажѣ болѣе 30 разнаго содержанія.

Библиотечки эти могутъ служить хорошимъ и полезнымъ подаркомъ для школъ, училищъ, народныхъ бесплатныхъ читаленъ, больницъ, тюремъ и проч..

О НАРОДАХЪ РОССІИ

подъ редакціей Н. Н. Харузина.

Для ознакомленія народа и дѣтей съ бытомъ народовъ, засѣляющихъ родную намъ Россію, Обществомъ приступлено къ изданію цѣлой серіи дешевыхъ книжекъ подъ общимъ названіемъ

„НАРОДЫ РОССІИ“.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

Остяни. Соч. Д. Турсаго, цѣна 6 к.

Якуты. Соч. К. Сергѣева, цѣна 3 к.

Вотяки. Соч. В. Х., цѣна 5 к.

Осетины. Соч. Н. Ж., цѣна 6 к.

Готовятся къ печати:

Самоѣды.

Лопари.

Мордва.

Черемисы.

Финляндцы.

Эсты.

Чуваши.

Башкиры.

Киргизы.

Туркмены.

Буряты.

Калмыки.

Тунгусы.

Гиляки.

Армяне.

Грузины.

Крымск. татары.

Алтайск. инород.

Русск. крестьяне
на Сѣверѣ.

ИЗДАНИЯ

ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНІЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ:

КНИГИ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО СОДЕРЖАНІЯ.

Преподобный Сергій и Троицкая Лавра	ц.	5	к.
Афонская гора.	»	5	»
Путешествіе въ Палестину.	»	5	»
Соловецкій Монастырь	»	5	»
Колоцкій Монастырь	»	5	»
Свв. Борисъ и Глѣбъ.	»	5	»
Князь Михаилъ Черниговскій	»	5	»
Филиппъ митрополитъ.	»	5	»
Св. Филаретъ Милостивый	»	5	»
Марія Египетская	»	5	»
Алексій Божій человекъ	»	5	»
Благочестивыя мысли и наставленія	»	5	»
Краткій духов. алфавитъ	»	5	»
Нѣсколько словъ о нищихъ	»	5	»
Патріархъ Гермогенъ	»	10	»
Житіе св. Климента Велическаго	»	10	»
Первомученикъ Архидіаконъ Стефанъ.	»	20	»
Начало и крещеніе Руси.	»	20	»
Князь Владиміръ Свѣтой	»	25	»
Святая Земля, съ картинами	»	25	»
Троицкая Лавра	»	25	»
Очерки Русской Церкви, Ладыженской.	»	80	»
Цари израильскіе	ц.	1	р. —
Священ. исторія ветх. завѣта, съ картинами	»	1	» 50
Воскресн. рассказы. Чтеніе для народа и дѣтей	»	1	» 50

О РИМСКОМЪ
КАТОЛИЦИЗМЪ
И ОТНОШЕНІЯХЪ ЕГО
КЪ ПРАВОСЛАВІЮ.

Соч. свящ. А. И. Иванова-Платонова
въ 2 част.; ц. 1 р. 90 к.

СОДЕРЖАНІЕ:

ЧАСТЬ I-я. Очеркъ исторіи, вѣроученія, богослуженія, внутренняго устройства римско-католической церкви и ея отношеній къ православному востоку.

ЧАСТЬ II-я. Очеркъ исторіи папства и разсмотрѣніе римскаго чтенія о папской власти.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИРЪ СВЯТОЙ

РАВНОАПОСТОЛЬНЫЙ.

Разсказъ изъ русской исторіи, сост. *Ю. Некрасовымъ*, съ картин.

Ц. 5 к.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВЪ І-й.

Ц. 10 к.

ДОПУЩЕНО Учен. Комит. Минист. Народ. Просвѣщ. въ учен. библиот. народ. училищъ.

БОРОДИНСКАЯ БИТВА

Разсказъ изъ русской исторіи, сост. *Е. Тихомировымъ*. Изд. 3-е.

Цѣна 10 к.

Учен. Комит. Министр. Народ. Просвѣщ. ОДОБРЕНА для город. и сельск. училищъ, для ученич. библиот. младш. классовъ средн. учебн. завед., мужск. и женскихъ, а равно включена въ каталогъ бесплатн. народн. читаленъ.

НЕВСКАЯ БИТВА И ЛЕДОВОЕ ПОБОИЩЕ.

ИСТОРИЧ. ОЧЕРКЪ
СЕРГѢЯ КРОТКОВА.

Цѣна 10 к.

ДОПУЩЕНА Учен. Комит. Минист. Народ. Просвѣщ. въ учен.
библ. народ. училищъ.

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА.

ИСТОРИЧ. ОЧЕРКЪ.
Сост. Е. Тихоміровымъ.

Цѣна 10 коп.

Учен. Комит. Минист. Народ. Просвѣщ. ОДОБРЕНА для биб-
ліотекъ начальн. сельск. училищъ и для город. училищъ,
а также для публич. народ. чтеній (1880 г.), ДОПУЩЕНА для
городскихъ и сельск. училищъ (1892 г.).

Включена въ каталогъ Минист. Народ. Просвѣщ.

Наша отечественная война 1812 года.

Соч. А. Архангельской 2-я. Ц. 10 к.

Учен. Ком. Минист. Народ. Просвѣщ. ДОПУЩЕНА въ учениче-
скія библіотеки народ. училищъ (1892 г.).

ВЕЛИКІЙ
ПЕЧАЛЬНИКЪ РУССКОЙ ЗЕМЛИ
СВ. ФИЛИППЪ,
МИТРОПОЛИТЪ МОСКОВСКІЙ.

Ист. рассказъ *А. Сизовой*. Ц. 10 коп.

ИЗБРАНІЕ
Михаила Θεодоровича Романова
НА ЦАРСТВО.

Соч. *Н. М. Дементьевой*. Цѣна 10 коп.

ДОБРЫЙ БОЯРИНЪ
СТАРАГО ВРЕМЕНИ.

Историч. карт XVII вѣка. *А. Сизовой*. Ц. 12 коп.

ИВАНЪ СУСАНИНЪ,

КАКЪ ОНЪ ПОЛОЖИЛЪ ЖИЗНЬ за ЦАРЯ.

Сост. В. Дорогобужиновъ.

Изд. 6-е. Ц. 10 коп.

Учен. Комит. Минист. Народ. Просвѣщ. РАЗРѢШЕНА для
библіотечекъ начальн. народ. училищъ (1873 г.).

Включена въ каталогъ Минист. Народ. Просвѣщ.

Мининъ и Пожарскій,

или освобожденіе Москвы отъ поляковъ
въ 1613 году.

Разсказъ изъ русской исторіи.

Сост. Е. Тихомірова.

Изд. 3-е. Ц. 20 к.

Учен. Комит. Минист. Народ. Просвѣщ. ДОПУЩЕНА для
город. и сельск. училищъ (1892 г.).

Включена въ каталогъ Минист. Народ. Просвѣщ.

В Е Р Б А.

Соч. А. Сизовой. Ц. 5 к.

ДОПУЩЕНО Учен. Комит. Минист. Народ. Просвѣщ. въ учен.
библіот. низшихъ училищъ.

ПОЛТАВСКИЙ БОЙ.

Историч. очеркъ. *Е. Тихомірова.*

Изд. 3-е. Ц. 10 коп.

Учен. Комит. Минист. Народ. Просвѣщ. ДОПУЩЕНО для
город. и сельск. училищъ (1892 г.).

ЕРМАКЪ ТИМОФѢВИЧЪ, ПОКОРИТЕЛЬ СИБИРИ.

Разсказъ изъ русской исторіи.

Составлено Е. Тихомировымъ.

Ц. 10 коп.

ГРАФИНЯ

Екатерина Ивановна

ГОЛОВКИНА.

Цѣна 15 коп.

3

Опытъ популярнаго изложенія
содержанія драматическихъ
произведеній Шекспира, съ
характеристикой дѣй-
ствующихъ лицъ.

СОСТАВЛЕНО
Н. КОЖЕВНИКОВОЙ.

В. ШЕКСПИРЪ.

ТРАГЕДИИ:

- 1) Ромео
и Джульетта,
2) Гамлетъ, 3) Мак-
бетъ, 4) Король Лиръ,
5) Отелло, 6) Коріо-
ланъ, 7) Юлій Цезарь,
8) Антоній и Клеопатра.

Съ 9 фототипіями, исполненными въ фото-
графіи Отто Ренаръ.

ДЪЛАТЕЛИ ЗОЛОТА.

Повѣсть Цшокке.

Цѣна 25 к.

Учен. Комит. Минист. Народ. Просвѣщ. ОДОБРЕНА въ библиот.
народ. училищъ (2-е изд.).

Включена въ каталогъ Минист. Народ. Просвѣщ.

КРОШКА МАМА.

РАЗСКАЗЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Г-ЖИ ПРЕСАНСЕ.

Цѣна 75 к.

РАЗСКАЗЫ

изъ древней исторіи Россіи.

Сост. въ стихахъ *Казадаевъ.*

Цѣна 90 коп.

ИЗДАНІЯ

ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНІЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ.

БІОГРАФІИ.

Г. Р. Державинъ	ц. 10 к.
И. А. Крыловъ	„ 10 „
Н. М. Карамзинъ	„ 10 „
В. А. Жуковскій	„ 10 „
А. С. Пушкинъ	„ 20 „
И. И. Лажечниковъ	„ 15 „
Мех.-самоучка Кулибинъ	„ 5 „
Иконописецъ Ступинъ	„ 5 „
Христофоръ Колумбъ	„ 10 „
Гайдень	„ 10 „
Паганини	„ 15 „
Франклинъ	„ 10 „
Давидъ Ливингстонъ	„ 10 „
Георгъ Стифенсонъ	„ 10 „
Гуттенбергъ	„ 5 „
Джонъ Говардъ	„ 25 „
Даміанъ Вестеръ	„ 10 „
Докторъ Дженнеръ	„ 10 „
Робертъ Фультонъ	„ 5 „

ИЗДАНІЯ

Общества распространенія полезныхъ книгъ.

ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Азбука—картинки. ц. 1 р. —	Трость моего дѣдушки. ц. 5 к.
Басни—картинки. „ 1 „ —	Маленькій ветошникъ.. „ 5 „
На пользу и забаву. „ 1 „ —	Три золотыхъ. „ 5 „
Крошка-мама. ц. 75 к.	Маша „ 5 „
Загадки, ребусы, шарад. „ 50 „	Новая мама „ 5 „
Званный вечеръ у Мими. „ 35 „	Старый дворецкій. . . „ 5 „
Мишуткинъ сонъ . . . „ 35 „	Любовь дочери „ 5 „
Начальное чтеніе. . . „ 30 „	Материнская любовь. . „ 5 „
Двѣ были и небылицы. „ 30 „	Ангелъ. „ 5 „
Книжка для чтенія . . „ 10 „	Знамя. „ 5 „
Добрая жена, сказка. . „ 5 „	Фазанъ. „ 5 „
Гадкій утенокъ, сказка. „ 5 „	Снѣгъ. „ 5 „
Три медвѣди, сказка. . „ 5 „	Два пугача. „ 5 „
Руселочка, сказка. . . „ 5 „	Живъ ли онъ? „ 5 „
Чудесная воряга, татар- ская сказка. „ 5 „	Любовь къ животнымъ. „ 5 „
Сказка о царевнѣ лягуш. „ 5 „	Маленькій садовникъ. . „ 5 „
Сказка о царевич. Февеѣ. „ 5 „	Сельская школа. „ 5 „
Петруша, сказка . . . „ 5 „	Училище и семья. . . „ 5 „
Лилли или рубиновый крестикъ. „ 5 „	Русскія народныя раз- сказки. „ 5 „
	Внучка. „ 1 „

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.

Пчелка, сборн. . . ц. 1 р. 75 к.	Герой ц. 50 „
Пчелка, сборн. . „ 1 „ 60 „	Дѣлатели золота . . . „ 25 „
На досугъ. . . . „ 1 „ 60 „	Ноч. сторожъ Халфданъ. „ 15 „
Братъ и сестра. . . „ 60 „	

ИЗДАНИЯ

ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ

Москва, Кузнецкій мостъ, пассажъ б. Попова, № 21.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКАГО БЫТА.

Валетка (ссылный) . . . ц. 15 к.	Никогда не поздно раск. ц. 5 к.
Дуняша-Сиротка. " 5 "	Три клада. " 5 "
Маленькій садовникъ . . . " 5 "	Босоножка. " 5 "
Рыбаки. " 5 "	Костя музыкантъ . . . " 5 "
Вѣдьма. " 5 "	Праздникъ въ деревнѣ . . . " 5 "
Мельница на оврагѣ. . . " 5 "	Вѣра спасла. " 5 "
Помогай-Бросайся. . . . " 5 "	Врагъ попут.-Богъ спасъ " 5 "
Макаръ-Вереженный . . . " 5 "	Кладъ. " 5 "
Неразмѣнъ-рубль " 5 "	Встрѣча. " 5 "
Крестянинъ-воинъ " 5 "	Аннушка " 5 "
Вѣра не гаснетъ " 5 "	Грѣхъ дѣдушки Пахома. " 5 "
На заработкахъ. " 5 "	Сельская школа " 5 "
Христосъ Воскресе " 5 "	Старый дворецкій : . . . " 5 "
Два пріятеля " 5 "	Неожиданное счастье. . . " 5 "
Не случись. " 5 "	Училище и семья. " 5 "
Искупленный грѣхъ " 5 "	На пчельникѣ " 5 "
Безъ работы " 5 "	Сердце некаменное. . . . " 5 "

Тюлений промыселъ. . . ц. 10 к.	Чудодѣйственная сила. . ц. 3 к.
Раз. матери Маргариты " 10 "	Велика сила молитвы. . . " 1 "
Вино челоуѣка сгубило. " 5 "	Правда Божія " 1 "
Совѣсть осудила. " 5 "	Въ острогѣ " 1 "
Материнская любовь . . " 5 "	Будьте милостивы къ жив. " 1 "

Книгопродавцамъ и учебнымъ заведеніямъ дѣлается уступка.

Исполняются
ВСѢ

ТИПОГРАФСКІЯ

РАБОТЫ.

Симъ имѣю честь объявить, что типографія Общества распространенія полезныхъ книгъ сдана мнѣ въ аренду съ 1-го января 1899 года. Такъ какъ въ настоящее время типографія мною значительно расширена и снабжена выписанными **НОВЫМИ ШРИФТАМИ**, то имѣется полная возможность исполнять всѣ работы **СКОРО, АККУРАТНО** и **ИЗЯЩНО**, по самымъ умереннымъ цѣнамъ. Со студентовъ и воспитанниковъ учебныхъ заведеній взимается на 50% дешевле.

ПЕЧАТАНІЕ

ЛЕКЦІЙ,

КНИГЪ, БРОШЮРЪ

И

ОТЧЕТОВЪ.

ОБЩЕСТВО РАСПРОСТРАНЕНІЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ

ТИПОГРАФІЯ АРЕНДУЕМАЯ И. К. СОЛНЦЕВЫМЪ.

Москва, Моховая, домъ князя Гагарина.

ЦѢНА РАБОТЪ:

СЧЕТА,

* БЛАНКИ, *

КОНВЕРТЫ,
ВИЗИТНЫЯ

И
АДРЕСНЫЯ КАРТОЧКИ.

КОНВЕРТЫ отъ — р. 80 к. за тысячу.
АДРЕСНЫЯ КАРТОЧКИ... " 1 " 50 " "
СЧЕТА " 1 " 75 " "
ВИЗИТНЫЯ КАРТОЧКИ... " — " 45 " за сотню.
ОБЕРТКИ для магазиновъ . " — " 50 " за стопу.
Разн. формы на писч. бумагѣ " 1 " — " "
⇒ Наборъ книгъ отъ 20 коп. за тысячу буквъ. ⇒

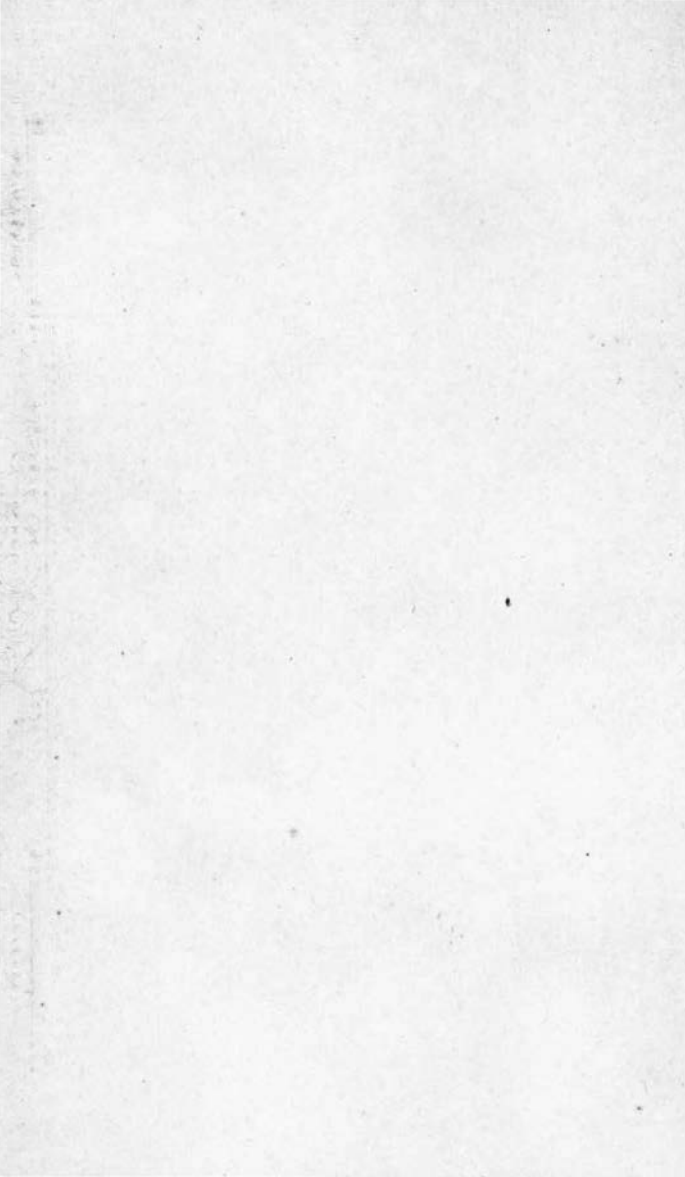
Иванъ Константиновичъ Солнцевъ.

ФАКТУРЫ,

* ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ, *

ЦИРКУЛЯРЫ,
СВАДЕБНЫЯ

И
ТРАУРНЫЯ БИЛЕТЫ.

У 592.

УНИВЕРСИТЕТЫ

АНГЛИИ

М., 1899

